

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Садырин Антон Алексеевич

СОЗДАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИГРАНТАМИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ГОРОДСКОЙ И ПРИГОРОДНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ Г. ТОМСКА)

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Нам Ираида Владимировна

Томск – 2024

Оглавление

Введение	3
1 Концептуальные и методологические рамки исследования.....	43
1.1 Содержание концептуальных основ исследования.....	43
1.2 Методы и инструменты, используемые в «мигрантском» поле	50
1.3 Особенности этнографической работы в «мигрантском» поле	55
2 Социально-экономическая интеграция мигрантов в городское и пригородное пространство Томска	68
2.1 Исторический контекст миграционной ситуации в России и в Томской области (1991-2020 гг.).....	68
2.2 Вход в «мигрантское» поле	83
2.3 Городская инфраструктура, создаваемая и/или используемая мигрантами..	96
2.4 Пригородная инфраструктура, создаваемая и/или используемая мигрантами	116
Заключение	126
Список использованных источников и литературы	132
Приложение А Гайд интервью с трудовыми мигрантами	157
Приложение Б Анкета для опроса трудовых мигрантов в вернакулярных районах Томска.....	159
Приложение В Иллюстрации	163
Приложение Г Таблицы.....	190

Введение

Актуальность исследования. Миграция была присуща человеку во все времена его существования. Доподлинно известно, что благодаря своим перемещениям с целью поиска лучшей жизни (пища, жилье и др.) древний человек заселил большую часть земного шара. С усложнением социальных отношений видоизменялись и причины миграции. Войны, работорговля, развитие скотоводства, актуализация «внешней» торговли, колониальные завоевания и т.п. влияли на характер и рост человеческих мобильностей: миграция «народов моря» в Египет и Малую Азию, расселение финикийцев в Средиземноморье, Великая греческая колонизация, Великое переселение народов, этнические миграции в эпоху Великих географических открытий, а также миграции в период двух Мировых войн и многое другое. Перечисленные события представляют лишь незначительный ряд примеров того, как перемещения людей влияли на появление новых социальных и культурных феноменов.

Со временем человеческая миграция усложняла принимающие общества, конструировала вновь возникающие сообщества (этнические, культурные, политические и др.) – под ее влиянием стало происходить преобразование пространственных социальных отношений. Появление национальных государств, введенная на законодательном уровне гражданская принадлежность к конкретной стране сделали видимым мигранта не только в силу языковых или этнических отличий, но и политических. Значительно расширила «миграционную карту» начавшаяся во второй половине XX в. глобализация. Страны въезда начали определенным образом реагировать на вновь прибывающих к ним переселенцев в контексте включения их в общество приема.

Мигранты стали неотъемлемой частью многих экономически развитых держав. Растущая потребность в рабочей силе, демографическом балансе заставляет современные государства проводить соответствующие политические действия в рамках закрепления статусов, ролей, прав и обязанностей приезжих. Кроме того, мигранты – это люди, которые социокультурно отличны от членов принимающих их обществ. Это делает особо острыми вопросы планирования,

развития и реализации национальных и миграционных политик. Отсюда явной становится важность изучения мигрантов, как особой группы в границах современного города, для понимания закономерностей и особенностей процессов адаптации и интеграции в конкретном историческом контексте.

Россия как иммиграционная страна, то есть как страна, для которой приток иностранной рабочей силы становится принципиально важным по демографическим и экономическим причинам, складывается с рубежа 1990-х – 2000-х гг. В течение этого времени формируется структура трудовой миграции в Россию, ее основные потоки в социально-профессиональном и демографическом (в том числе этническом, гендерном и возрастном) отношении¹. Специфика России как иммиграционной страны состоит в превалировании миграции из постсоветских государств – Украины, Молдовы, государств Южного Кавказа и Центральной Азии.

Постсоветские миграции способствовали актуализации этничности и вхождению ее в пространство повседневности. Возникающие мигрантские объекты (рынки, плодоовощные базы, строительные объекты) становятся маркером возвращения этнического в городское пространство. По-новому структурируя физическое пространство города, эти объекты выстраивали новые границы в пределах социального пространства города, основанные на этнической идентичности. Возникнув как «осязаемая» часть городского пространства, мигрантские объекты стали одной из «важнейших несущих конструкций социального пространства города»². Этническая видимость, слабое владение русским языком, культурная отличимость постсоветских мигрантов усиливали межэтнические противоречия, рождая новые стереотипы по отношению к приезжим. Миграционные процессы стали одним из ключевых факторов, создающих новые вызовы для формирования и реализации национальной, а также миграционной политики нашего государства.

---

¹ Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014. С. 185.

² Дятлов В.И. Миграционные процессы и проблема этнических кластеров в современной России // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XIX–XXI веках: опыт и перспективы : [сборник]. Красноярск, 2017. С. 10–14.

Россия, как и ряд других государств, принимающих мигрантов, сталкивается с проблемами «кадрового голода» в самых разных профессиональных областях. На отток и последующий дефицит квалифицированных кадров повлияли Специальная военная операция (СВО) и проведенная осенью 2022 г. частичная мобилизация, повлекшие за собой волны релокации³. Вновь «вспыхнули споры о том «нужны ли России трудовые мигранты, особенно низкоквалифицированные и плохо знающие русский язык приезжие из стран Центральной Азии, на каких условиях допускать на российский рынок труда работников из Узбекистана и Таджикистана»⁴ и т.п. Масштабное увеличение миграционного оттока из страны потребовало внесения в мае 2023 г. изменений в Концепцию миграционной политики на 2019-2025 гг.», включая меры по недопущению дискриминации мигрантов, обеспечение доступности государственных услуг, повышение интереса иностранной молодежи к изучению русского языка и др. При этом в публичном российском пространстве доминирует алармистская риторика по отношению к приезжим. Актуальны представления о замещении «коренного» населения мигрантами, о росте конкуренции на рынке труда, а также о правонарушениях иностранцев⁵. Все это – острая нехватка трудовых ресурсов и демографические «провалы», с одной стороны, и антимигрантские настроения, не отождествляющие присутствие мигрантов с решением обозначенных проблем, с другой, требует изучения и внимательного анализа.

Актуальным с научной точки зрения является изучение проблем, связанных с социально-экономической интеграцией трудовых мигрантов в городской среде. Предлагаемое в данной работе изучение городской инфраструктуры, созданной и/или используемой трудовыми мигрантами, способствует выявлению точек и степени интенсивности взаимодействия мигрантов с разными акторами,

---

³ Кадровый голод и локальная безработица: что ждет рынок труда в 2023 г. // Ведомости. М. 1999–2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/18/959434-kadrovii-golod-i-lokalnaya-bezrabotitsa> (дата обращения: 14.05.2024).

⁴ Ивахнюк И.В. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций // Российский совет по международным делам. [Б.м.], 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (дата обращения: 17.05.2024)

⁵ Кадровый голод и локальная безработица...

влияющими на аспекты интеграции, прежде всего с разными группами принимающего общества. И позволяет получить понимание того, как может и должна выстраиваться федеральная и региональная политика в сфере адаптации и интеграции мигрантов в современной России.

Степень научной разработанности темы исследования. Человеческая миграция представляет собой многогранное явление, анализируемое во множестве научных плоскостей. Это делает миграционные исследования междисциплинарным «полем», куда входят социокультурная антропология, история, экономика, этносоциология, этнополитология, городская география, демография и др. Новый характер постсоветских миграций актуализировал научные дискуссии в сферах миграционной политики, этничности, феномена диаспоры, межэтнических отношений и конфликтов (и в целом взаимодействия «пришлых» и «местных»), влияния мобильностей на социально-демографические показатели и т.п.

Одними из первых к изучению постсоветской миграции обратились демографы⁶. Работы представителей школы А.Г. Вишневого, автора концепции демографического перехода⁷, направлены на понимание того, как миграция влияет на демографическую ситуацию в России⁸, каковы экономические последствия миграции⁹, как принимающее общество относится к трудовым мигрантам¹⁰.

---

⁶ Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // *Народонаселение*. 2023. № 3. С. 4–15; Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне // *Социально-трудовые исследования*. 2023. № 2 (51). С. 16–26; Рыбаковский Л. Л. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Т. 19. № 3. С. 327–337.

⁷ Школьников В.М., Анатолий Григорьевич Вишневский и его демографическая система // *Демографическое обозрение*. 2021. № 1. С. 6–15.

⁸ Захаров С., Сурков С. Миграция и рождаемость в России // *Демоскоп Weekly*. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php> (дата обращения: 03.02.2022); Захаров С. В. Демография и миграция // *Стратегия России*. 2007. № 1. С. 33–35;

⁹ Денисенко М., Хараева О. Переводы гастарбайтеров: на перекрестке между миграцией и экономикой // *Демоскоп Weekly*. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. [Б.м.], 2022. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0339/tema01.php> (дата обращения: 03.02.2022); Денисенко М. Б., Козлов В. А. Демографические изменения, экономический рост и трудовая миграция в России // В кн.: *Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши* / Под общ. ред.: М. Б. Денисенко, В. В. Елизаров. Вып. 23. М., 2014. С. 298–317; Денисенко М. Б., Козлов В. А., Фаттахова А. А. Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире // *Демографическое обозрение*. 2015. Т. 2. № 3. С. 5–29; Денисенко М. Б., Чернина Е. М. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // *Вопросы экономики*. 2017. № 3. С. 40–57.

¹⁰ Вишневский А. Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // *Национальный психологический журнал*. 2011. № 2. С. 90–97.

Появились исследования, направленные на изучение миграционных процессов в контексте регулирования миграции¹¹, роли миграции в преодолении депопуляции населения России¹², а также роли трудовой миграции в развитии экономики России¹³. Рост числа миграционных исследований повлиял на концептуальное осмысление таких феноменов как национализм и расизм¹⁴, значимым становится и анализ интеграции приезжих (в самых разных измерениях)¹⁵. Одними из первых в России к проблемам возможной этнической сегрегации на примере Москвы обратились этногеографы¹⁶. Важным был выход в 2013 г. инициированной Российским советом по международным делам (РСМД) трехтомной хрестоматии, включившей публикации российских и зарубежных исследователей за период 2000-2013 гг.¹⁷ Первоначально подъем миграционных исследований в России характеризовался преобладанием работ с использованием количественных методов в то время, как мировая антропология, основанная на изучении миграции качественными методами, обратилась к этому феномену с началом рефлексивного поворота в науке в начале 1970-х гг. В исследовательский фокус включаются вопросы миграционного опыта, гендера и миграции, адаптации и интеграции мигрантов, культурных и социальных процессов, вызванных миграцией¹⁸.

---

¹¹ Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Иностранцы трудовые мигранты на российском рынке труда и новые подходы к миграционной политике // Экономика и управление: проблемы и решения. 2015. № 4. С. 21–29; Рязанцев С.В. Внешняя миграционная политика России // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4 (47). С. 22–29.

¹² Рязанцев С.В., Кожевникова Н.И., Акрамов Ш.Ю., Каримов М.М. Трудовая миграция и рождаемость в России и Москве: есть ли взаимосвязь? // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2012. № 6. С. 63–68; Рязанцев С.В., Акрамов Ш.Ю. Трудовые мигранты: репродуктивное здоровье и вклад в российскую рождаемость // Человек и закон. 2014. № 3. С. 42–50; Рязанцев С.В., Иванова А.Е. Вклад трудовой миграции в российскую смертность // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 13–25; Рязанцев С.В. Вклад миграции в демографическое и социально-экономическое развитие России // Наука. Культура. Общество. 2018. № 4. С. 19–27.

¹³ Рязанцев С.В. Недокументированная трудовая миграция в российской экономике // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 1. С. 24–33; Рязанцев С.В., Боженко В.В., Пажневски Ш.З. Трудовые мигранты на российском рынке труда: вклад в экономическое развитие страны // Сегодня и завтра российской экономики. 2015. № 70. С. 5–14.

¹⁴ Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. 200 с.

¹⁵ Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М., 2015. 272 с.

¹⁶ Vendina O. Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow // Eurasian Geography and Economics. 2002. Vol. 43. № 3. P. 216–243; Вендина О. Культурное разнообразие и побочные этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве. М., 2009. С. 45–148; Вендина О.И. Мигранты в российских городах // Отечественные записки. 2012. № 3(48). С. 216–229.

¹⁷ Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т.1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М., 2013.

¹⁸ Kearney M. From the invisible hand to visible feet: Anthropological studies of migration and development // Annual Review of Anthropology. 1986. № 15. P. 331–361; Rosenblum M., Tichenor D. eds. Oxford Handbook of the Politics of International Migration. Oxford, 2012. 659 p; Reed-Danahay D., Brettell C. Citizenship, Political Engagement, and Belonging: Immigrants in Europe and the United States. New Jersey, 2008. 302 p; Brettell C., Hollifield J. eds. Migration theory: Talking across disciplines. New York and Abingdon, 2023. 392 p.

Антропологический поворот в социологии повлек за собой «качественный перелом» в исследованиях постсоветской миграции российскими социологами, активно использующими этнографический метод в своих «полях»¹⁹. Интервью и наблюдение стали ключами к пониманию жизненного мира трудового мигранта, они позволили продемонстрировать те стороны повседневности приезжих, которые раньше не рефлексировались исследователями. Приток исследований из смежных дисциплин, по словам А.В. Головнева, свидетельствует об «антропологическом повороте» в этих науках, о своего рода моде на антропологию и этнологию²⁰.

Отечественные этнологи и антропологи также активно включились в изучение миграционных процессов. Ведущая роль принадлежит Институту этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН)²¹. Профильный журнал «Этнографическое обозрение» посвящает изучению проблем миграции специальные выпуски²². Важный акцент в исследованиях этнологов и антропологов делается на изучении взаимодействия «местного» населения и трудовых мигрантов. Особо следует отметить исследования взаимоотношений принимающего большинства и иноэтничных мигрантов в Москве, демонстрирующие возможные ситуации контактов и восприятие степени близости или доверия по отношению друг к другу²³. Оценивается и политика культурной интеграции приезжих в контексте возможных интеракций «местных» и

---

¹⁹ Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 2. № 3. С. 74–81; Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 131–147; Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72–95; Бредникова О., Ткач О. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127–152; Бредникова О. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.

²⁰ Антропология и этнология: современный взгляд. М., 2021. С. 3.

²¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 544 с.

²² Этнографическое обозрение. М., 2012. № 4; Этнографическое обозрение. М., 2017. № 3.

²³ Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М., 2007. 350 с.; Космарская Н.П., Пешкова В.М. Савин И.С. Москва – город контактов? Форматы и масштабы взаимодействия москвичей с мигрантами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 248–271; Космарская Н.П., Савин И.С. Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 94–111; Космарская Н.П., Савин И.С. «Расскажите о вашей жизни в этом городе»: исследование отношения москвичей к мигрантам и миграции // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений: [сборник]. М., 2015. С. 60–69.

мигрантов²⁴ для разработки эффективных инструментов российской миграционной политики, т.к. интеграции мигрантов не ограничивается исключительно социальными или экономическими аспектами²⁵.

Миграция серьезно повлияла на ее концептуальное осмысление. Стали важными дискуссии, связанные с необходимостью применения этнической парадигмы при анализе миграции и мигрантов²⁶, а также с «транснациональным поворотом» в отношении человеческих мобильностей, заявляющим то, что миграция перестала быть однонаправленным процессом с обязательным конечным пунктом в стране приема²⁷. Постсоветские миграции, характеризующиеся этнической видимостью приезжих и потенциальной «групповостью», дали исследователям почву для анализа этого явления в контексте диаспор. В. А. Тишков в ставшей уже классической работе «Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии» предупреждал отечественных ученых об опасности деления на «своих» и «чужих» посредством включения в анализ концепта диаспоры²⁸.

Актуальным в контексте трудовой миграции стал этнологический взгляд на проблему возникновения потенциальных межэтнических конфликтов. Антропологи в России являются ведущими специалистами, причастными к разработкам этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в регионах страны. В этой связи отношение «местных» к мигрантам является одним

---

²⁴ Мартынова М.Ю. Миграции в России: опыт культурной интеграции через повседневные услуги // Вестник российской нации. 2018. № 2(60). С. 114–127; Савин И.С. Практики локальной интеграции разнородных сообществ как поле для экспериментов (на примере Москвы) // Вестник антропологии. 2019. № 1(45). С. 54–66; Мартынова М.Ю. Мигранты и их интеграция в условиях повседневной жизни большого города // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений : [сборник]. М., 2015. С. 31–42.

²⁵ Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграция населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее, будущее. М., 2016. 340 с.

²⁶ Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Нужна ли этническая парадигма при осмыслении культурного многообразия // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 181–186.

²⁷ Филиппова Е.И. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности : [сборник]. М., 2016. С. 305–321.

²⁸ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 467.

из ключевых индикаторов, демонстрирующим уровень межнациональной напряженности²⁹.

Значительный вклад в антропологическое осмысление жизни трудовых мигрантов из Таджикистана внес Т.С. Каландаров. Используя новаторскую оптику по отношению к мигрантскому сообществу – анализ различных сторон жизни приезжего через призму «мигрантской» поэзии, представленной любовной лирикой, политической песней, песней о сложностях жизни в миграции и религиозными стихам, автор продемонстрировал возможности антропологического исследования в контексте человеческих чувств, эмоций и переживаний вдали от родины³⁰. Помимо этого, Т.С. Каландаров в своих работах освещает те стороны жизни мигрантского сообщества из Таджикистана, которые обычно скрыты от исследовательского взгляда. Например, ученый обращается к проблемам брачно-семейных отношений в миграции, включая формирующиеся новые формы брака в иноэтничной среде, размывание приватного пространства и сексуально рискованное поведение мигрантов³¹.

Постсоветская миграция стала важным предметом исследований и в Томске. Активно изучаются проблемы адаптации и интеграции в принимающее общество³². Образ трудового мигранта формируется не только (и не сколько) под воздействием научных исследований, но и в пределах медийного, административного дискурсов.

---

²⁹ Степанов В.В. Мониторинг общественного восприятия миграции и конфликтный потенциал миграционных отношений в России // Мониторинг реализации государственной национальной политики в регионах России. М.–Пермь, 2018. С. 17–23; Степанов В.В. Межэтнические отношения на рынке труда в Московской области: массовый опрос населения // Московская модель этнической политики. М., 2015. С. 377–395.

³⁰ Каландаров Т.С., Молчанов Ю.О. Социальная справедливость / несправедливость в поэзии таджикских трудовых мигрантов в России // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 116–128; Каландаров Т.С. Таджикская мигрантская религиозная поэзия // Вестник антропологии. 2019. № 4. С. 169–177; Каландаров Т.С. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России // Acta Slavica Iaponica. 2017. Т. 38. С. 91–119.

³¹ Каландаров Т.С. Брак, секс и развод у таджикских трудовых мигрантов // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 82–91.

³² Нам И.В., Кашпур В.В., Поправко И.Г. Трудовые мигранты в Томской области: проблемы адаптации и отношений с принимающим обществом // Поликультурное и этнокультурное образование в Томской области: опыт, практики преподавания, перспективы развития : [сборник]. Томск, 2012. С. 94–106; Нам И.В., Поправко И.Г. Трудовая миграция, рынок труда и межэтнические отношения в Томской области // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). М., 2014. С. 227–274; Нам И.В. Мигранты в университетском городе (отношение принимающего общества) // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений : [сборник]. М., 2016. С. 263–272; Нам И.В., Рассказчикова А.А. Мигранты в университетском городе (отношение принимающего общества) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. С. 95–100.

Это направление также подверглось анализу томскими антропологами³³. Отдельное внимание в рамках сибирского города заслуживает изучение национально-культурных организаций (в том числе «мигрантских»), как потенциального инструмента адаптации и интеграции приезжих³⁴, а также элемента городской инфраструктуры. Кроме того, в контексте взаимодействия постсоветского Томска и мигрантов изучается «этническое» предпринимательство³⁵, роль мечети в вопросах адаптации и интеграции приезжих³⁶, с этических позиций рефлексирование использования этнографического метода по отношению к мигрантскому сообществу в городе³⁷. Специфика Томска как «образовательного центра» способствует обращению исследовательского внимания к проблемам образовательной миграции. Большая часть таких работ направлена на изучение проблем адаптации иностранных студентов к томским образовательным реалиям и местному обществу³⁸.

Собственно предмет диссертационного исследования актуализируется в трудах как зарубежных авторов, работающих в рамках изучения связи между городским/пригородным пространством и социально-экономической интеграцией мигрантов, так и в российских исследованиях социально-экономических интеграционных практик трудовых мигрантов в процессе взаимодействия с городским и/или пригородным пространством.

В США и Канаде тема связи между городским/пригородным пространством и социально-экономической интеграцией мигрантов изучается через призму

---

³³ Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 166–192.

³⁴ Нам И.В. «Новые» этнические группы (диаспоры) в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 5 (37). С. 33–43; Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в современном сибирском городе: проблема этнического представительства // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4-2. С. 473–491; Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1-2. С. 283–304.

³⁵ Джанызакова С.Д. «Предпочитаю работать на себя»: предпринимательство мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 188–195.

³⁶ Сметанин Ф.А. Мусульманские сообщества и диаспоры как фактор интеграции мигрантов (пример Томска) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 161–165.

³⁷ Садырин А.А. Размышление о точке невозврата: включенное наблюдение как «антимерод» в исследовании мигрантского сообщества // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 1. С. 183–194.

³⁸ Джанызакова С.Д. «Учись в Сибири!»: студенты из Кыргызстана в вузах Томска // Востокведные исследования на Алтае. 2016. № 10. С. 46–52; Кошелева Е.Ю., Кикенина Ю.А. Трансформация учебных практик китайских студентов российского университета // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 2. С. 10.

сегрегации, что связано со сложившейся на протяжении столетий истории изоляции этнических меньшинств в городе³⁹. Такие исследования затрагивают преимущественно темы, связанные с функционированием «этнических» кварталов (неформальная экономика⁴⁰, социальная и экономическая изоляция сообществ внутри кварталов и т.п.)⁴¹. Основным выводом большинства работ является то, что территориальная изоляция замедляет процессы интеграции мигрантов в принимающее общество. В этих районах складывается особая «этническая» инфраструктура⁴², которая изолирует часть жителей этого квартала от других горожан. Европейские города и пригороды менее изолированы, чем города и пригороды Америки. Одновременно существует ряд исследований о включении мигрантов в городские и пригородные пространства в Великобритании⁴³, Германии⁴⁴, Голландии⁴⁵, Португалии⁴⁶.

Большинство работ, связанных с исследованием присутствия мигрантов в городском и пригородном пространстве, разработаны на базе западных городов. Наиболее известна теоретическая модель, нацеленная на изучение интеграции мигрантов и использование ими инфраструктуры мест, где они проживают, – теория пространственной ассимиляции⁴⁷. Главное положение, выносимое авторами концепции на обсуждение, состоит в том, что социальный престиж человека во

---

³⁹ Massey D.S. Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review // *Sociology and Social Research*. 1985. Vol. 69. P. 315–350.; Fong E., Hou F. Residential patterns across generations of new immigrant groups // *Sociological Perspectives*. 2009. Vol. 52 (3). P. 409–428.

⁴⁰ Geertz C. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing // *American Economic Review*. 1978. Vol. 68. № 2. P. 28–32; Werbner P. The migration process. Capital, gifts and offerings among British Pakistanis. New York, 1990. 412 p; Studer I. Self-employed Turkish speaking women in London – Opportunities and constraints within and beyond the ethnic economy // *International Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2003. Vol. 4. № 3. P. 185–195; Valenzuela-Garcia H., Parella S., Guell B. Revisiting ‘ethnic enclave economy’: resilient adaptation of small businesses in times of crisis in Spain // *International Journal of Anthropology and Ethnology*. 2017. № 5. P. 1–13.

⁴¹ Yinger J. *Closed Doors, Opportunities Lost: The Continuing Costs of Housing Discrimination*. New York, 1995. 328 p.; Zhou M. *Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave*. Philadelphia, 1997. 458 p.

⁴² Kaplan H., Wei L. *Landscapes of the ethnic economy*. New York, 2006.

⁴³ Peach C. Pluralist and assimilationist models of ethnic settlement in London 1991 // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 1997. Vol. 88. P. 120–134; Johnston R., Forrest J. and Poulsen M. Are there ethnic enclaves/ghettos in English cities? // *Urban Studies*. 2002. Vol. 39 (4). P. 591–618.

⁴⁴ Schönwälder K., Janina S. Immigrant Settlement Structures in Germany: General Patterns and Urban Levels of Concentration of Major Groups // *Urban Studies*. 2009. Vol. 46 (7). P. 1439–1460.

⁴⁵ Musterd, S., Ostendorf W. Residential segregation and integration in the Netherlands // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. Vol. 35 (9). P. 1515–1532.

⁴⁶ Malheiros J.M., Vala F. Immigration and City Change: The Lisbon Metropolis at the Turn of the Twentieth Century // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2004. Vol. 30. P. 1065–1086.

⁴⁷ Massey D. S., Bitterman B. Explaining the Paradox of Puerto Rican Segregation // *Social Forces*. 1985. Vol. 64 (2). P. 307–331.

многим зависит от места проживания. Соответственно, жители «этнических» кварталов при накоплении до определенных масштабов экономического и социального капитала, зачастую стремятся уехать из них.

Жители города или пригорода могут манипулировать пространством с целью недопущения на свою территорию «нежелательных» обитателей. При переезде представителей этнических меньшинств в более благополучный район для них возникают барьеры (*социальные кварталы, стратегии в работе агентов по недвижимости и др.*)⁴⁸. Ряд западных авторов, напротив, полагают, что «этнические» районы могут служить источником социального капитала⁴⁹. Обычно обитатели таких районов даже при имеющейся возможности «смешаться» с принимающим обществом принимают решение не переезжать.

Российские исследования, направленные на изучение социально-экономической интеграции мигрантов в городе через создание и использование инфраструктуры, столкнулись с трудностями использования западных подходов, что вызвано, прежде всего, различием структуры западного и постсоветского города⁵⁰. Эти исследования продемонстрировали, что нельзя категорически утверждать о складывании «этнических районов» в Москве в силу специфики ее социальной структуры, сложившейся в советский период⁵¹. Москва остается социально смешанной, несмотря на условную «престижность» одних районов, по сравнению с другими. Благодаря отсутствию привязки к какому-то району Москвы, у мигрантов не складывается сообществ, крепко связанных с конкретной территорией. Наличие больших массивов социального жилья, построенного в

---

⁴⁸ Yinger J. Closed Doors, Opportunities Lost: The Continuing Costs of Housing Discrimination. New York, 1995. 372 p.

⁴⁹ Zhou M., Logan J. R. Returns on human capital in ethnic enclaves: New York City's Chinatown // American sociological review. 1985. Vol. 54 (5). P. 809–820; Edin P. A., Fredriksson P. and Åslund O. Ethnic enclaves and the economic success of immigrants. Evidence from a natural experiment // The Quarterly Journal of Economics. 2003. Vol. 118 (1). P. 329–357.

⁵⁰ Деминцева Е., Пешкова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. [Б.м.], 2022. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (дата обращения: 23.01.2022).

⁵¹ Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 52–64; Demintseva E. Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43(15). 2556–2572; Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17.

советские годы, и существование до сегодняшнего времени коммунальных квартир в центре, предоставляет мигрантам выбор места проживания. Кроме того, в исследованиях, посвященных изучению «мигрантской» инфраструктуры в Москве, вводится широкое понимание того, что именно можно считать такого рода инфраструктурой, – это создаваемые трудовыми мигрантами элементы городской среды (клиники, кафе, детские центры и др.), а также все то, чем приезжие «пользуются» в рамках инфраструктуры города вообще (торговые центры, детские площадки, рынки, школы и др.)⁵².

В.М. Пешковой⁵³ удалось выделить наиболее развитые институции «мигрантской» инфраструктуры в Москве в виде «этнических» кафе, посреднических фирм (агентства недвижимости, оформления документов, а также микрокредитные организации). Данные элементы городской инфраструктуры располагаются по всей территории города, т.к. напрямую коррелируют с местами проживания трудовых мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана, которые аналогично распределены по всем районам столицы. В исследовании В.М. Пешковой показано, что инфраструктура, изначально создаваемая мигрантами для мигрантов, не является, однако, индикатором, который свидетельствует об изоляции приезжих, поскольку трудовые мигранты параллельно осваивают общегородскую инфраструктуру (парки, торговые и развлекательные центры, аптеки, офисы мобильных операторов и т.д.).

Московские социологи (Е. Варшавер и А. Рочева) в ответ на работы О.И. Вендиной, Е.Б. Деминцевой и В.М. Пешковой, которые, как показано выше, отрицают идею складывания в столице России этнически маркированных или этнически однородных мест расселения трудовых мигрантов, совершили попытку выделения и анализа так называемых мест резидентной концентрации мигрантов. Это городские локальности, которые по каким-то причинам в большей мере

---

⁵² Деминцева Е.Б. Мигранты в постсоветском городе. Введение // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 12(1). С. 12.

⁵³ Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // *Мир России*. 2015. № 2. С. 130.

заселены приезжими⁵⁴. Используя этнографический метод в своей полевой работе, ученые сравнили три отечественных города (Котельники, Екатеринбург, Красноярск) в контексте мест компактного проживания трудовых мигрантов. Исследователи пришли к выводу, что в значительной мере на складывание мест резидентной концентрации приезжих в городе влияет наличие кластера мигрантских рабочих мест – рынков⁵⁵. Вокруг рынков складывается определенная жилая застройка и инфраструктура, притягивающая трудовых мигрантов и выталкивающая бывших «местных», а также, например, влияющая на родительские интенции отдать своего ребенка в школу в другом районе⁵⁶.

Самарские исследователи попытались выделить некоторую городскую локальность – «кластер», создаваемую культурно отличимыми мигрантами⁵⁷. Важным теоретическим инструментом их исследования стало представление о мигрантских кластерах как о социопространственном явлении, позволяющем рассматривать мигрантскую инфраструктуру не только как локализованную в той или иной части города (*рынки, места расселения и работы*). В основу теоретико-методологического обоснования гипотезы «мигрантских кластеров» стало учение П. Бурдые о социальном пространстве⁵⁸. Иерархическая структура символического социального пространства состоит из множества субполей, в том числе религиозных и этнических. П. Бурдые описывает социальное пространство как ансамбль групп (*субполей*), характеризующихся различным стилем жизни. Между субполями социального пространства и внутри них (*между агентами*) идет постоянная конкуренция. Такое символическое субполе образуют культурно отличимые мигранты. Особые образования внутри мигрантских субполей – «кластеры». «Мигрантские кластеры» нельзя отнести ни к компактному, ни к дисперсному расселению, поскольку они «вкраплены» в местный поселенческий

---

⁵⁴ Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. № 19. С. 225–253.

⁵⁵ Там же. С. 238.

⁵⁶ Там же. С. 241.

⁵⁷ Мухаметшина Н.С. «Мигрантские» кластеры в социальном пространстве города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3(2). С. 638–642; Мухаметшина Н.С. «Мигрантские кластеры» как специфические социальные практики // Стратегии освоения регионального социума мигрантами из постсоветских государств. Самара, 2015. С. 40–71.

⁵⁸ Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005. 288 с.

массив, постоянно пересекаются и взаимодействуют с местными локальными сообществами.

В «мигрантский кластер» включены объекты городского хозяйства, на которых наиболее активно используется труд мигрантов, примыкающие к ним жилые кварталы, в которых относительно высок удельный вес мигрантского населения, объекты инфраструктуры, которые наряду с местным населением обслуживают мигрантов. «Кластеры» формируются стихийно, в силу как объективных обстоятельств (*близость к работе, более доступное для аренды либо для приобретения в собственность жилье*), так и субъективных факторов (*стремление селиться и работать рядом со «своими»*). «Кластеры» не имеют четких культурных маркеров, поскольку в ареале одного «кластера» могут быть сосредоточены представители различных этнических групп⁵⁹.

В.И. Дятлов определяет кластеры, как «места и точки жилищной концентрации, сосредоточения социальной, культурной, религиозной жизни, экономической деятельности представителей тех или иных этнических групп, обычно в иноэтничном окружении»⁶⁰. Анализируя «этнические» рынки под открытым небом, В.И. Дятлов полагает, что такие локации становятся местами взаимного привыкания людей различных культур, а вокруг них образуется «мигрантская» инфраструктура в силу того, что там зачастую предпочитают селиться приезжие. В совокупности все это формирует этнический «кластер»⁶¹. Хотя в восточных городах России уже есть элементы этнической экономики, но территориальной концентрации по этническому признаку нет⁶².

---

⁵⁹ Мухаметшина Н.С. «Мигрантские» кластеры в социальном пространстве города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3(2). С. 638–642.

⁶⁰ Дятлов В.И. Миграционные процессы и проблема этнических кластеров в современной России // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XIX-XXI веках: опыт и перспективы : [сборник]. Красноярск, 2017. С. 10–14.

⁶¹ Дятлов В.И. Постсоветские рынки под открытым небом: новый феномен или продолжение традиции // Сибирские исторические исследования. 2017. №1. С. 107.

⁶² Дятлов В.И. Миграционные процессы и проблема этнических кластеров в современной России // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XIX-XXI веках: опыт и перспективы : [сборник]. Красноярск, 2017. С. 10–14.

Исследуя присутствие мигрантов в городе в контексте возможного наличия анклавов (в случае Иркутска – «чайнатаунов») В.И. Дятлов и К.В. Григоричев⁶³ доказывают, что риторика в русле анклавизации мигрантов (на примере китайских мигрантов в Иркутске) вызвана сильным символическим значением феномена чайнатауна; массовая миграция китайцев в Россию спровоцировала оценку этого процесса через призму анклавов. «На деле чайнатаунов нет», заявляют авторы работы, при этом они подчеркивают, что в массовом сознании посредством актуализации данной риторики в СМИ, цифровом пространстве и властном дискурсе чайнатауны живут. Так изначально символическое становится физически ощущаемым, что отражается на восприятии визуально китайско-маркированной инфраструктуры, как чего-то закрытого/скрытого, опасного или не включенного в общий городской массив⁶⁴.

Если В.И. Дятлов и К.В. Григоричев отрицают наличие анклавизированных территорий в Иркутске, то исследователи из Екатеринбурга, напротив, обнаруживают в городе этнически однородные замкнутые локальности – анклав, с которыми в заявленных целях своих работ предлагают бороться или не допускать их появления⁶⁵. В основе причин складывания этнических кварталов исследователи усматривают приоритет родственных связей в среде трудовых мигрантов из Центральной Азии, сетевой характер миграции, а также сохранение «своего» уклада жизни, что «противоречит интересам местного населения»⁶⁶. Немногочисленный, но все же ряд современных работ российских авторов, посвященных анклавизации мигрантских сообществ в городском пространстве, объединяет одна важная деталь – отсутствие качественной методологии в исследованиях в совокупности с превалирующей трансляцией западного опыта осмысления этнических локальностей в городе на существующую российскую

---

⁶³ Дятлов В.И., Григоричев К.В. Введение. Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. 2013. Иркутск, С. 29–30.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 451–464.

⁶⁶ Бедрина Е.Б. Особенности... С. 452; Бедрина Е.Б. Этнические и миграционные анклав Свердловской области // Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве. Уфа, 2021. 139–150.

реальность (например, Акрамов Ш.Ю., Акрамов Ф.Ш., Бедрина Е.Б.)⁶⁷. Данная исследовательская перспектива может влиять на процесс стереотипизации мигранта и исключению его из интеграционной повестки принимающего общества.

Особенный вклад в попытку освещения присутствия в сибирской субурбии приезжих продемонстрировал К.В. Григоричев⁶⁸. Исследователь поставил перед собой задачу фиксации, типизации и анализа адаптационных стратегий и практик мигрантов в новом для них пространстве – пространстве пригорода. На основе результатов наблюдения и интервью исследователь пришел к выводу о том, что транснациональные мигранты довольно плотно включены в формирующееся пригородное пространство, обладают агентностью. По отношению к «коренному» пригородному населению мигранты «обладают ресурсом границы», но по отношению к другой группе – недавним городским переселенцам, не могут этим ресурсом распоряжаться в полной мере, что делает мигрантов «равными» с первой группой и зависимыми во взаимодействии со второй. Транснациональные мигранты в работе К.В. Григоричева оказываются достаточно глубоко адаптированными, но при этом не использующими ассимиляционный сценарий; вместе с тем, культурная дистанция не обособляет мигрантов, не приводит к складыванию анклавов-«чайнатаунов»⁶⁹.

На примере транснациональных трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге, представленных женщинами-мигрантками из Таджикистана и Узбекистана, были выявлены и сравнены сходства и различия в освоении городского пространства в стране исхода и в «Северной столице» России⁷⁰. Используя метод глубинного интервью в совокупности с методом ментальных карт, исследователи из Санкт-Петербурга пришли к выводам, что, во-первых, набор транснациональных практик

---

⁶⁷ Акрамов Ш.Ю., Акрамов Ф.Ш. Этнические анклав и их влияние на сферу социально-трудовых отношений в принимающем обществе // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33. № 4. С. 42–51; Бедрина Е.Б. Особенности... С. 452; Бедрина Е.Б. Этнические и миграционные анклав... С. 139–150.

⁶⁸ Григоричев К.В. «Таджики» в пригородах Иркутска: сдвиги в адаптивных практиках // Диаспоры. 2010. №2. С. 261–282; Григоричев К. «Таджики», «нерусские», «гастарбайтеры» и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. №4. С. 14–31; Григоричев К.В. «Таджики» и «китайцы» в пригородах Иркутска: свои чужие и чужие свои // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях : [сборник]. Усть-Каменогорск, 2011. С.181–189.

⁶⁹ Григоричев К. «Таджики», «нерусские», «гастарбайтеры»... С. 14–31.

⁷⁰ Резаев А., Степанов А., Лисицин П. Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. №2. С. 254–275.

позволяет включаться в социальные сети как страны исхода, так и принимающего сообщества, во-вторых, при этом уровень интеграции в принимающее общество, согласно результатам исследования, низкий. Другими важными особенностями указанной работы являются выделенные авторами дискуссионные вопросы, которые могли бы быть актуализированы в трудах социальных исследователей: важен ли гендер приезжего при освоении им городского пространства? важны ли социальные характеристики мигранта при взаимодействии с городом (возраст, семейное положение, характер трудовой деятельности)? ведет ли транснациональный характер трудовой миграции к возникновению зон компактного проживания мигрантов?⁷¹

Важной для анализа современного состояния миграционных исследований является вышедшая 2020 г. статья В.С. Малахова, в которой автор производит разбор актуальных работ российских ученых (социальных антропологов, социологов, историков, географов), занимающихся проблемой влияния миграционных процессов на изменения городской среды⁷². В.С. Малахов утверждает, что в российских миграционных исследованиях такого рода посредством смены аналитической оптики произошел отход от этноцентризма⁷³. Так, коллеги из Санкт-Петербурга (В. Воронков, О. Бредникова) изучая «этническую экономику» на примере местных «блошинных рынков», в качестве теоретической рамки использовали теорию повседневности и теорию жизненного мира. Это позволило им прийти к выводу, что «блошинный рынок» Санкт-Петербурга связан не столько с этничностью, сколько с избранной участниками исследования стратегии «рынок – пространство для выживания»⁷⁴. Обозревая кейс Иркутска, В.С. Малахов, пишет, что в работах К.В. Григоричева⁷⁵ и коллег этническое маркирование данного городского пространства есть не что иное, как

---

⁷¹ Там же. С. 270.

⁷² Малахов В.С. От общества к пространству: исследуя изменения городской среды под влиянием миграций // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 561–576.

⁷³ Там же. С. 567.

⁷⁴ Малахов В.С. От общества к пространству: исследуя изменения городской среды под влиянием миграций // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 567.

⁷⁵ Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брязгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы Иркутск, 2019. 287 с.

символ специфического характера пространственной организации; «китайскость» рынка не связана с количеством работающих на нем китайцев, она, скорее, определяется особыми функциями, приписываемыми рынку (возможность дешевле приобрести для покупателей, возможность быстро разбогатеть за счет контрафакта для продавцов и т.д.)⁷⁶.

В качестве другого яркого примера взаимодействия мигрантов с городской инфраструктурой В.С. Малахов выбирает исследовательские кейсы с так называемыми «этническими кафе»⁷⁷. На первый взгляд кажущийся «этническим» общепит открыт для любых посетителей, этничность управляющих заведениями людей не определяется принадлежностью к тем сообществам, которые складываются внутри кафе, сами же сообщества не являются этническими, а складываются по принципу землячества, шаговой доступности, общей религиозной принадлежности и др.⁷⁸

Важным кейсом, демонстрируемым В.С. Малаховым в рамках взаимодействия мигрантов с городской *социальной* инфраструктурой, является исследование⁷⁹ российского социального антрополога Е.Б. Деминцевой, изучавшей «мигрантские» школы и их учеников. В случае со школами ситуация схожа с «китайскими» рынками. «Мигрантскость» школ демонстрирует не количество обучающихся в них детей мигрантов, а репутацию школы (в силу низкого социального статуса родителей большинства учеников, независимо от «мигрантской» принадлежности); это так называемые «плохие/проблемные школы», низкостатусным мигрантам проще устроить своих детей именно в такие школы⁸⁰. В итоге В.С. Малахов приходит к выводу, что часть российских исследований миграции до сих пор тяготеет к эссенциалистским позициям, а в каких-то из них конструктивистская риторика является лишь данью моде. Но,

⁷⁶ Малахов В.С. От общества к пространству... С. 567.

⁷⁷ Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3 (121). С. 104–113.

⁷⁸ Малахов В.С. От общества к пространству... С. 568.

⁷⁹ Деминцева Е.Б. Этнические vs социальные границы: дети мигрантов в школах // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 98–113.

⁸⁰ Малахов В.С. От общества к пространству... С. 571.

безусловно, важно, что тренд от «сообществ» к «пространству» в российской миграциологии постепенно пробивает себе дорогу⁸¹.

Такой поворот стал возможен во многом благодаря концептуальной переориентации исследователей. В конце XX столетия произошел отход от «классических» ассимиляционных подходов, видящих миграцию как конечный однонаправленный процесс. Перемещения людей (прежде всего трудовая миграция) стали рассматриваться с позиций транснациональной логики⁸², которая подразумевала, что отъезд мигранта из страны исхода в страну приема, не ставит под удар наличие социальных сетей на прежнем месте жительства и активного в них участия переехавшего (благодаря цифровым помощникам, интернету, телевидению и др. мигрант находится «как бы» в нескольких местах одновременно). Так возникли «транснациональный мигрант» и «социальное пространство трансмигрантов» – набор социальных и символических связей, позиций, которые могут быть обнаружены минимум в двух географических локациях. Эти пространства состоят из различных форм, ресурсов или капиталов как мигрантов, так и тех, кто не мигрирует, с одной стороны, и правил, налагаемых национальными государствами и другими различными акторами и обстоятельствами – с другой⁸³.

Важно также отметить, что сформировавшийся тренд на пристальное внимание к городскому центру, на джентрификацию, ослабляет контроль за пригородами, территория которых в условиях данной тенденции расширяется⁸⁴. Примером такого расширения в Томске является застройка крупнейшими девелоперами территории Томского района – фактического пригорода. Современная застройка образованной в начале 1930 гг. этой административно-территориальной единицы⁸⁵ выступает лишь в роли одного (*но в современных*

⁸¹ Малахов В.С. От общества к пространству... С. 571.

⁸² Малахов В.С. Принимая транснационализм всерьез: о методологическом обновлении в миграционных исследованиях // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 223–233.

⁸³ Faist T. Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // Archives Europeennes de Sociologie. 1998. Vol. 39. № 2. P. 216–217.

⁸⁴ Addie J.-P. D., Keil R. Real Existing Regionalism: The Region between Talk, Territory and Technology // International Journal of Urban and Regional Research. 2015. Vol. 39. № 2. P. 407–417.

⁸⁵ Административно-территориальное деление Томской губернии // Государственный архив Томской области. Путеводитель. М., 2001. С. 779–783.

реалиях крайне важного) из типов возможного наполнения пригорода архитектурными сооружениями⁸⁶. Это дает возможность исследовать не только современные микрорайоны, но и другие возможные застройки пригородов, а также сообщества этих мест.

Учитывая вышесказанное, автором данного диссертационного исследования предпринята попытка комплексного рассмотрения процессов создания и использования трудовыми мигрантами инфраструктуры в крупном сибирском городе – Томске и его пригороде, но не в типичном, жителями которого являются уезжающие от городской жизни люди с желанием жить в собственном ритме, а в «новом» пригороде, по факту, чаще являющимся расширением городской периферии. Помимо этого, в диссертационной работе исследуется влияние выявленной автором «мигрантской» инфраструктуры на процесс социально-экономической интеграции в местное общество.

Объектом исследования в данной работе выступает городская и пригородная инфраструктура Томска, маркируемая как «мигрантская». Под *«мигрантской» инфраструктурой* понимаются создаваемые и/или используемые трудовыми мигрантами из Центральной Азии городские и пригородные локальности, основными потребителями которых также являются мигранты. *«Мигрантская» инфраструктура* – это прежде всего то, что сами мигранты в ходе исследования определяли как «мигрантские» места.

Предметом являются практики создания и/или использования данной инфраструктуры транснациональными трудовыми мигрантами из Центральной Азии.

Целью диссертационного исследования является этнографическое описание и объяснение практик и механизмов создания и/или использования инфраструктуры города и пригородов транснациональными трудовыми мигрантами из Центральной Азии в процессах социально-экономической интеграции приезжих в принимающее общество.

---

⁸⁶ Григоричев К.В. Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1. № 2. С. 7–23.

Достижение поставленной цели осуществляется решением следующих **задач**:

1. раскрыть содержание основных теорий и подходов, выбранных автором диссертационного исследования по отношению к избранному научному предмету;
2. выделить и охарактеризовать особенности исторического контекста миграционных процессов и вызываемых ими трансформаций городских пространств в России и в Томской области в 1990-2020 гг.;
3. определить и охарактеризовать основные риски и преимущества (включая этические и методологические) работы антрополога в «мигрантском» поле;
4. выявить, насыщенно описать и типизировать основные элементы городской и пригородной инфраструктуры Томска, создаваемой и/или используемой мигрантами;
5. проанализировать особенности выявленной инфраструктуры и определить возможные «принципы» расселения мигрантов в Томске;
6. определить роль элементов городской и пригородной инфраструктуры в социально-экономической интеграции мигрантов из Центральной Азии в Томске.

Хронологические рамки диссертационного исследования в широком смысле включают первое двадцатилетие XXI в. (2000-2020 гг.). С рубежа 1990-2000-х гг. Россия становится иммиграционной страной, для которой приток иностранной рабочей силы имеет важное значение по демографическим и экономическим причинам. В течение этих лет формируется структура трудовой миграции в Россию, определяются ее основные потоки в социально-экономическом и демографическом отношениях, в том числе этническом, гендерном и возрастном. Верхняя граница исследования определяется, во-первых, завершением полевого этапа исследования (2018-2000 гг.), а во-вторых, началом эпохи «неопределенности», начало которой было положено пандемией 2020-2022 гг.

Избранный для исследования период времени характеризуется ростом численности приехавших на территорию Томской области иностранцев из государств Центральной Азии ⁸⁷, заявленных в диссертации. Увеличение физического присутствия в городе трудовых мигрантов влияло (количественно) и на опыт взаимодействия приезжих с городом. В биографиях трудовых мигрантов, с которыми проводилась полевая этнографическая работа, актуализируется именно этот период (многие впервые совершили миграцию в Томск в начале 2000-х гг.), что позволяет отследить динамику формирования городской и пригородной мигрантской инфраструктуры, а также представляется важным для выявления воздействия меняющихся миграционных потоков на российский город в течение выбранного для исследования хронологического периода.

Работа по сбору этнографического материала проходила в Томске и его пригородах в 2018–2020 гг. В эти годы автор был исполнителем коллективного проекта, посвященного изучению «мигрантской» инфраструктуры двух крупных сибирских городов – Томска и Иркутска (проект РНФ «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц»). Эмпирические данные, собранные в ходе этого временного отрезка, послужили основой для их аналитических интерпретаций и включения в текст диссертационной работы.

Территориальные рамки. Основными центрами притяжения мигрантов, как правило, выступают крупные города и примыкающие к ним населенные пункты, создающие городские агломерации. В «большом» городе проще найти работы. Влияют и социально-экономические причины: 1) оплата труда в крупных городах на порядок выше, нежели в небольших населенных пунктах, 2) разнообразие экономических ниш, позволяющее горизонтально и вертикально переходить между ними в поисках наиболее оптимальной для конкретного мигранта, 3) разнообразный рынок арендного жилья, удовлетворяющий самые полярные запросы, 4) близость мигранта к развитой инфраструктуре,

---

⁸⁷ Зиновьев В.П. Динамика численности среднеазиатских этносов в Томской области (конец XIX – первые десятилетия XXI в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2023. Т. 46. С. 36–44.

содействующей в легализации его статуса в принимающем обществе (*медицинские учреждения, представительства органов исполнительной власти, коммерческие и некоммерческие организации помощи мигрантам и др.*).

На протяжении продолжающегося XXI в. Томск вслед за другими крупными городами России является локальностью, демонстрирующей скачкообразный рост трудовой транснациональной миграции, основными представителями которой являются выходцы из Центральной Азии⁸⁸. Томск также достаточно крупный сибирский город (*занимает 7 место по количеству жителей в Сибири и 29 в России*), что в значительной мере отражается на его привлекательности для трудовых мигрантов. Помимо этого, географическая близость к государствам Центральной Азии также является притягивающим фактором в привлечении мигрантов. Специфика выбранного для исследования города в качестве основной территориальной единицы заключается и в значительной транснациональной образовательной миграции из стран ближнего и дальнего зарубежья. Транснациональные и транслокальные студенты в силу своего социального статуса зачастую нуждаются в специфической городской инфраструктуре (*к примеру, заведения быстрого питания эконом-класса, создаваемые трудовыми мигрантами*), что также выделяет Томск и его пригороды в качестве выбранной для исследования территории.

Город, как поле, был поделен на три вернакулярных района («Иркутчи» (*Рисунок В. 1*), «Центр» (*Рисунок В. 2*), «Черем» (*Рисунок В. 3*)). В соответствии с принципами культурной географии⁸⁹, такой вид района не обрамлен административными границами, эти границы возникают «снизу», т.к. являются частью общественного сознания. Главным критерием для выделения трех обозначенных районов являлась предположительная разница их социально-экономических характеристик. Изначально автором работы предполагалось, что

---

⁸⁸ Нам И.В., Львова Э.Л. Перепись в Томской области: итоги и прогнозы // Этнокультурный облик России: перепись 2002 г. : [сборник]. М., 2007. С. 426–437; Нам И.В., Поправко И.Г. Мониторинг переписи в Томской области // Этнологический мониторинг переписи населения. М., 2011. С. 351–371; Статистика. Официальная статистика. Население. Миграция // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Б. м.], 2024. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/37439> (дата обращения: 01.03.2024).

⁸⁹ Калуцков Н.В. О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная этнография. 2013. Т. 2. № 1. С. 3–9.

потенциальная «благополучность»/«проблемность» вернакулярного района будет связана с концентрированным присутствием в нем «мигрантской» инфраструктуры.

Исследуемое пригородное пространство ограничилось частями Томского района. В территориальные рамки были включены следующие населенные пункты: д. Кисловка (включая микрорайон «Северный Парк»), д. Черная Речка, с. Тохтамышшево, с. Кафтанчиково, п. Зональная станция (включая микрорайон «Южные ворота»), пос. Светлый. Выбор данной территории прежде всего обусловлен близостью к Томску. В таком случае в рамках данного исследования мы имели дело не с классической пригородной зоной, представленной исключительно одноэтажной застройкой, во многом формирующей особый характер взаимодействия между пригородчанами, а с разрастающейся городской периферией. Рост периферии связан с особенностями законодательства Томска и Томской области (*отсутствие границ исторического поселения*), не позволяющими девелоперам заниматься крупной застройкой внутри города. Это заставляет строительные организации перемещаться в ближайшие пригороды Томска. Трудовые мигранты же перемещаются (*или вновь появляются*) в эти зоны с целью обретения новых рабочих мест – строительство, жилищно-коммунальное хозяйство (*обслуживание новых введенных в эксплуатацию домов*), локальная «традиционная» торговля (*ларьки с овощами и фруктами, мясная продукция и др.*).

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование опирается на важнейшие общенаучные принципы познания: объективность, системность, историзм. Принцип *объективности*⁹⁰ позволяет получить истинное знание об исторической реальности, которая подвержена анализу. Данный принцип всесторонне рассматривает исторические факты и явления, опирается на уже существующее знание, а также предполагает комплексное применение *различных научных методов*⁹¹. Принцип *историзма* говорит нам, что всякое общественное явление требует изучения в его конкретно-исторической

---

⁹⁰ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории: Учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М.: Высш.шк., 1989. 175 с.

⁹¹ Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009. С. 11.

обусловленности и генезисе (изменении). «Он предполагает подход к исторической действительности, изменяющейся во времени и развивающейся в силу присущих ей внутренних закономерностей, и рассматривает всякое составляющее ее явление как историческую индивидуальность, обладающую своими специфическими чертами»⁹². В таком случае процесс создания или использования трудовыми мигрантами из Центральной Азии городской и пригородной инфраструктуры видится как уникальное динамично развивающееся явление, связанное с историческим этапом становления постсоветского российского общества. Это подтверждается и использованием в работе принципа *системности*, предполагающего раскрытие всей целостности сложного общественного или культурного явления во взаимосвязи и взаимодействии его составляющих с учетом определения места данного явления в системах более высокого порядка.

И.Д. Ковальченко определял научный метод как «совокупность путей и принципов, требований и норм, правил и процедур, орудий и инструментов, обеспечивающих взаимодействие субъекта с познаваемым объектом с целью решения поставленной задачи»⁹³. В этой связи, помимо применения в диссертационной работе традиционных для такого рода исследований общенаучных методов, которые, как правило, делятся на общие логические приемы (описание, наблюдение) и методы теоретического исследования (методы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, логический и исторический методы), автор использует специальный исторический метод и метод этнографии. Специальный исторический метод представлен в диссертации историко-системным методом⁹⁴. Данный метод позволяет выделить из общей системы отдельные подсистемы для их последующего углубленного анализа. В таком случае постсоветский город рассматривается как система более крупного порядка, состоящая из определенных подсистем, представленных сообществами горожан. К одному из социокультурных сообществ, влияющих на развитие и трансформацию городской постсоветской среды, могут быть отнесены

---

⁹² Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории... С. 85.

⁹³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 39.

⁹⁴ Там же. С. 183.

трудовые транснациональные мигранты, как активные создатели и/или пользователи инфраструктуры города. Метод этнографии в диссертационной работе понимается как совокупность методологических подходов (*глубинные интервью, участвующее наблюдение*)⁹⁵ и способ презентации данных.⁹⁶ Стоит отметить, что метод этнографии прочно связан с применяемой в работе качественной методологии интерпретивизма. Главное допущение интерпретивизма – это существование множественных социально конструируемых реальностей; основная цель – понимание того, как в социальном мире конструируются смыслы, а способ достижения этой цели – интерпретация⁹⁷. Таким образом, инфраструктуры выделяются в работе на основе того, как они присутствуют в жизни мигрантов и их рассказах.

Существенную роль в современной научно-исторической методологии играет *междисциплинарный подход*. Он позволяет синтезировать достижения других наук (включая социальные) с историей для демонстрации в контексте социокультурного подхода отдельного человека как субъекта истории. Данная диссертация демонстрирует интердисциплинарный синтез истории и антропологии. Историки и антропологи на протяжении длительного времени имели общий научный предмет – «инаковость». Для одних «инаковость» конструировалась и исследовалась в пространстве, для других – во времени⁹⁸. Развитие во второй половине XX в. междисциплинарности позволяло более глубоко проникать в сферу мотивов и механизмов поведения и взаимодействия людей как членов разных сообществ (этнических, социальных, локальных)⁹⁹. И.М. Савельева и А.В. Полетаев отмечали: «последовательные и постоянные контакты с социальными и гуманитарными науками и даже с литературой и другими видами искусства

---

⁹⁵ Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific: an account of native enterprise and adventure in the archipelagoes of Melanesian New Guinea. London, 1922. 526 p.

⁹⁶ Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.; Rabinow P. Reflections on Fieldwork in Morocco. Berkeley, 1977. 164 p.; Clifford J., Marcus G. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley, 1986. 305 p.; Ушакин С.А. Этнография себя, или о пользе формализма в антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 160–172.

⁹⁷ Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. С. 74.

⁹⁸ Cohn B.S. History and Anthropology: The State of Play // Comparative Studies in Society and History. Vol. 22. № 2. 1980. P. 198–221.

⁹⁹ Поршнева О.С. Междисциплинарные методы... 135 с.

модифицировали облик истории, давали ей возможность проникать в закрытые для нее самой зоны знания, использовать новые методы, экспериментировать с историческим материалом. Благодаря такому синтезу история всегда соответствовала своему времени, т.е. последовательно отражала основные научные парадигмы эпохи»¹⁰⁰.

В основу настоящего исследования положен *социокультурный подход*. Сущность данного подхода сводится к тому, что социальность и культура едины, а формируются они в результате человеческой деятельности. Трудовых мигрантов из Центральной Азии в Томске и его пригородах в таком случае можно рассматривать в качестве отдельной социальной группы (самостоятельного социокультурного субъекта)¹⁰¹ со своими культурными установками, влияющей на общественное развитие посредством взаимодействия с инфраструктурой постсоветского города/принимающего общества. В таком случае социокультурная парадигма определяет историю как целостно-системный процесс, состоящий из взаимодействия составляющих общество социальных групп (включая мигрантов).

Специфика объекта и предмета диссертационного исследования, а также не просто допустимость, а именно приветствие в современных исторических исследованиях междисциплинарности, повлияли на применение в настоящей работе результатов и концептуальных положений социальной антропологии. В связи с этим, в качестве особых аналитических подходов, позволяющих интерпретировать полевой этнографический материал, являющийся частью источниковой базы в данном исследовании, выступают *интеграционная теория* и *теория транснационализма*. Концепция интеграции в данном исследовании не представляется как что-то единое или цельное. В понимании феномена интеграции довольно длительное время доминировал структурно-функционалистский подход, в рамках которого интеграция упорядочивает общество, позволяет мигрантам включиться и стать «полноценной» частью принимающего общества. Во многом это связано с тем, что в академическом дискурсе понятие интеграция мигрантов

---

¹⁰⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997. С. 97.

¹⁰¹ Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009. С. 10.

появилось сравнительно недавно во второй трети XX столетия и рассматривалось в рамках методологического национализма¹⁰² (*нация/государство/общество есть естественные социальные и политические образования*), видящего интеграцию, как попытку включения мигрантов в единое этносоциальное/этнополитическое пространство, исключающее или сводящее на нет межэтнические напряженности и конфликты. Для автора данного диссертационного исследования важны прежде всего социально-экономические аспекты интеграции. При этом сама интеграция понимается, скорее, как совокупность повседневных социальных практик¹⁰³ транснациональных мигрантов, как попытка рутинизации однажды возникших уникальных социальных взаимодействий в пределах принимающего общества.

Такой взгляд на интеграцию во многом обусловлен использованием в диссертационном исследовании второго подхода – транснационализма. Традиционные концептуальные модели осмысления миграции подверглись критике в начале 1990-х гг.¹⁰⁴. Благодаря этому появились новые понятия: «трансмигрант» и «транснационализм». Оказалось, что в современных на тот момент условиях мигрантские сообщества не обязательно должны быть локализованы и обладать локальной культурой. Транснационализм стал определяться как социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы. Мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические связи, пересекающие границы¹⁰⁵.

Для транснациональных мигрантов прежде всего характерна мобильность, которая является основной жизненной стратегией. Мигранты постоянно передвигаются из страны в страну, из города в город, с одного места работы на

---

¹⁰² Виммер А., Глик Шиллер Н. Методологический национализм и за его пределами: нациостроительство, миграция и общественные науки // Социология власти. 2021. Т. 33. № 2. С. 184–231.

¹⁰³ Эндрюшко А.А. Ситуативные факторы культурной интеграции мигрантов в России (на примере граждан Азербайджана) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 10(79). С. 2847–2854.

¹⁰⁴ Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration // Annals New York Academy of science. 1992. P. 1–21.

¹⁰⁵ Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство : [сборник]. СПб., 2004. С. 133–146.

другое, от одного партнера к другому, причем такие передвижения могут происходить как в физическом пространстве, так и в воображении мигранта. Такая исследовательская логика позволяет взглянуть на создаваемую и/или используемую мигрантами городскую инфраструктуру, как на не конечную, а промежуточную локальность в рамках социально-экономической интеграции приезжих. Помимо этого, использование транснациональной рамки позволяет адекватно конструировать и применять исследовательский инструментарий в виде гайдов интервью и планов наблюдения, в которых принципы человеческой мобильности с наличием конечной точки не будут доминирующими. Исследование заявленных проблем современной миграции «из кабинета» будет неэффективным. Необходим долгосрочный контакт ученого с участником исследования, который позволит отследить возможные виды мобильностей и связанные с ними социально-экономические интеграционные траектории. Однако, стоит отметить, что транснационализм (или его принципы) использовался в данной работе в «усеченном» виде, в качестве исследовательского подхода. Это связано с тем, что транснациональная оптика требует присутствия исследователя и проведения полевой работы как в стране исхода, так и в стране приема.

Наиболее подходящей моделью объяснения расселения мигрантов в Томске и его пригородах, а также социально-экономической интеграции через практики взаимодействия с городской и пригородной инфраструктурой явилась *модель гетеролокализма*, разработанная У. Зелински и Б. Ли в 1998 г.¹⁰⁶ Данная теория простирается в рамках культурной географии и допускает дисперсное, а не компактное (*этнически однородное*) расселение мигрантов в городском и пригородном пространстве при одновременном сохранении прочных связей внутри этнического сообщества или сети. Это становится возможным при использовании с конца XX в. новых технологий – интернета, телефона и др. Взаимодействуя вне пределов одного физического пространства, а опосредованно,

---

¹⁰⁶ Zelinsky W., Barrett L. Heterolocalism: An alternative model of the sociospatial behaviour of immigrant ethnic communities // International Journal of Population Geography. 1998. № 4. P. 281–289.

мигранты, проживающие в разных частях города, способны при этом сохранять близость со своей этнической группой.

Для выявления географии расселения мигрантов в городе и использования ими городских инфраструктурных объектов использовался подход, использующийся в культурной географии, согласно которому в городском пространстве существуют как традиционные (реальные), так и ментальные (вернакулярные) районы, а основными критериями выделения вернакулярного района служит его локализация в восприятии жителями отдельной городской территории. Для исследования были выделены три вернакулярных района, имеющих разные социально-экономические и географические характеристики: «Центр» как «благополучный» район, «Черемошники» как «проблемный», «Иркутчи» как «промежуточный». С целью выявления элементов «мигрантской» инфраструктуры был проведен анкетный опрос трудовых мигрантов из Центральной Азии в каждом из выделенных вернакулярных районов города. Всего было опрошено 300 мигрантов из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана по случайной выборке, по 100 человек в каждом из трех вернакулярных районов Томска¹⁰⁷. Данные анкетного опроса были проанализированы SPSS (Statistical Package for the Social Sciences).

Как было сказано ранее, в 2018-2020 гг. автор данной работы был исполнителем коллективного проекта, посвященного изучению «мигрантской» инфраструктуры двух крупных сибирских городов – Томска и Иркутска (проект РФФИ «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц»). В рамках данного проекта мной были реализованы индивидуальные подпроекты, основанные на проведении качественных исследовательских интервью и наблюдения. При этом автор опирается и на материал, собранный всеми участниками проекта (была создана единая база интервью, промежуточные результаты проекта всегда были прозрачны и доступны для всех участников, о чем обязательно сообщается при использовании

---

¹⁰⁷ Подробнее об исследовании см.: Трудовые мигранты из Центральной Азии в сибирском городе: инфраструктура, занятость, повседневность, досуг / Брызгина Д.Е., Джанызакова С.Д., Нам И.В. [и др.] // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 4. С. 31–52.

этих материалов). После анализа результатов анкетного опроса, автором диссертационного исследования было собрано 40 полуформализованных глубинных интервью с трудовыми мигрантами из Центральной Азии, и проводилось наблюдение, включая участвующее, в местах работы/жительства трудовых транснациональных мигрантов из Центральной Азии.

Помимо этнографического метода, включающего глубинные интервью и участвующее наблюдение, дополнительно использовался предложенный автором «гибридный» мобильный исследовательский инструмент, суть которого заключается в «прогулке» по жилью мигранта с параллельной беседой и рассказом о внутреннем пространстве жилья. Это не классическая интерпретация мобильного метода go-along, который предполагает совместные маршруты исследователя и участника исследования в городском пространстве (пешком или на любом виде транспорта)¹⁰⁸ и не «метод» сопровождения (shadowing), обычно применяемый в антропологии организаций¹⁰⁹. Использование данного инструмента позволило выйти за пределы «классического» повествования участника исследования, которое можно обнаружить в рамках интервью. Параллельно ответам интервьюируемого «считывалась» эмоциональная реакция или элементы проявления невербального поведения, позволившие исследователю отходить от плана интервью, формулировать и задавать в данный момент времени актуальные для трудового мигранта вопросы.

Источники. Диссертационное исследование основано на использовании комплекса источников, разделенных на три видовые группы:

1) Полевые этнографические материалы, собранные автором в период с 2018 по 2020 гг. (наблюдение и интервью).

---

¹⁰⁸ Kusenbach M. Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool // *Ethnography*. 2003. Vol. 4. № 3. P. 455–485; Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В. Пешеходное интервью: структура и жанры // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные термины*. 2019. № 4. С. 4–21; Запорожец О.Н. «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // *Социология*: 4М. 2017. № 44. С. 37–72.

¹⁰⁹ Чарнявска Б. Процесс организации: как его изучать и как писать // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 1. С. 6–23.

2) Источники, определяющие концептуально-правовые основы миграционной политики Российской Федерации (Федеральные законы и Указы Президента Российской Федерации)

3) Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Томской области (Томстат).

Основу исследования составили полевые этнографические материалы автора (ПМА). В выявленных городских локальностях, созданных и/или используемых мигрантами, проводилось *наблюдение* с использованием предварительно разработанного плана наблюдения, включающего категории наблюдаемого, феномены/предметы категорий, а также исследовательские комментарии, относительно увиденного. Помимо этого, посредством фиксации заметок на смартфоне велся полевой дневник, на диктофон «надиктовывались» ключевые замечания увиденного в поле для дальнейшей расшифровки и интерпретации. Всего было взято 40 *интервью* у трудовых транснациональных мигрантов из Центральной Азии в Томске. Количество интервью с мужчинами равно 30, с женщинами – 10. Это соответствует общей логике гендерного распределения мигрантов в Томске. В пригородах Томска было проведено также 30 бесед с представителями местного общества. Важным источником являются данные *анкетного опроса* трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Все полевые материалы хранятся в личном архиве автора.

Для демонстрации исторического, государственного и регионального миграционных контекстов по отношению к исследуемой группе мигрантов использовались результаты Всероссийских переписей населения (2002, 2010, 2020-2021 гг.), входящих в хронологические рамки диссертационной работы. При этом использовались и вторичные данные, интерпретируемые специалистами в области этнодемографии этнологического мониторинга¹¹⁰.

---

¹¹⁰ Нам И.В., Львова Э.Л. Перепись в Томской области: итоги и прогнозы // Этнокультурный облик России: перепись 2002 г. : [сборник] М., 2007. С. 426–437; Нам И.В., Поправко И.Г. Мониторинг переписи в Томской области // Этнологический мониторинг переписи населения. М., 2011. С. 351–371; Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М., 2016. 192 с; Мкртчян Н.В.,

Анализ социально-экономической интеграции трудовых мигрантов в городское и пригородное пространство Томска потребовал обращения к федеральному законодательству и нормативным документам, а также к документам, концептуализирующим национальную и миграционную политику государства¹¹¹.

Важным источником информации для описания исторического, государственного и регионального миграционных контекстов по отношению к исследуемой группе мигрантов послужили: а) данные всероссийских переписей населения (ВПН) 2002, 2010 и 2022 (21) гг. о численности и национальном составе населения Томской области; б) находящиеся в свободном доступе статистические данные¹¹², отражающие динамику демографических и миграционных процессов в России и Томской области. Использовались в работе и вторичные данные, интерпретируемые специалистами¹¹³.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые:

1) Систематизированы и описаны подходы к исследованию взаимодействия мигрантских практик и городских инфраструктур.

2) Проведен анализ и описание траекторий социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в сибирском городе (на примере Томска) с применением междисциплинарной методологии и методов.

Флоринская Ю.Ф. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. Т. 28. № 1. 2021. С. 50–54.

¹¹¹ Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // Гарант.Ру: Информационный портал. М., 2024. URL: https://base.garant.ru/72092260/#block_4 (дата обращения: 01.03.2024); Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Гарант.Ру: Информационный портал. М., 2024. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 01.03.2024).

¹¹² Статистика. Официальная статистика. Население. Миграция // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Б. м.], 2024. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/37439> (дата обращения: 01.03.2024).

¹¹³ Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М., 2016; Нам И.В., Львова Э.Л. Перепись в Томской области... С. 426–437; Нам И.В., Поправко И.Г. Мониторинг переписи в Томской области... С. 351–371; Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. Т. 28, № 1. 2021. С. 50–54.

3) Показано, как мигранты встраиваются в экономику и социальные связи в сибирском постсоветском городе и его пригородах в контексте взаимодействия с местным обществом в обнаруженных автором инфраструктурных точках.

4) В научный оборот введены новые данные о практиках создания и (или) использования (способах приватизации) транснациональными мигрантами инфраструктур в городских и пригородных пространствах.

5) Сделан вывод о том, что Томск не рассматривается трудовыми мигрантами в качестве конечной точки их миграционных историй.

Теоретическая и практическая значимость работы. Изучение отдельных российских городов и их пригородов в контексте взаимодействия в них приезжих и «местных» становится важным исследовательским вектором, позволяющим через анализ практик создания и использования городской и пригородной инфраструктуры транснациональными мигрантами определить формирующиеся и использующиеся многоаспектные интеграционные стратегии и тактики пришлых.

Теоретическая значимость работы обусловлена концептуализацией «мигрантской» инфраструктуры одновременно в двух пространствах – городском и пригородном, а также сравнением обнаруженных элементов инфраструктуры в контексте интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество.

Полученные научные результаты исследования и имеют и практическое значение в целях анализа и разработки миграционной политики как на региональном, так, и в перспективе на федеральном уровне. Подтверждением чему служит факт представления автором комментариев и рекомендаций по предварительным результатам исследования на информационном брифинге, организованном мэрией г. Томска в ноябре 2019 г. с целью повышения уровня информированности городского сообщества в вопросах, касающихся межнациональных отношений на территории города. Участниками брифинга являлись представители городской администрации, управления министерства внутренних дел и федеральной службы безопасности Томска, а также национально-культурных автономий города. Результаты диссертационного

исследования могут быть использованы в качестве экспертных заключений для разработки региональной миграционной политики, а также для создания интеграционных инструментов и механизмов некоммерческими организациями, осуществляющими деятельность в сфере помощи иностранным гражданам.

Помимо этого, научные результаты, полученные в ходе анализа эмпирических данных, позволяют инкорпорировать результаты диссертационного исследования в учебные курсы, реализуемые при подготовке специалистов в области антропологии и этнологии на базе Томского государственного университета.

Положения, выносимые на защиту:

1) Анализ теоретических подходов, выбранных автором диссертационного исследования по отношению к избранному научному предмету, показал, что транснациональный характер современной трудовой миграции в значительной мере влияет на социально-экономические интеграционные стратегии и практики приезжих. Трудовые мигранты не настроены на долгосрочное пребывание на территории одного города или одной страны. Их видение будущего чаще связано с переездом на новое место жительства/работы или с возвращением на родину, что обусловлено целями миграции: заработать на строительство дома, свадьбу, машину, образование и т.п. После накопления капитала и достижения цели трудовой мигрант вновь совершает мобильность. Такой характер миграции обуславливает особенный характер практик включения приезжего в российское общество – все видится временным, а не постоянным.

2) Появление в начале 2000-х гг. в Томске трудовых мигрантов из Центральной Азии повлекло за собой формирование «мигрантских» мест (существующих в представлении горожан, а не в реальности), которые маркировались таковыми местными жителями и/или самими мигрантами, но на практике являлись местами взаимодействия между разными группами горожан, включая как местное, так и пришлое население.

3) В местах проживания – вернакулярных районах или административных микрорайонах, где мигранты живут или работают, они используют в основном

инфраструктуру «шаговой доступности», которая выполняет роль ключевых точек организации повседневной мобильности (маршрутов «дом-работа» и «работа-дом»), но не является основой для структурирования вне рабочего времени и маршрутов.

4) В досуговое время большинство мигрантов используют городскую инфраструктуру преимущественно вне района расселения. К этой группе относятся все элементы городской инфраструктуры, которыми пользуются мигранты в повседневной жизни наравне с местным населением (рынки, магазины, кафе, парикмахерские, больницы, салоны красоты, детские сады, школы и т.д.). При этом, пользование мигрантами городской инфраструктурой не является основой их маркирования как «мигрантской».

5) Мигранты в Томске и пригородах не создают самостоятельную инфраструктуру, существующую параллельно иной городской, социальной, торговой, рекреационной инфраструктуре. Не возникло и устойчивых локальностей компактного проживания мигрантов, связанных с анклавизацией отдельных городских районов. В большинстве случаев элементы городской инфраструктуры, которые описываются в качестве «мигрантских», являются объектами, совместно создаваемыми и совместно используемыми и горожанами, и мигрантами. Это позволяет утверждать, что этнически однородных мигрантских анклавов в Томске на данный момент не существует.

6) В сфере предпринимательской активности мигрантов категории *этничность* и *мигрантскость* используются в зависимости от ситуации, но прежде всего их социальные связи организуются за счет взаимодействия с теми, с кем легко, кому доверяешь, с кем пересекаешься в пространстве (социальное окружение). Этничность не является основой коммуникации мигрантов в эмиграции, что говорит о проблемности использования теоретической рамки «этнического предпринимательства» для описания мигрантского бизнеса в сибирском городе. Этничность, так же, как и мигрантскость выступает только одной из многочисленных характеристик социальных связей бизнесменов, основанных на: а) легкости (простоте, беспроблемности), б) рациональности

(выгоде), в) доверии, г) давлении извне (вытеснении), д) социальном пространстве. Модель, построенная на приведенных факторах, организующих связи мигрантов, подразумевает, что существуют различные социальные сети в бизнесе, когда предприниматели поддерживают связи с местными.

Апробация результатов. Диссертационное исследование в значительной степени выполнено на материалах, собранных в ходе реализации двух проектов: 1) «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» (грант РФФИ № 18-18-00293, руководитель И.В. Нам) и 2) «Влияние типов домохозяйств и форм соседства на трудовые практики и трудовые карьеры мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе» (грант РФФИ № 20-39-90020, руководитель И.В. Нам).

Результаты проведенного исследования были апробированы в 10 докладах на различных научных конференциях:

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Садырин А.А. «Размышления о точке невозврата: участвующее наблюдение как антиметод в исследовании мигрантского сообщества». Международный коллоквиум «Антропология миграции: новые исследования в России» (1-2 марта 2019 г., Санкт-Петербург);

2. Садырин А.А. «Размышления о точке невозврата: участвующее наблюдение как антиметод в исследовании мигрантского сообщества». Международный научно-практический семинар «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» (1-2 марта 2019 г., Санкт-Петербург)

3. Садырин А.А. «"Нетипичное" соседство в мигрантской среде». Международная конференция «Слоеный пирог соседства: соседство близкое, далекое, разное...» (18-20 апреля 2019 г., Санкт-Петербург);

4. Садырин А.А. «Спорт в среде мигрантов из Средней Азии (случай Томска)». XIII Конгресс антропологов и этнологов России (всероссийский с международным участием) «Системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества: антропологический аспект» (2-6 июля 2019 г., Казань);

5. Садырин А.А. «Сеть кафе «Ош» в Томске: элемент мигрантской инфраструктуры или среда интеграции в местное сообщество». V международная конференция «Миграция, перемещение населения и городское развитие» (26-27 сентября 2019 г., Москва);

6. Садырин А.А. «Формы жилья и соседства мигрантов в сибирском городе». Информационный брифинг «Мигрантская» инфраструктура в Томске: ресурс адаптации или стена отчуждения?» (07 ноября 2019 г., Томск);

7. Садырин А.А. «Сеть кафе «Ош» в Томске: элемент мигрантской инфраструктуры или среда интеграции в местное сообщество». Информационный брифинг «Мигрантская» инфраструктура в Томске: ресурс адаптации или стена отчуждения?» (07 ноября 2019 г., Томск);

8. Садырин А.А. «Типы жилья и формы соседства мигрантов как средство организации трудовой карьеры (на примере Томска)». XIV Международный конгресс антропологов и этнологов России. «Антропология в поисках ответов на глобальные вызовы» (06-09 июля 2021 г., Томск)

9. Садырин А.А. «Создание и использование трансграничными мигрантами инфраструктуры в пригородных пространствах (на примере Томска)». XIV Международный конгресс антропологов и этнологов России. «Антропология в поисках ответов на глобальные вызовы» (06-09 июля 2021 г., Томск)

10. Садырин А.А. «Домохозяйства мигрантов как пространство для организации трудовой карьеры (на примере Томска)». Международная научная конференция «Пространство великих экспериментов» (14-16 октября 2021 г., Тобольск)

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Садырин А.А.** «Студенческая посылка» как актант в сети студентов – учебных мигрантов из Казахстана: к вопросу о конструировании

- сообщества // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 5 (37). – С. 134–137.
2. **Садырин А.А.** Учебный мигрант из Казахстана: правда или вымысел? (случай г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 2 (40). – С. 127–131.
  3. Брызгина Д. Е. Трудовые мигранты из Центральной Азии в сибирском городе: инфраструктура, занятость, повседневность, досуг / Д. Е. Брызгина, С. Д. Джанызакова, И. В. Нам [и др.] // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 31–52.
  4. **Садырин А. А.** Формы жилья и соседства трудовых мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска и Иркутска) // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 4. – С. 182–194.
  5. **Садырин А.А.** От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2022. – № 76. – С. 151–156.
  6. **Садырин А.А.** Размышления о точке невозврата: включенное наблюдение как "антиметод" в исследовании мигрантского сообщества // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 183–194.

Статьи в прочих научных изданиях:

7. **Садырин А.А.** Спорт в среде мигрантов из Средней Азии (случай Томска) // XIII Конгресс антропологов и этнологов России : сборник материалов, 2-6 июля 2019 г., Казань. – М. ; Казань, 2019. – С. 473–474.
8. **Садырин А.А.** Типы жилья и формы соседства мигрантов как средство организации трудовой карьеры (на примере Томска) // XIV Конгресс антропологов и этнологов России, Томск, 6-9 июля 2021 г. : сборник материалов. Москва : Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. – С. 72.

Достоверность результатов, полученных в процессе исследования, определяется широким кругом и репрезентативностью источников, включающих интервью и данные наблюдения. Автором применяются общенаучные,

исторические, антропологические и социологические методы исследования, соблюдены принципы историзма, системности, научной достоверности и объективности.

Структура работы определяется поставленной целью, задачами и логикой подачи материала. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, библиографии и приложений, содержащих описание использованной автором эмпирической базы.

Благодарности. Автор диссертационного исследования выражает благодарность коллегам-участникам научного проекта, данные которого явились основой для диссертационной работы. Спасибо И.В. Нам, Е.Б. Деминцевой, В.И. Дятлову, К.В. Григоричеву, Д.О. Тимошкину, Д.А. Опарину, Ф.А. Сметанину, Д.Е. Брызгиной, С.Д. Джанызаковой за неоценимый вклад в нашу совместную исследовательскую деятельность. Помимо этого, автор благодарен всем участникам исследования – трудовым мигрантам из Центральной Азии, без которых данная работа не смогла бы состояться.

1 Концептуальные и методологические рамки исследования

1.1 Содержание концептуальных основ исследования

В качестве основного подхода исследования был выбран транснационализм. Главным преимуществом данной теории для диссертационной работы является то, что в контексте исследования интеграционных практик трудовых мигрантов приезжие не рассматриваются в качестве тех, кто совершил конечную остановку в России (*в нашем случае в Томске*). Такой взгляд позволяет актуализировать исследовательские подвопросы, которые не возникли бы при использовании доминирующей в XX столетии ассимиляционной теории в ее различных конфигурациях¹¹⁴. Во многом все дело в том, что мигрант в рамках транснационализма есть обладатель нескольких идентичностей, включенный в различные сферы жизни нескольких обществ (*отправляющего, принимающего, воображаемого, становящегося в будущем принимающим*). В таком случае отпадает перспектива классической ассимиляции и интеграции (*где мигрант окончательно оторван от страны исхода*), стратегии и практики трансмигранта меняются в зависимости от контекста его мобильностей: «Транснациональный фокус подразумевает интерес к тому, что происходит с движущимся человеком в те моменты его жизни, когда он еще не отправился в дорогу или когда он перестал путешествовать. Интерес представляют также и все те, кто его окружает, – не имея своего опыта миграции, они так или иначе принимают участие в принятии решения о поездке...»¹¹⁵.

Транснационализм, как противопоставление другим миграционным теориям, институционализируется в начале 1990-х гг. благодаря усилиям коллектива исследователей (*Н. Глик-Шиллер, К. Бланк-Зантон, Л. Баш*)¹¹⁶. Вместо традиционно доминирующей мысли о наличии обязательно где-то локализованных сообществ, обладающих локальной культурой, к которой мигранты должны были

---

¹¹⁴ Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 62–76.

¹¹⁵ Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, лояльные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 11.

¹¹⁶ Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство : [сборник]. СПб., 2004. С. 133–146.

приспосабливаться – ассимилироваться, ученые предложили использовать понятия «трансмигранты» и «транснационализм». Транснационализм в таком случае определяется как «социальный процесс, в котором мигранты образуют социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политические границы»¹¹⁷, а публичные идентичности трансмигрантов формируются во взаимодействии больше, чем с одним государством.

При этом транснационализм не возник как что-то совершенно новое в 1990-х гг. Значительное влияние на его появление оказали размышления американского культурного антрополога А. Аппадурои. В 1986 г. мир познакомился с его работой «Социальная жизнь вещей»¹¹⁸. В ней ключевой тезис сводился к тому, что ценность товаров возникает из-за их обращения/циркуляции внутри не только семьи, города или страны, но и мира. Кроме того, А. Аппадурои предположил, что товары могут превращаться в носителей стоимости, когда они перемещаются между различными «режимами стоимости» или социальными конъюнктурами, в которых объекты оцениваются в разных терминах (*например, товар, реликвия, дар, священный объект*). Антрополог, в сущности, отобразил «социальную» жизнь вещей, дав им голос.

Концепция, изложенная А. Аппадурои в «Социальной жизни вещей», позволила ему приступить к написанию новой работы, посвященной вопросам глобализации¹¹⁹. Критика национального государства привела ученого к скептицизму относительно пространства вообще. Для обоснования своих взглядов антрополог использует понятия Ж. Делёза¹²⁰ «детерриториализация» и «поток». Последний термин активно вводился А. Аппадурои относительно глобализации наряду с М. Кастельсом и У. Ханнерцом. Для А. Аппадурои наш мир – это «мир потоков», в котором реальность состоит не из вещей и мест, а из постоянного движения людей (*мобильность/миграция*), товаров, образов и идей – своеобразных потоков. Это, в свою очередь, означает, что якобы традиционная

---

¹¹⁷ Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность : [сборник]. М., 2020. С. 15.

¹¹⁸ Appadurai A. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge, 1986. 348 p.

¹¹⁹ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. 248 p.

¹²⁰ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург, 2007. 672 с.

антропологическая концепция культуры и идентичности, основанная и определенная местами, раскрывается как колониальное навязывание пространственной логики национального государства. По мнению А. Аппадураи, сообщества и идентичности подвергаются детерриториализации – они производятся на *транснациональной* основе и не могут быть идентифицированы ни с одним конкретным местом или территорией.

Основным и самым радикальным изменением, которое в своей работе выдвинул А. Аппадураи, является теория трансформации современности. Эта теория говорит о том, что электронные посредники значительно меняют все поле масс-медиа и воздействуют на традиционные средства коммуникации. Этими посредниками пронизана вся человеческая повседневность, что приводит к конструированию новых человеческих «я» и социальных миров. Помимо масс-медиа, важна и возрастающая роль различных человеческих мобильностей. При этом миграция становится совмещенной с потоком виртуальных образов и чувств, транслируемых масс-медиа. «К примеру, когда турецкие гастарбайтеры смотрят турецкие фильмы, сидя в своих квартирах в Германии, или же когда корейцы, живущие в Филадельфии, смотрят олимпийские игры 1988 г. в Сеуле, движущиеся образы встречаются с де-территориализованными зрителями, образуя транснациональные публичные сферы»¹²¹.

Две важные составляющие теории А. Аппадураи – миграции и масс-медиа реорганизуют работу социального воображения. Мобильность в таком случае становится синхронной – разрушается национальная и территориальная привязка к региональным и локальным пространствам. В таком случае социальное воображение становится пространством борьбы. Мигранты пытаются включить все «глобальное» в личный опыт происходящего здесь и сейчас.

Другим основополагающим условием подхода А. Аппадураи является воображение. В контексте миграции воображение позволило все большему количеству людей представлять, что они сами или их потомки будут жить и

---

¹²¹Фурс В. Арджун Аппадураи. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. 2003. Т.3. № 4. С. 57.

работать в других местах. Воображение есть элемент коллективов, а не индивидуумов. Эту мысль исследователь заимствует у Б. Андерсона с его «Воображаемыми сообществами»¹²². По мнению А. Аппадурай, в современном мире «электронный капитализм» пришел сменить «печатный», создавая транснациональные или постнациональные сообщества: «Для того чтобы понять эту новую роль воображения в социальной жизни, мы должны свести воедино старую идею образов, особенно механически производимых образов (в смысле Франкфуртской школы), идею «воображаемого сообщества» (в смысле Андерсона) и французскую идею «воображаемого» (*imaginaire*) как созданного ландшафта коллективных стремлений, который столь же реален, как «коллективные представления» Эмиля Дюркгейма, опосредованные ныне сложной призмой современных медий»¹²³.

Свой подход А. Аппадурай излагает в ключе культурной антропологии, т.к. такова его профессиональная принадлежность. В связи с этим, автор отходит от понятия «культура», заменяя его «культурным». Это позволяет ему не спускаться на уровень вещей или субстанций, оставаясь в области различий и контрастов. Но в качестве «культурных» исследователь рассматривает различия, связанные исключительно с мобилизацией групповых идентичностей. Все это дает основания ввести понятие «культурализм», зачастую используемое автором с приставками би-, и мульти-. «В самом общем виде культурализм можно определить как политику идентичности, мобилизованную на уровне нации-государства... Культурализм... представляет собой сознательную мобилизацию культурных различий, используемую в более масштабной национальной или транснациональной политике»¹²⁴.

В качестве альтернативной модели глобального порядка, основанной на взаимодействии центра и периферии, А. Аппадурай предлагает взглянуть на мир с точки зрения взаимодействий и различий между тем, что он называет «*пятью измерениями глобальных потоков*» (“*five dimensions of global flows*”): этноскейп,

¹²² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках национализма. М., 2001. 288 с.

¹²³ Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. P. 31.

¹²⁴ Там же. P. 15.

техноскейп, финансовое пространство, медиаскейп и пространство идей). Эти термины обозначают компоненты глобальной культуры, посредством которых потоки людей, технологий, денег, образов СМИ и политических идей все в большей степени становятся независимыми от национальной политики или привязки к конкретным местам проживания, т.е. происходит их *детерриториализация*. Например, сегодня многие люди из-за массовой миграции и других форм перемещения населения являются членами этнических групп, которые больше не ограничены или даже не определены фактической или потенциальной национальной территорией. В то же время сложные этнические миры, созданные в результате массовой миграции, отчасти являются продуктом мобильности капитала. Эти «ландшафты» существуют благодаря воображению, они организованы при помощи взгляда, который их видит.

Важным для данной работы является «этноскейп». Это постоянно трансформирующиеся публичные сферы, создаваемые мигрирующими группами людей. Под этим понятием А. Аппадураи видит людей, которые составляют миры, не привязанные к определенной территории, в которых мы живем: туристов, иммигрантов, беженцев, изгнанников, «гастарбайтеров» и других перемещающихся групп и индивидов, задающих основной тон настоящего дня¹²⁵.

Транснационализм обладает важными базовыми положениями, которые выступают в качестве отправной точки при анализе транснациональных мигрантских сообществ и отдельных трансмигрантов. В отечественной миграциологии прекрасную попытку осмысления и выделения теоретических положений концепции предприняли участники проекта «Транснационализм и транслокальные аспекты миграции в современной России» под руководством С.Н. Абашина. Во введении к сборнику статей, опубликованных по результатам проекта¹²⁶ выделяется ряд характерных отправных точек транснационализма: 1) *транснационализм – новая стратегия развития национальных государств*; 2)

---

¹²⁵ Макарова О.И. А. Аппадураи: культурные последствия глобализации // Всероссийский журнал научных публикаций. Социологические науки. 2011. № 2 (3). С. 61.

¹²⁶ «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность : [сборник]. СПб., 2020. 520 с.

семья выступает в роли основной единицы анализа; 3) пропорционально изучается общество принимающее и общество отправляющее; 4) существование транснационального социального пространства, подразумевающего наличие связей (социальных и символических), определенных позиций в сетях как минимум в двух географически отличных локальностях; 5) транснациональные сообщества как единица исследовательского анализа (попытка смещения фокуса транснационализма с макро- на микроуровень); 6) дихотомия транснационализм versus диаспора, где транснационализм, скорее, процесс, который выходит за рамки национального государства, а диаспора относится к сообществу в пределах отличной от родины страны¹²⁷.

Наиболее важными для диссертационного исследования в данной работе, направленной преимущественно на исследование интеграции трудовых транснациональных мигрантов из Центральной Азии, были положения, связанные с анализом транснациональных сообществ. Это позволило взглянуть на процесс интеграции, как на локальные ситуативные практики, актуальные для конкретного жизненного этапа мигранта. В таком случае и интеграцию вряд ли можно рассматривать в ключе когда-либо завершеного и оконченого процесса, потому что уникальность социальных ситуаций (на протяжении жизни) порождает уникальность интеграционного ответа – особой практики, постепенно рутинизирующейся.

Помимо этого, весьма серьезное влияние на интеграционную активность мигранта посредством включения в создание и/или использование городской и пригородной инфраструктуры оказывает положение транснационализма, выраженное в том, что семья есть единица анализа. Действительно, мигрант в принятии реализации своих интеграционных стратегий отталкивается от установок, планов и желаний семьи. Допустимо, что в миграции в принимающем обществе он может быть один, при этом семья в стране исхода во многом есть источник его установок в пределах реализуемых мобильностей и повседневных практик по

---

¹²⁷ Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность : [сборник]. М., 2020. С. 19–25.

отношению к ним (например, классический ответ трудового транснационального мигранта из Узбекистана на вопрос, «зачем ты приехал в Россию», будет звучать примерно так: «для того, чтобы построить дом для семьи там – на родине, для того, чтобы отпраздновать свадьбу там – на родине» и т.д.).

1.2 Методы и инструменты, используемые в «мигрантском» поле

Транснациональная оптика во многом определила набор используемых в исследовании методов и инструментов. Доминирующей является качественная методология, которая позволяет социальному антропологу глубоко погрузиться в предмет исследования. Помимо этого, классические антропологические методы, представленные участвующим наблюдением и интервью, дают возможность внимательно следовать за участником исследования в процессе его повествования и социально-экономических практик, влияющих на интеграцию.

Наблюдение позволяет актуализировать социальный или культурный контекст, а также факты, феномены и явления, которые не брались во внимание при планировании исследования. Это в свою очередь позволяет разрабатывать новые исследовательские подвопросы, возвращаясь к первоначальному дизайну исследования, корректируя его. К тому же, наблюдение позволяет проверять слова участников исследования, которые были произнесены ими в качестве ответов на вопросы в рамках интервью, т.к. зачастую слова и действия имеют свойства расходиться. При этом, конечно, наблюдение имеет ряд ограничений, главное из которых выражено во временных затратах. В нынешних исследовательских условиях практически невозможности повторять из раза в раз советский полевой стационар, где каждый этнограф должен был пробыть в поле «этнографический год».

Интервью или (для автора предпочтительнее) качественное исследовательское интервью/эмпатическое интервью в рамках временных ограничений участвующего наблюдения чаще становится ключевым исследовательским методом современных социальных антропологов. Качественное интервью является крайне актуальным при работе с такой уязвимой группой как мигранты. Данный метод предполагает, что в процессе беседы мы обмениваемся не только словами, но и эмоциями, создаем атмосферу понимания. Качественное исследовательское интервью/эмпатическое интервью предполагает работу с оптикой, которой пользуется сам участник исследования, оно не работает с четкой дихотомией исследователь-участник исследования. Эмпатия и

множественные уходы от темы в таком случае являются основными маркерами качественного исследовательского интервью, т.к. беседа производится в большей степени участником исследования, который категоризирует обыденный смысл, подвергает рефлексии свой повседневный опыт с его дальнейшим описанием.

При этом данное исследование начиналось не с наблюдения или интервью. Пилотное знакомство с полем осуществлялось через анкетирование. Такой вход связан не только с поиском потенциальных «мигрантских» мест в городской и пригородной инфраструктуре, но и с принципом «мягкого проникновения» – через анкеты определялись потенциально «лояльные» участники исследования, готовые к дальнейшему долгосрочному взаимодействию. Результаты анкетирования не являются исключительным материалом, который составляет основу исследования. Собранные данные, которые удалось проанализировать, лишь позволили определить исследовательскую стратегию кейс-стади и сфокусироваться на конкретных мигрантах, представлявших собой определенные «кейсы» в контексте социально-экономической интеграции через практики создания и использования городской и пригородной инфраструктуры. При этом ряд выводов, полученных по результатам анкетного опроса, довольно тесно связан с тем, что удалось обнаружить в ходе наблюдения и интервью. Результаты, в том числе анкетного опроса, представлены в диссертационном исследовании ниже.

В процессе такого входа в поле удалось выделить пять мужчин-мигрантов в возрасте от 19 до 35 лет (*а также их семьи*), являющихся представителями трех заявленных в данном исследовании центральноазиатских республик (Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан).

После этого основная работа на протяжении трех лет велась с этими людьми. Это были не разовые встречи и беседы, а продолжительная совместная деятельность в местах работы трудовых мигрантов, у них дома, в местах отдыха приезжих и др. Конечно, чаще наблюдать приходилось на рабочих местах, т.к. основной вид деятельности трудового мигранта в России, собственно, труд. Однако с тремя из пяти ключевых участников исследования взаимодействие выходило за пределы их профессиональной сферы, что позволило «прожить» с мигрантами

повседневные ситуации у них дома, а также в период досуга (например, совместная езда на велосипедах, прогулки, посещение торгово-развлекательных комплексов и др.).

Всего посредством анкет было опрошено 300 мигрантов по 100 человек в каждом из отобранных вернакулярных районах¹²⁸ Томска. Выборка респондентов осуществлялась на основе пропорционального распределения мигрантов, проживающих в городе, по стране исхода (данные представлены в таблице ниже).

Таблица 1 – Распределение респондентов по стране происхождения¹²⁹

Страна происхождения	Число, чел.	Доля, %
Кыргызстан	76	25
Узбекистан	179	60
Таджикистан	300	100

Для удобства и отказа от административных границ города, не всегда точно демонстрирующих принципы возможного расселения жителей города, Томск был разделен на три вернакулярных района: «Иркутчи» (*Рисунок В. 1*), «Центр» (*Рисунок В. 2*), «Черем» (*Рисунок В. 3*). В соответствии с принципами культурной географии, такой район не обрамлен административными границами. Границы района возникают «снизу», являясь при этом частью общественного сознания.

Выделение трех заявленных районов во многом основано на предположительной разнице их социально-экономических и географических характеристик. В начале исследования предполагалось, что «благополучность»/проблемность района будет связана с концентрированным присутствием в нем «мигрантской» или «этнической инфраструктуры». В ходе проведения исследования данное предположение не подтвердилось.

¹²⁸ Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. [Б.м.], 2019. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05.php>. (дата обращения: 20.09.2019); Калуцков Н.В. О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная этнография. 2013. Т. 2. № 1. С. 3–9.

¹²⁹ Таблица составлена по результатам анкетного опроса граждан Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в Томске в рамках осуществления исследовательского гранта РНФ № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц»

После анализа анкетных данных часть возможной «мигрантской» инфраструктуры оказалась «подсвеченной» в трех выделенных вернакулярных районах. Это обстоятельство позволило перейти к следующему этапу исследования. В обнаруженных и принятых в работу городских локальностях, созданных и/или используемых мигрантами, проводилось наблюдение с использованием предварительно разработанного плана наблюдения, включающего категории наблюдаемого, феномены/предметы категорий, а также исследовательские замечания, относительно увиденного. Помимо этого, посредством использования заметок на смартфоне велся полевой дневник, а также на диктофон «надиктовывались» ключевые замечания увиденного в поле для дальнейшей расшифровки и интерпретации.

Кроме качественных исследовательских интервью, проводившихся с ключевыми участниками исследования, автор данной диссертации проводил «короткие беседы» с трудовыми транснациональными мигрантами в местах их видимости в городе. Такие беседы имели цель взаимодействия здесь и сейчас для определения ситуативной роли городского инфраструктурного элемента, созданного и/или использующегося мигрантами. Эти разговоры не фиксировались на диктофон, не имели характер заранее подготовленного исследователем интервью, информация, полученная в ходе таких бесед, фиксировалась в заметки на смартфоне после окончания взаимодействия с мигрантом. Всего было проведено 40 бесед такого характера с участниками исследования.

Пригородная «мигрантская» инфраструктура исследовалась на территории Томского района, включающего наиболее крупные и близкие к городу локальности: д. Кисловка (включая мкр. Северный парк), д. Черная речка, с. Тахтамышево, с. Кафтанчиково, п. Зональная станция (включая мкр. Южные ворота), пос. Светлый. Таким образом, исследование проводилось в наиболее крупных муниципальных образованиях (Заречное сельское поселение – 10 414 человек на 2022 г.¹³⁰,

---

¹³⁰ Заречное сельское поселение // Официальный сайт Администрации Томского района. Томск, 2022. URL: <https://www.tradm.ru/o-rayone/administrativno-territorialnaya-kharakteristika/zarechnoe/> (дата обращения: 03.02.2023).

Зональненское сельское поселение – 13 368 человек на 2022 г.¹³¹), напрямую прилегающих к Томску. Данный выбор был обусловлен: а) близостью со стороны мигрантского населения к городской инфраструктуре; б) крупными стройками в данных районах, которые предположительно могли стать местом притяжения трудовых транснациональных мигрантов; в) а также смешанной застройкой муниципальных образований, где многоквартирные высотки соседствуют с коттеджами и садоводческими участками. Пожалуй, исключением из выше представленной логики стал пос. Светлый (часть городского округа Томск), его исследовательская привлекательность обусловлена расположением поселка. В некотором смысле это своеобразный хаб, из которого открывается транспортный доступ к трем крупным промышленным объектам Томской области: Томская производственная компания «Сава» (Рисунок В. 4), «Межениновская птицефабрика» (Рисунок В. 5), Свинокомплекс «Томский» (Рисунок В. 6). результаты изначально проведенного в городе исследования позволяли говорить о наличии на данных объектах трудовых мигрантов, благодаря этому, удалось сформулировать предположение о том, что в силу наличия высотной многоквартирной застройки пос. Светлого, а также относительной дешевизны жилья, присутствие приезжих является логичным фактом.

В пригородной зоне Томска акцент был сделан на взаимодействии с местным населением посредством коротких интервью/бесед. Основные исследовательские вопросы сводились к следующим: *замечают ли местные жители трудовых мигрантов своего проживания? в каких местах чаще? считают ли какое-либо из мест «мигрантским»? как определяют «мигрантский» статус той или иной локации? взаимодействуют ли с мигрантским населением?* Всего было проведено 30 таких интервью. За (и в) обнаруженными инфраструктурными локациями в пригороде проводилось наблюдение, а также интервью с трудовыми мигрантами, являющимися активными создателями или пользователями выделенных мест.

---

¹³¹ Зональненское сельское поселение // Официальный сайт Администрации Томского района. 2022. URL: <https://www.tradm.ru/o-rayone/administrativno-territorialnaya-kharakteristika/zonalnenskoe/> (дата обращения: 03.02.2023).

1.3 Особенности этнографической работы в «мигрантском» поле

Использованная в диссертационном исследовании качественная методология тесно сопряжена с такими важными для социального исследователя понятиями как «вход» и «выход» из поля. Основные сложности, возникающие при взаимодействии с уязвимыми сообществами, напрямую связаны с этическими рисками, которые могут возникнуть при начале исследовательской деятельности и ее завершении. В связи с этим, крайне важным является вопрос подбора адекватной стратегии входа и выхода из поля, исследовательских методов и инструментов, а также вопрос возведения или, наоборот, разрушения границ между исследователем и участником исследования. В данном разделе диссертации мне бы хотелось поделиться собственным опытом, который позволяет по-новому взглянуть на исследовательское взаимодействие с представителями крайне уязвимого сообщества – трудовых транснациональных мигрантов из Центральной Азии. Как и М. МакКормик¹³², я убежден в том, что приезжие по ряду причин (*слабая миграционная политика, как на федеральном уровне, так и на муниципальном; формирующийся посредством СМИ образ усредненного мигранта, исключаящий иностранца из возможного интеграционного поля и др.*) являются незащищенным городским сообществом.

Этические проблемы в антропологии обсуждаются с незапамятных времен. Вокруг этой по праву «особенной» темы по сей день ведутся бурные дискуссии, одна из которых сводится к вопросу: насколько доверительными должны быть отношения между исследователем и участником исследования? Антропология, как наука изначально колониальная, имеет «родовую травму», связанную с зачастую пренебрежительным отношением к изучаемым колониально зависимым сообществам в период конца XIX – первой половины XX столетия. В связи с этим, осмысление этических противоречий, возникающих в ходе работы в поле, стали предметом академических дискуссий лишь во второй половине XX в.

---

¹³² McCormick M. Feminist Research Ethics, Informed Consent, and Potential Harms // The Hilltop Review 2012. Vol. 6. № 1. P. 23–33.

Значительную роль в продвижении разговоров об этике в тот период времени сыграли хорошо знакомые причины: рефлексивный поворот и актуализация феминистских исследований¹³³. Усиливали возникновение этического дебата (*по крайней мере в США*) и тесные взаимоотношения между исследователями, военными и разведкой в периоды Корейской войны и войны во Вьетнаме¹³⁴.

Первым ответом на сложившуюся ситуацию стала реакция со стороны американского антропологического сообщества. В 1971 г. Комитет по этике Американской антропологической ассоциации принял решение о создании «Принципов профессиональной ответственности»¹³⁵. В данном «Кодексе этики» прежде всего говорилось о том, что интересы «изучаемых» важнее интересов изучающих, помимо этого, запрещалось скрывать свои исследовательские цели (*запрет на тайные исследования*). Этот документ и последующие во многом основаны на трех принципах, которые были заложены в «Бельмонтском докладе» Конгрессу США в 1979 г., это *уважение к людям, милосердие и справедливость*.

После юридического оформления «правил» работы в поле западные антропологи стали следовать признанным исследовательским нормам. Это позволило информаторам, респондентам, информантам и другим «объектам» исследований стать полноценными «субъектами»/участниками исследования; они обрели идентичности коллег, сотрудников и активных акторов, влияющих на ход и результаты будущих проектов. Стала усиливаться позиция, утверждающая, что актуализация пола, расы, этнической принадлежности априори задавали границы социально-экономического неравенства¹³⁶. Новый взгляд на этическую проблематику в поле определил новаторский комплекс задач для антропологии вообще. «Появились новые исследовательские перспективы: модель совместных

¹³³ Kirsch G.E. Friendship, Friendliness, and Feminist Fieldwork // Signs. 2005. Vol. 30. № 4. P. 2163–2172.

¹³⁴ Price D. Anthropologists as Spies: Collaboration Occurred in the Past, and There's No Professional Bar to It Today // The Nation. [S. 1], 2000. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/anthropologists-spies> (access date: 12.03.2019).

¹³⁵ «Principles of Professional Responsibility», adopted by the Council of the American Anthropological Association, May 1971 // American Anthropologist Association. [S. 1], 2019. URL: <https://www.americananthro.org/ParticipateAndAdvocate/Content.aspx?ItemNumber=1656> (access date: 12.03.2019).

¹³⁶ Hill C. Strategic Issues for Rebuilding a Theory and Practice Synthesis // The Unity of the Theory and Practice in Anthropology: Rebuilding a Fractured Synthesis. Washington, 2000. P. 1–16.

исследований (*collaborative research model*), разработанная в 1978 г., культурное посредничество (*cultural brokerage*) 1976 г., феминистские исследования»¹³⁷. В 1980-х гг. усиливаются позиции рефлексивного поворота в антропологии. Обращение к себе через рефлексию этнографического письма актуализирует и этические пробелы, ранее не затрагиваемые в работах антропологов первой половины XX в.¹³⁸. Д. Клиффорд обращает внимание читателя на то, что ранее доминирующее в этнографических текстах «пасторальное» письмо, дающее право антропологу интерпретировать голоса и жизнь тех, кто не обладает письменностью, больше неактуально; в настоящее время деление между «письменными» и «неписьменными» невозможно¹³⁹.

Качественные исследовательские методы требуют установления особых отношений между исследователем и участником исследования, в которых доминантой является эмпатия. Для того, чтобы вывести собеседника (*в случае интервью*) на уровень самостоятельного повествования и саморефлексии, необходимо установить крайне доверительные отношения. Эмпатия требует искренности, в связи с этим дискуссия об этических противоречиях постепенно стала сводиться к искренности антрополога: возможно ли «полное» доверие между участником исследования и исследователем, приемлемой ли является дружба между ними и др. К примеру, Дж. Джексон в своей работе прямо заявляет о том, что этнографическое поле целиком и полностью должно быть основано не на достоверности или подлинности, превращающих человека в объект, а на искренности, которая позволяет сопереживать участнику исследования¹⁴⁰.

Современная российская антропология сталкивается с множеством этических дилемм, возникающих в ходе полевой работы. В постсоветский период проблемы стали возникать при контактах с автохтонным населением регионов России. Например, Н.Б. Вахтин встретился с проблемой восприятия фигуры этнографа в «якутском» поле; антрополога воспринимали как представителя

¹³⁷ Садырин А.А. Размышления о точке невозврата: включенное наблюдение как «антиметод» в исследовании мигрантского сообщества // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 12(1). С. 184.

¹³⁸ Geertz C. *Works and lives: the anthropologist as author*. Stanford, 1988. 157 p.

¹³⁹ Clifford J., Marcus G. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, 1986. 305 p

¹⁴⁰ Jackson J. *On Ethnographic Sincerity* // *Current Anthropology*. 2010. Vol. 51. № 2. P. 279–287.

колониальной власти, прямо отказываясь идти с ним на контакт, что практически полностью закрывало доступ в это поле¹⁴¹. Д.А. Функ довольно часто в ходе своих лекций приводит собственные примеры этических противоречий, возникавших в его полевой работе в период исследований в Горной Шории. Один из них связан с технологией плетения телеутских ремней и вопросом «глубины» проникновения антрополога в культуру народа. Д.А. Функа интересовал вопрос, поставленный еще А.А. Поповым¹⁴²: каким образом нижняя часть плетеных ремней имела гладкую и ровную форму? Ответ был найден в ходе полевой работы с одним из последних шорцев, который знал и владел данной техникой. Д.А. Функ опубликовал статью¹⁴³, где подробно описал необычную технику плетения. Приводя в пример этот случай студентам, исследователь задается вопросом: имел ли он право распоряжаться этими знаниями, ведь антрополог не есть культуртрегер¹⁴⁴.

Со временем вопросы, связанные с этическими дилеммами, возникающими перед исследователем в поле, начинают обсуждаться все чаще. Так, в 2006 г. в свет выходит специальный номер журнала «Антропологический форум», затрагивающий наиболее важные этические вопросы, встречающиеся в поле. Антропологи и другие ученые, принимавшие участие в дискуссии на страницах этого журнала, делились своим полевым опытом не только в среде коренных народов, что является важной отправной точкой размышлений на тему этики антропологических исследований. С.Н. Абашин рассуждал об эксплуатации ученого участниками исследования в личных целях (*кейс полевой работы в Таджикистане*), проявляющийся порой в том, что исследователь вовлекается в совершенно непрогнозируемое социальное или культурное событие того сообщества, с которым работает¹⁴⁵.

---

¹⁴¹ Вахтин Н. Несколько замечаний об этике полевых исследований на крайнем Севере России // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии : [сборник]. М., 2002. С. 316–328.

¹⁴² Попов А.А. 1955. Плетение и ткачество у народов Сибири // Сборник МАЭ, XVI – Л. М., Л.С. 41–146.

¹⁴³ Функ Д.А. Техника плетения из кожи у телеутов. СПб. 1992.

¹⁴⁴ Функ Д. Выход в поле // Anthropological Research Center. [Б.м.], 2015. URL: https://antropya.com/articles/18/61/?fbclid=IwAR181ZXz2syQ7_rSnxMJWnF4hiYnltEK1Dpgpi7LXpNDZChzjiZIkYVxSqI (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁴⁵ Абашин С. Форум: Этические проблемы полевых исследования // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 13.

Помимо этого, в данном номере журнала были развернуты дискуссии вокруг «легенды», порой использующейся социальными исследователями, анонимизации собранных эмпирических данных, возможности использования звукозаписывающих устройств и др. В заключении говорится о том, что полевая этика – важный и очень спорный сюжет нашей работы. Завершается номер словами С.Н. Абашина, которые были задекларированы как возможный на тот момент выход из сложившейся ситуации: *«Задача состоит не в том, чтобы усиливать контроль за действиями исследователя (все равно такой контроль не будет эффективным!), а в том, чтобы технология сбора информации стала предметом самостоятельного анализа и саморефлексии, чтобы нормой в профессиональном сообществе стало открытое и откровенное обсуждение этой стороны деятельности и чтобы обучение полевой работе начиналось с дискуссии об этике поведения исследователя»*¹⁴⁶.

Следующим по хронологии, но не по значимости научным событием в области полевой этики стал сборник статей «Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле»¹⁴⁷. Главной задачей его авторов была демонстрация тонкостей и сложностей полевой работы, а также ответственности «полевиков» перед участниками исследования. Авторы сборника показали, что полевая работа – это работа людей с людьми, где без этических трудностей в области этики просто не обойтись, независимо от того, какое сообщество ты пытаешься исследовать. Сегодня исследователи обсуждают полевую этику и в рамках научных мероприятий. Например, в 2017 г. в Томске прошла крупная конференция «Форум полевых интервьюеров», на которой участники Форума из разных уголков России делились опытом работы в «своих» полях¹⁴⁸.

Основными методами работы, использовавшимися в рамках сбора эмпирического материала для диссертационного исследования, были преимущественно классические антропологические методы – метод участвующего

---

¹⁴⁶ Абашин С. Форум: Этические проблемы полевых исследования // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 12.

¹⁴⁷ Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле : [сборник]. СПб., 2009. 148 с.

¹⁴⁸ Ломакин И. Выйти из тени: заметки с Форума полевых интервьюеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 354–360.

наблюдения и метод качественного исследовательского интервью/эмпатического интервью/этнографического интервью (как его часто определяет Д. Рогозин)¹⁴⁹.

Совокупное использование двух обозначенных методов делает исследование эмпирически наполненным, позволяет находиться в тесном взаимодействии с участниками исследования, получать необходимую информацию практически круглосуточно. Однако «мигрантское» поле в силу уязвимости сообщества делает применение метода наблюдения и интервью сложной исследовательской задачей. Как выяснилось в ходе полевой работы, эта уязвимость прежде всего проявляется в эмоциональной близости мигрантов к ученому.

Дело в том, что трудовые транснациональные мигранты из Центральной Азии в России испытывают дефицит социального взаимодействия. Ярким примером этого может служить личный не совсем удачный исследовательский опыт. В самом начале своей работы (будучи исследователем не до конца осведомленным в тонкостях своего поля) я столкнулся с одной увлекательной проблемой. Исследование предполагало следование гайду, в рамках которого обязательным пунктом был вопрос, раскрывающий ответ трудового мигранта о свободном времяпрепровождении (*куда приезжие ходят отдохнуть, какие формы отдыха предпочитают, какие праздники «справляют», что делают в свой выходной день и др.*). Этот вопрос на начальном этапе моей полевой деятельности всегда вызывал неподдельную улыбку, смех, и даже насмешки надо мной со стороны участников исследования. Каждый из них в своих ответах подчеркивал факт попросту отсутствия свободного времени; отличные от работы практики социального взаимодействия в таком случае являлись чем-то разрушающим мигрантскую повседневность, т.к. она складывалась исключительно из трудовых будней.

В таком случае основными агентами повседневного взаимодействия для транснационального мигранта являлись его коллеги, соседи (*по совместному жилью*), напарники, т.е. крайне ограниченный круг лиц, как правило, не

---

¹⁴⁹ Рогозин Д. Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации // Inter. 2018. № 16. С. 26–49.

представителей местного сообщества. Важнейший для качественного исследователя в поле принцип эмпатии (*в совокупности с научной искренностью*) при использовании методов наблюдения и интервью в «мигрантском» поле превращался в этический тупик для меня. Недостаток общения вел к поискам путей замещения части не испытываемых в России мигрантами эмоций, которые участники исследования пытались найти во мне, называя меня «другом», «братом» и делясь сокровенной для них информацией, которая уже не имеет ничего общего с проблематикой исследования. Происходило постепенное размывание границ, совмещение и переплетение ролей участников исследования. Помимо этого, очень часто мигранты в ходе исследования и вовсе принимали интервью за психотерапевтический сеанс, что вновь актуализировало размывание границ (*сокровенные рассказы, переживания сближают исследователя и участника исследования*)¹⁵⁰.

Ниже я хотел бы поделиться некоторыми размышлениями о том, как качественная исследовательская методология влияет на выстраивание отношений между исследователем и участником исследования; как антропологу суметь выйти из поля максимально безболезненно для себя и прежде всего для участника исследования; существует ли мягкая полевая антропология или же метод участвующего наблюдения это априори суровое проникновение в судьбы людей.

Мое знакомство с полем началось еще до работы по диссертационному проекту. Рядом с домом, где я живу, открылся овощной ларек, в котором продавцом работал молодой человек с ярко выраженным среднеазиатским акцентом (*как позже выяснится, он считает себя узбеком*). Изначально я выступал в роли покупателя, и наше общение сводилось к приветствию друг друга, а также Азиз (*имя изменено*), так зовут этого юношу, спрашивал меня, понравился ли мне предыдущий товар, который я купил в его ларьке. Как-то раз, во время очередной покупки, у меня при себе не оказалось наличных денег, тогда Азиз предложил перевести нужную сумму по номеру телефона, в ответной смс мне пришли данные Азиза для подтверждения правильности осуществляемого платежа. Я вслух

---

¹⁵⁰ Kirsch G.E. Friendship, Friendliness, and Feminist Fieldwork // Signs. 2005. Vol. 30. № 4. P. 2163–2172.

произнес: *«Азиз? Это имя мне знакомо, так зовут одного из моих товарищей»¹⁵¹*. Азиз улыбнулся и в ответ спросил, как зовут меня.

После этого наше общение вышло на другой уровень: я стал задерживаться в его магазине, мы разговаривали на совершенно разные темы. И как раз в это время я начал работать над исследованием. По условиям проекта, мне необходимо было собрать определенное количество полуформализованных интервью с трудовыми мигрантами из Центральной Азии. Сразу было решено, что первым человеком будет Азиз. С входом в поле я стал постепенно рассказывать этому участнику исследования о себе, о том, какой деятельностью я занимаюсь, о том, что меня волнует тема миграции. Я взаимодействовал с Азизом изо дня в день, смотря как он торгует, разгружает товары, аккуратно выставляя их на прилавок, предварительно натерев тот или иной фрукт до зеркального блеска. Азиз был не против моего пребывания рядом с ним, наоборот в дни, когда я не заходил в ларек, он писал мне сообщения в мессенджере, интересуясь причиной, по которой я не пришел к нему в ларек. Со мной дни этого человека, как сам он говорил, бежали быстрее, и это приближало к встрече с родными, которые остались в Узбекистане, т.к. поездку домой он мог позволить себе только один раз в год.

Со временем наши отношения стали весьма доверительными, лишь тогда я взял у Азиза то интервью на диктофон, которое необходимо было собрать по условиям исследования. На мой взгляд, это интервью явилось переломной точкой в общении с Азизом, именно в ходе этой беседы он раскрылся с той стороны, которая раньше оставалась скрыта от меня. Я узнал многое о нелегкой жизни этого молодого человека, которому на момент интервью было 25 лет. Думаю, что и Азиз понимал это. Уровень доверия между нами вышел на новую ступень. После этой беседы Азиз в переписке или в диалоге со мной стал часто называть меня «братом», чуть реже – «другом». Мои личные наблюдения позволяют мне согласиться с тем, что в целом для мужской половины выходцев из Центральной Азии характерно при обращении называть знакомого человека «братом», однако, в моем случае это произошло после длительного общения, что вызывает неоднозначное отношение к

---

¹⁵¹ Участник исследования Азиз. // Полевой материал автора.

произошедшему. Я сознательно выбрал путь включенной работы, требующей больших временных усилий, чем получение количественных показателей. Но по условиям проекта, мне требовалось собрать некоторое количество интервью.

В связи с этим вполне ожидаемо было то, что с Азизом мне придется встречаться гораздо реже – необходимо двигаться дальше, искать новые знакомства, новые поля, однако, для Азиза я уже успел стать «братом» и «другом». Все произошло именно таким образом. Я занялся работой на продуктовом рынке, на котором торговали мигранты, стал вновь входить в чью-то жизнь. Но мысли об Азизе не покидали, ведь выход из поля один из самых сложных моментов в ремесле антрополога. Мы продолжали переписываться, Азиз присылал фотографии своей семьи, строящегося дома в Узбекистане, ради чего он и работает в России, делился своими переживаниями и сюжетами из проходящей вокруг жизни, вновь и вновь интересуясь тем, почему наше общение сокращалось. Меня не покидало чувство, что я использовал человека, получив нужную информацию, но не мог дать взамен «реального» общения, к которому привык Азиз. Однажды он позвонил мне и попросил о помощи: необходимо было завести Instagram-аккаунт ларька, в котором работал Азиз, чтобы рекламировать товар в социальных сетях. Проблема здесь заключалась не столько в самом процессе создания аккаунта, сколько в орфографически правильном русском языке, подписями на котором сопровождаются посты о товаре. Я помог Азизу, аккаунт на конец 2022 г. существовал и развивался. После этого я стал чувствовать себя немного спокойнее.

Как-то раз во время очередного разговора Азиз признался мне, что общается в социальных сетях с друзьями, которые остались на родине, либо в других городах России, и очень скучает по ним. Из-за большой нагрузки в работе, у него не остается свободного времени на общение с кем-то в Томске, кроме коллег, с которыми он проживает в одной квартире. Тогда я понял, что могу отплатить этому человеку элементарным общением. С Азизом мы поддерживаем связь и сегодня, обмениваемся текстовыми и голосовыми сообщениями, но делаем это реже, т.к. торговый ларек был перенесен в другую часть города. Тем единственным каналом связи, одновременно морально оправдывающим мою работу, стал Instagram-

аккаунт, позволяющий нам с Азизом зависеть друг от друга и до сих пор поддерживать отношения.

Следующим участником моего исследования стал мигрант-торговец, которого зовут Шодмон (*имя изменено*). Как и Азиз, Шодмон родом из Узбекистана. Моя траектория вхождения в это поле отличалась от той, что была описана выше. Знакомство с Шодмоном произошло через предварительное интервью. Он оказался весьма активным собеседником, изначально был положительно настроен. Возможно, его воодушевил тот факт, что к нему за помощью обратился человек, связанный с наукой, потому что именно так я представил себя перед тем, как начать интервью. Во время нашей беседы он всячески демонстрировал свои лучшие стороны: активно торговал, заводил диалоги с покупателями, говорил мне о том, что торговля – это его жизнь, он вкладывает все силы и душу, чтобы успешно вести бизнес. В перерывах к нему подходили коллеги, и Шодмон с гордостью объявлял, что у него берут интервью представители университета. После интервью я выключил диктофон, мы с Шодмоном обменялись номерами телефонов. Я спросил у него разрешение на то, чтобы вернуться и понаблюдать за тем, как он работает, поговорить, но уже без диктофона, Шодмон любезно согласился.

После Нового года (2020 г.) я пришел в очередной раз к Шодмону на работу, предварительно не оповестив его о моем приходе. В наших взаимоотношениях сложилась именно такая тенденция – не предупреждать его, когда я прихожу, т.к. после ряда моих предварительных звонков он оскорблялся этим фактом и просил приходить *«просто так, без предупреждения»*¹⁵². Но в этот раз уже с приветствия что-то пошло не так. Шодмон был растерян, разбит, я чувствовал, что мой приход поставил его в еще большее затруднение. Он молчал, лишь изредка односложно отвечая на мои вопросы, но мысленно находясь вдали от той повседневности, которая его окружала. Я обратил внимание, что в том месте, где он работает, происходила реорганизация торговых рядов – устанавливались металлоконструкции, являвшиеся новыми границами предпринимательских «точек». Спросив у Шодмона, что здесь происходит, в ответ я получил лишь слёзы.

---

¹⁵² Участник исследования Шодмон. // Полевой материал автора.

Он заплакал навзрыд, слезы ручьем лились из его глаз, он был на грани срыва. Я стал успокаивать его, одновременно пытаюсь выяснить, в чем причина такого поведения. Мне было неловко, я уже хотел уйти, но Шодмон заговорил со мной: *«Они сказали, что я здесь больше не работаю, теперь это место не мое, здесь будет аптека, площадь тут большая, у меня нет столько денег, чтобы платить им. Я недавно вернулся из Узбекистана, мы с мамой купили там большой дом, все деньги потратил, а они хотят, чтобы я платил за 8 квадратов, а не за 2, как раньше. Перед тем, как уехать, я попросил своего знакомого помочь мне – поторговать за меня, но он кинул меня, потому что он те же товары продает, что и я. Он всегда все делает, как я, хотя старше меня. Я поставил лепешки, он сразу их начал продавать, я сделал вывеску, он опять повторил. Мне по телефону сказал, что ему запретили за меня торговать – обманул, такого не было. Но Аллах его наказал, у него теперь жена болеет и отец болеет, он только к ним в больницу ходит, здесь почти не бывает. А меня теперь хотят перенести в плохое место, там никто не будет меня узнавать, уже все покупатели привыкли, что я здесь. Я не знаю, что мне делать. Администратор не хочет разговаривать со мной, потому что я плохо говорю по-русски, я тоже ее плохо понимаю. Она – баба, с ней плохо говорить, директор – мужик, мне с ним надо говорить, но он редко бывает»*¹⁵³ .

Только после того, как Шодмон закончил свой монолог, он перестал плакать и стал просить прощения у меня, т.к. посчитал, что обременил меня своими проблемами, к которым я не был готов. Я тут же предложил ему вместе сходить к администратору и попытаться обговорить новое место и сумму арендной платы, т.к. неоднократно наблюдал, что общаться с этим мигрантом не хотят во многом из-за плохого русского языка. Шодмон согласился, попросил присмотреть за его лавкой соседку, и мы направились к администратору рынка. Придя на место, я представился, объяснил, какую позицию занимаю по отношению к человеку, с которым пришел, и попросил попытаться разрешить сложившуюся проблему. Администратор согласилась, мы втроем сели за стол и стали рассматривать схему

---

¹⁵³ Участник исследования Шодмон. // Полевой материал автора.

рынка с целью определить то место, которое бы подходило моему участнику исследования. После непродолжительного обсуждения все закончилось благополучно. Шодмон получил место, которое его устраивало, а сумма аренды оставалась прежней.

Описанный случай в поле, на мой взгляд, является той пиковой точкой разрыва отношений между исследователем и участником исследования. Привычная до этого момента модель взаимоотношений, при которой я приходил к Шодмону, чтобы задать вопросы, а Шодмон ждал меня, чтобы на эти вопросы отвечать, теряет всякую актуальность. Столкнувшись с разрывом повседневности, так называемым «черным лебедем», мы по-новому стали смотреть друг на друга. Для Шодмона я стал тем человеком, который не только задает вопросы, но и оказывает помощь в экстренной ситуации, а также вполне адекватно реагирует на нетипичное поведение в виде слез и резких высказываний. Это подтвердилось в наших последующих встречах, которых, к слову, с января по март 2019 г. в числовом значении произошло около 50 часов участвующего наблюдения. Как и для Азиза, для Шодмона я стал «другом», «братом», который его понимает и помогает, в обмен на это он делился со мной закрытыми сторонами своей жизни.

Именно эмоциональная уязвимость трудовых мигрантов, вызванная социальной изоляцией, в значительной мере влияет на выстраивание тактики работы в этом поле. Разрабатывая дизайн исследования, мы прежде всего должны обращать внимание на актуализацию стратегии взаимодействия с участниками исследования, взвешивать все «за» и «против» при решении этических вопросов¹⁵⁴. Таким образом, антропологическое поле в сфере трудовой миграции в России требует от ученого на этапе планирования предварительного определения точек входа и выхода из столь сложного поля. Помимо этого, социальный антрополог, изучающий вопросы миграции, должен обладать исследовательской «гибкостью», т.к. новые кейсы, исследовательские (под)вопросы, возникающие в ходе реализации качественных методов, требуют возврата к изначальному дизайну, его

---

¹⁵⁴ Здравомыслова Е., Темкина А. Феминистские рефлексии о полевом исследовании // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2014. № 6(1). С. 84–112.

корректировки. Важной задачей становится и подбор адекватных исследованию методов и инструментов в контексте возможного возникновения этически нагруженных ситуаций. В процессе полевой деятельности крайне важным становится установление «прозрачных» границ между исследователем и участником исследования (*с тщательным обдумыванием своей роли в исследовании*)¹⁵⁵, периодического напоминания участнику исследования в ходе реализации научного проекта о разнице отношений в контексте исследования и дружбы¹⁵⁶.

---

¹⁵⁵ Kirsch G.E. Friendship, Friendliness, and Feminist Fieldwork // Signs. 2005. Vol. 30. № 4. P. 2163–2172.

¹⁵⁶ McCormick M. Feminist Research Ethics, Informed Consent, and Potential Harms // The Hilltop Review 2012. Vol. 6. № 1. P. 23–33.

2 Социально-экономическая интеграция мигрантов в городское и пригородное пространство Томска

2.1 Исторический контекст миграционной ситуации в России и в Томской области (1991-2020 гг.)

Для советской эпохи было характерным отсутствие трансграничных мигрантов в качестве отдельной (особой) группы населения в городском пространстве. Поскольку государственная политика СССР исключала масштабное передвижение людей между национальными государствами, миграция была преимущественно внутренней транслокальной.

С распадом Советского Союза бывшие жители одной большой страны стали гражданами 15-ти суверенных государств. Строительство национальных государств (с использованием таких механизмов, как: «национализация» кадров, система образования, средства массовой информации, сокращение числа русскоязычных школ, детских садов и др.) повлекли за собой появление вынужденных мигрантов и беженцев – международной транснациональной миграции. Важно отметить, что большинство вынужденных мигрантов вплоть до начала 2000 гг. были русскоязычными¹⁵⁷.

Распад союзного государства сопровождался борьбой за власть в новых независимых государствах, ростом межэтнической напряженности и конфликтности, что вынудило жителей бывших союзных республик перемещаться в поисках более безопасных мест для жизни. Этнополитический конфликт в Нагорном Карабахе в 1988-1994 г. имел своим следствием появление в России беженцев-армян. Южноосетинская война в Грузии в 1991-1992 гг. сопровождалась бегством в Россию 100 тыс. осетин. Гражданская война в Таджикистане в 1992-1997 гг. стала причиной вынужденного перемещения в Россию мигрантов, преимущественно русских и других русскоязычных этнических групп¹⁵⁸. Вот

---

¹⁵⁷ Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Распад СССР и вынужденные миграции // Миграционная политика России: история и современность. М. 2016. С. 74–75.

¹⁵⁸ Назаршоева С.В. Гражданская война в Республике Таджикистан и ее влияние на миграционные процессы // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. №6 (110). С. 84.

далеко не полный перечень конфликтов, которые повлекли за собой массовые перемещения людей сначала в РСФСР, затем в Российскую Федерацию.

Но решающим «выталкивающим» фактором явилась разность экономических потенциалов, образовавшаяся между республиками и Российской Федерацией. Ее экономическое положение, несмотря на глубокий экономический кризис, было намного устойчивее, чем в бывших республиках¹⁵⁹. Таким образом, доминирующим миграционным «направлением» до начала 2000-х гг. была вынужденная миграция. По отношению к этому феномену осуществлялась государственная политика, которая была больше связана с расходами бюджета страны: предоставление жилья, социальных услуг (медицинская, психологическая помощь), бесплатное питание в течение трех месяцев, создание пунктов временного размещения людей и др. Для российской миграционной политики и законодательства того времени политика интеграции не была актуальной, т.к. предполагалось, что этническая и культурная близость приезжих из бывших союзных республик требовал использования специальных мер по отношению к ним.

Важно также отметить, что, начиная с середины 1990-х гг., происходило активное вхождение России в международный рынок труда, включая, с одной стороны, использование иностранной рабочей силы на территории России (оценочно, численность иностранных работников в России составляла от 200 до 500 тыс. человек), с другой, обозначилась проблема выезда российских граждан за рубеж в поисках трудоустройства. По оценке экспертов, с середины 1990-х гг. серьезную проблему представляла не столько трудовая иммиграция, сколько эмиграция квалифицированных специалистов в активных возрастах в экономически развитые страны: Германия – 56%, Израиль – 23%, США – 14%¹⁶⁰.

Как иммиграционное принимающее государство Россия складывается в 2000-е гг. Основным видом миграции в нашу страну становится международная внешняя трудовая миграция, а основными миграционными «донорами» – бывшие

---

¹⁵⁹ Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М., 2016. С. 77.

¹⁶⁰ Там же. С. 77.

советские республики Закавказья и Центральной Азии. С ростом количества транснациональных трудовых мигрантов меняется восприятие миграции государством, сдвигаются акценты, характерные для миграционной политики 1990-х гг.

Основным проявлением государственной политики становится борьба с нелегальной миграцией (потенциальной и реально существующей). Несмотря на обретение миграцией массового характера, вопросы, связанные с интеграцией и адаптацией приезжих в Россию из Центральной Азии и Закавказья, в начале 2000-х гг. еще не были включены в государственную миграционную повестку. Это влекло за собой рост напряженности в межэтнических отношениях между «местными» и приезжими. Этническая отличимость трудовых мигрантов порождала новые стереотипы и мигрантофобию. Актуальным становится дискурс о формирующихся в России обособленных компактных местах проживания приезжих (анклавы, «чайнатауны») ¹⁶¹. В российском обществе начинают формироваться как промиграционные (гуманисты и либеральные прагматики), так и антимиграционные (модернизаторы, консервативные этатисты) настроения ¹⁶².

Актуальной становится (и до сих пор остается) проблема статистического учета трудовых мигрантов, прибывших на заработки в Россию. Одна из основных сложностей была связана с подсчетом нелегальных трудовых мигрантов, которых, по мнению экспертов, вопреки официальной статистике может быть в разы больше. Помимо этого, существовала внутренняя рассогласованность между ведомствами, отвечающими за публикацию данных, связанных с миграционными процессами в России. Однако, несмотря на статистические издержки учета мигрантов, 2000-е гг. характеризуются ростом официально зарегистрированных трудовых мигрантов. С 2000 г. по 2008 г. число иностранных граждан, получивших разрешение на работу в России, увеличилось с 213,3 тыс. человек до 2425,9 тыс. человек. (больше, чем в 11 раз) ¹⁶³. Но с началом 2009 г. международная трудовая миграция (тех людей,

---

¹⁶¹ Дятлов В.И. Россия в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. №4. С. 6–16.

¹⁶² Малахов В.С. Феномен «новых иммиграционных стран»: российский случай в общеевропейском контексте // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России. СПб., 2016. С. 19–31.

¹⁶³ Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М., 2016. 192 с.

которые имели легальный статус) в Россию в количественном выражении уменьшилась¹⁶⁴. Во многом это было связано с последствиями мирового экономического кризиса, затронувшего и Россию, где летом 2008 г. случился обвал фондового рынка. После 2010 г. число приезжих вновь начинает расти, однако, новый экономический кризис для России, развернувшийся в 2014-2015 гг. после падения мировых цен на нефть и введения санкций, вынуждает транснациональных мигрантов менять свои стратегии относительно возможных мобильностей. С 2016 по 2019 гг. численность иностранцев, прибывающих в течение года в Россию, колебалась от 9,2 до 11,5 млн человек¹⁶⁵. Колебания численности мигрантов, включая трудовых, согласно статистическим данным, зависит от социально-экономической и политической ситуации внутри страны и в международных отношениях.

Увеличение числа мигрантов, рост ксенофобских и антимиграционных настроений в российском обществе, обеспокоенность академического сообщества этими явлениями повлияли на включение в государственную миграционную сферу интеграционной политики. Координирующим ведомством в сфере интеграции и адаптации мигрантов являлась Федеральная миграционная служба (ФМС), которая в 2006 г. была выведена из-под юрисдикции Министерства внутренних дел (МВД), и просуществовала в независимом статусе (с прямым подчинением Правительству России) до 2016 г. Несмотря на понимание важности включения политики интеграции и адаптации мигрантов в повестку государственной национальной и миграционной политики, реальные меры по «включению» приезжих начали разрабатываться лишь с возникновением в 2010 г. Управления содействию

---

¹⁶⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. [Б. м.], 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁶⁵ Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. Т. 28, № 1. 2021. С. 50–54.

интеграции (УСИ) в составе ФМС¹⁶⁶. Вследствие этого миграция начала мыслиться в категории «источника» для развития страны, а не только угрозы¹⁶⁷.

В 2012 г. принимаются два ключевых документа «Концепция государственной миграционной политики» до 2025 г.¹⁶⁸ и «Стратегия государственной национальной политики» до 2025 г.¹⁶⁹. «Концепция» миграционной политики включила в себя важные для политики интеграции и адаптации мигрантов тезисы и положения. Декларировалось «создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности». Предполагалась разработка специальных адаптационных программ, создание медицинских центров, запуск телевизионного канала и соответствующего контента, направленного на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов и др. Но на деле были созданы лишь курсы, направленные на подготовку к экзамену на знание языка, истории и законодательства России.

В 2016 г. ФМС вновь была включена в состав МВД. В 2018 г. была принята новая «Концепция» миграционной политики государства, а вопросы интеграции и адаптации в соответствии с Указом Президента РФ от 24 августа 2017 г. были переданы в ведение Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН). Это означало, что вопросы интеграции и адаптации мигрантов стали частью национальной политики государства, однако управление миграционными процессами оказалось рассредоточено между двумя ведомствами – ФАДН И

---

¹⁶⁶ Борисова М.В. Развитие политики социально-экономической и социокультурной интеграции мигрантов в Российской Федерации // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 1, № 4. С. 260–263; Карелина Е.А. Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в контексте Концепции государственной миграционной политики // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 223–226; Волох В.А. Современная наука о проблемах адаптации и интеграции мигрантов // Социально-трудовые исследования. 2019. № 4. С. 57–64.

¹⁶⁷ Рязанцев С.В. России нужна новая миграционная политика // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 1. С. 111–116.

¹⁶⁸ Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Гарант.Ру: Информационный портал. М., 2024. URL: https://base.garant.ru/72092260/#block_4 (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁶⁹ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Гарант.Ру: Информационный портал. М., 2024. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 01.03.2024).

МВД¹⁷⁰, что затрудняло деятельность обоих органов. Помимо отсутствия ясности в понимании того, кто и какую роль играет в вопросах миграционной политики, отсутствовало и четкое знание о том, что есть интеграция, а что есть адаптация мигрантов.

Абсолютное большинство всех трудовых мигрантов (97% в 2020 г.) – выходцы из стран СНГ, при этом 70% из них – представители трех центральноазиатских государств (Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан)¹⁷¹. Согласно всероссийским переписям населения 2002 г., 2010 г. и 2020-2021 гг.¹⁷², основными иностранцами, прибывшими на территорию области, были представителями Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Заметно в этой группе стран выделяются республики Центральной Азии, включая Казахстан. Данная ситуация была характерна почти для каждого из регионов Российской Федерации.

Томская область по этому показателю не является исключением. На протяжении конца XX – начала XXI в. Томск переживал схожие с описанными выше миграционные вызовы, характерные для всей России¹⁷³: во-первых, 1990-е гг. характеризуются преимущественно притоком русскоязычного населения из бывших советских республик, а также внутренних транслокальных мигрантов, выходцев из республик Кавказа; во-вторых, наблюдается усиление образовательной миграции, причем, если ранее учебная миграция была результатом перемещений внутри большой страны, то с наступлением 1990-х гг. актуальной становится внешняя транснациональная учебная миграция, которая

---

¹⁷⁰ Нам И.В. Взаимодействие государства и социально-ориентированных некоммерческих организаций в сфере адаптации и интеграции мигрантов // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XIX-XXI веках: опыт и перспективы : [сборник]. Красноярск, 2017. С. 84–100.

¹⁷¹ Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. Т. 28, № 1. 2021. С. 50–54.

¹⁷² Нам И.В., Львова Э.Л. Перепись в Томской области: итоги и прогнозы // Этнокультурный облик России: перепись 2002 г. : [сборник]. М., 2007. С. 426–437; Нам И.В., Поправко И.Г. Мониторинг переписи в Томской области // Этнологический мониторинг переписи населения. М., 2011. С. 351–371; Статистика. Официальная статистика. Население. Миграция // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Б. м.], 2024. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/37439> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁷³ Статистика. Официальная статистика. Население. Миграция // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Б. м.], 2024. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/37439> (дата обращения: 01.03.2024); Нам И.В., Львова Э.Л. Перепись в Томской области: итоги и прогнозы // Этнокультурный облик России: перепись 2002 г. : [сборник]. М., 2007. С. 426–437; Нам И.В., Поправко И.Г. Мониторинг переписи в Томской области // Этнологический мониторинг переписи населения. М., 2011. С. 351–371.

продолжает оставаться важной составляющей экономики региона¹⁷⁴; в-третьих, рост присутствия транснациональных трудовых мигрантов в городе и области происходит с начала 2000-х гг. Кроме того, для миграционной ситуации в Томской области характерны перепады (в соответствии с общероссийским контекстом): развитие международной миграции по восходящей до 2011 г., затем снижение до 2017-2018 гг., рост в 2019 г. и резкий спад, вызванный пандемией, закрытием государственных границ и ухудшением общемировой политической и экономической ситуации в 2020 г. (Рисунок 27).

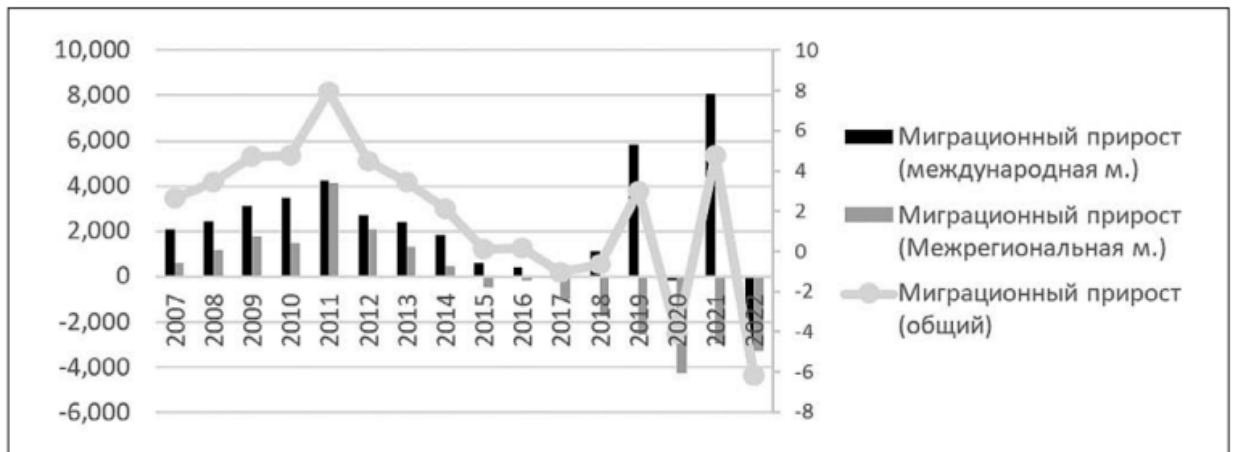

Рисунок 27 – Международная и межрегиональная миграция в Томской области в 2007-2022 гг., промилле, чел.¹⁷⁵

Количество трудовых мигрантов к концу 2020 г. сократилось на 68% (с 13719 до 4383), снизилось и количество приобретенных приезжими патентов (с 6213 до 3276)¹⁷⁶. При обращении к данным всероссийских переписей населения, которые

¹⁷⁴ Садырин А.А. «Студенческая посылка» как актанта в сети студентов – учебных мигрантов из Казахстана: к вопросу о конструировании сообщества // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5(37). С. 134–137.

¹⁷⁵ Диаграмма составлена по данным Томского областного комитета государственной статистики. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Томской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Б. м.], 2024. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2+%D0%B8+%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8,+%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8.doc>; Том 5. Национальный состав и владение языками. Томская область. Итоги всероссийской переписи населения 2020 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Б. м.], 2024. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/VPN2020>.

¹⁷⁶ Число трудовых мигрантов в Томской области снизилось в 3 раза // vtomske.ru. [Б. м.], 2024. URL: <https://news.vtomske.ru/news/180193-chislo-trudovyh-migrantov-v-tomskoi-oblasti-snizilos-v-3-raza> (дата обращения: 10.05.2024).

демонстрируют национальный состав жителей Томской области, обнаруживается, что численность «мигрантских» этнических групп составляет менее 1% (каждая из групп) в общей численности населения области (Таблица 2).

Таблица 2 – Национальный состав населения Томской области по данным переписей населения, % (чел.)¹⁷⁷

Национальность	2002	2010	2020-2021
Азербайджанцы	0,42% (4354)	↓0,40% (4178)	↓0,27% (2903)
Армяне	0,22% (2336)	↑0,27% (2801)	↓0,17% (1819)
Киргизы	0,05% (492)	↑0,14% (1427)	↓0,12% (1301)
Казахи	0,12% (1215)	↑0,16% (1705)	↓0,12% (1307)
Таджики	0,05% (498)	↑0,09% (956)	↑0,13% (1330)
Узбеки	0,16% (1626)	↑0,37% (3924)	↓0,26% (2733)
Украинцы	1,60% (16726)	↓1,07% (11254)	↓0,42% (4413)
Русские	90,84% (950222)	↓88,10% (922723)	↓75,54% (802719)

¹⁷⁷ Таблица составлены по данным Томского областного комитета государственной статистики. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Томской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Б. м.], 2024. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2+%D0%B8+%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8,+%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8.doc>; Том 5. Национальный состав и владение языками. Томская область. Итоги всероссийской переписи населения 2020 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Б. м.], 2024. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/VPN2020>.

Однако к статистическим источникам в контексте международной миграции следует относиться с определенной долей скептицизма, поскольку существующая форма подсчета не учитывает, к примеру, «недокументированных» мигрантов. Кроме того, данные всероссийских переписей не отражают разницу между иностранными студентами и трудовыми мигрантами, не учитывают сложность транснациональной миграционной мобильности. Несмотря на это, очевидно, что актуальная миграционная ситуация в области и областном центре характеризуется двумя крупными видами международной миграции – трудовая транснациональная миграция и образовательная (учебная) миграция. Томск является крупным образовательным центром для внутренних и внешних мигрантов. Географическая близость к государствам Центральной Азии обуславливает направленные миграционные процессы из данных государств в город¹⁷⁸.

Под воздействием международной миграции Томск и его пригороды постепенно трансформировались: возникли специфические экономические ниши, которые занимали и занимают трудовые мигранты, визуально стали определяться места концентрации мигрантов в городской среде, появились новые этнокультурные объединения (национально-культурные автономии и организации), представляющие интересы и отвечающие запросам мигрантов, возникли новые формы и виды взаимодействия среди мигрантов в городской среде (локальные чаты в мессенджерах, сайты, развлекательный/блогерский мигрантский контент в социальных сетях). Иначе говоря, в Томске стала оформляться «мигрантская» инфраструктура – зачастую этнически маркированные элементы городской среды. Присутствие мигрантов в городе и пригороде позволило характеризовать их как отдельную (особую) группу горожан со своими культурными, социальными или социально-экономическими практиками.

Одним из первых элементов «мигрантской» инфраструктуры, возникших на территории Томской области, можно считать образование национально-культурных автономий (НКА), создаваемых по этническому принципу. Их

---

¹⁷⁸ Садырин А.А. Учебный мигрант из Казахстана: правда или вымысел? (случай г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2(40). С. 127-131.

деятельность стала возможной благодаря принятому в 1996 г. Федеральному закону РФ «О национально-культурной автономии»¹⁷⁹. Несмотря на то, что основная цель НКА, согласно российским законам, – сохранение и развитие национальной культуры, языка, обычаев и традиций, «диаспоры» по отношению к трудовым мигрантам с начала своего существования выполняли иные функции: правовое сопровождение приезжих, материальная помощь, содействие в вопросах адаптации и интеграции в принимающее общество. Одной из первых центрально-азиатских НКА в 2003 г. появилась НКА «Кыргызстан». В этом же году в Закон «О национально-культурной автономии» были внесены поправки, которые упростили процедуру создания местных НКА¹⁸⁰. Это активизировало процесс создания новых автономий. В 2004 г. была создана узбекская НКА, в 2008 г. свою организацию зарегистрировали таджики. Создавали НКА и возглавляют их в Томске не трудовые мигранты, а приезжие еще советского времени, которые сегодня обладают достаточно высоким статусом в городе. Например, первый председатель НКА «Кыргызстан (а ныне почетный консул Республики Кыргызстан в России), Р.А. Абдуманатов, является выпускником Томского государственного университета, кандидатом исторических наук.

«Мигрантские» НКА в Томске на протяжении своего существования ставили перед собой ряд задач, которые они могли решать по отношению к своим соотечественникам, находящимся в ситуации трудовой миграции. Одно из приоритетных направлений – профилактика противоправных действий и преступлений, совершаемых мигрантами и против мигрантов. Основным механизмом поддержания порядка выступают неформальные беседы, которые проводят авторитетные члены «диаспоры»¹⁸¹. Другим неформальным проявлением деятельности НКА является экономическая помощь приезжим, чаще она проявляется в содействии в трудоустройстве. Кроме того, «диаспоры» поддерживают мигрантов в вопросах, связанных с жильем, предоставляя

---

¹⁷⁹ Нам И.В. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2013. С. 497.

¹⁸⁰ Там же. С. 497.

¹⁸¹ Там же. С. 515.

помещения для проживания в кризисные периоды нахождения в Томске. В одной из бесед между автором диссертации и бывшим председателем НКА «Кыргызстан» последний поделился информацией о том, что нередко «диаспоры» помогают родственникам умерших на территории города мигрантов (организуют доставку тела, оформляют нужные документы и др.). В период пандемии коронавируса НКА выступили в роли тех, кто способствовал решению возникших социальных и экономических сложностей у трудовых и образовательных мигрантов.

НКА, как элемент «мигрантской» инфраструктуры, связаны не только с социально-экономической интеграцией приезжих, но и с культурной. Одной из ключевых сложностей для трудовых мигрантов является либо незнание, либо слабое владение русским языком. Чтобы помочь мигрантам в овладении русским языком в 2010 г. узбекской НКА в Томске были организованы воскресные языковые курсы для школьников (детей мигрантов) и студентов из Узбекистана¹⁸².

Однако, как показывают исследования, а мой опыт полевой работы подтверждает, что большинство трудовых мигрантов либо не осведомлены о существовании и деятельности НКА, либо практически не взаимодействуют с ними в городе. Это связано с тем, что жизнь трудового мигранта имеет мало реальных пересечений с членами «диаспоры». Современные транснациональные мигранты, как правило, не рассматривают Россию в качестве конечной точки своей миграционной траектории. Большинство из них возвращается на родину, заработав необходимую сумму, другие, не найдя нужной работы, возвращаются в страну исхода или продолжают поиски за пределами России, третьи постоянно курсируют между принимающей и отпускающей странами. Это влияет и на характер адаптационных и интеграционных установок. НКА в таком контексте становятся не актуальными для трудовых мигрантов, которые не нуждаются в решении культурных проблем¹⁸³. Интегрируются такие мигранты чаще всего через выстраивание социальных сетей, куда автономии не входят.

---

¹⁸² Нам И.В. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2013. С. 518.

¹⁸³ Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1. С. 297.

Миграционные потоки обусловили не только создание национально-культурных организаций на территории Томска, но и коммерческих структур, основной целью которых стало получение прибыли через оказание «миграционных» услуг. В 2001 г. в городе был открыт Центр перевода и оформления документов для иностранных граждан, филиал новосибирской организации «Регистратор Томск». Фирма тесно сотрудничала с Паспортно-визовой службой области. В каждом из административных районов Томска, в которых располагались отделы миграционной службы, «Регистратору» выделили площади для размещения там работников, а компьютеры этой коммерческой фирмы были подключены к внутренней информационной сети Паспортно-визовой службы с возможностью работы в служебной программе по оформлению документов.

В 2004 г. на рынке томских коммерческих миграционных услуг появляется представительство московской организации «Межгосударственный миграционный центр». Эта фирма одной из первых в городе стала взаимодействовать непосредственно с самими трудовыми мигрантами, оказывая им помощь в оформлении различных документов. В 2006 г. организация была ликвидирована, а часть ее бывших учредителей открыли новую фирму – «Межгосударственный миграционный центр-Томь» («ММЦ-Томь»). В 2006 г. бывшими сотрудниками Федеральной миграционной службы была создана коммерческая организация «Миграция и гражданство»¹⁸⁴, одна из немногих фирм, функционирующих в Томске по сей день. Её сотрудники консультируют мигрантов, помогают с оформлением документов, а при необходимости переводят их.

С увеличением числа мигрантов на территории Томской области росло и количество посреднических фирм. Постепенно создателями таких организаций становились сами мигранты, ранее являвшиеся клиентами. Включаться в рынок коммерческих миграционных услуг стали и представители НКА. Например, ранее упоминавшийся Р.А. Абдуманатов вместе со своей супругой основали фирму

---

¹⁸⁴ Общество с ограниченной ответственностью «Миграция и гражданство». [Б.м.], 2024. URL: <http://mmc.tom.ru/> (дата обращения: 11.05.2024).

«Мигрант-Сервис»¹⁸⁵ (бывшее ООО «Салам»), оказывающую миграционные услуги. Транснациональный характер миграционных процессов, характерных в том числе и для исследуемого города, обусловил расширение списка возможных услуг, которые стали предоставлять коммерческие «мигрантские» организации. Актуальными являются поиск и продажа авиабилетов, помощь с приобретением мобильных сим-карт, полисов добровольного медицинского страхования, оказание помощи с поиском работы и последующим трудоустройством трудовых мигрантов.

Рост присутствия мигрантов из Центральной Азии и Закавказья в Томске менял и религиозную инфраструктуру города. Данный процесс характерен для большинства российских городов, куда осуществлялась транснациональная миграция из указанных выше регионов: «... в большинстве крупных российских городов открываются «лавочки» с религиозными товарами, которые условно можно назвать исламскими, появляется «мусульманский» фудкорт, формируется и развивается рынок «религиозного туризма»»¹⁸⁶. В Томске под влиянием усиления миграционных процессов стали появляться неформальные молельные комнаты (например, такая комната имеется в «элитном» «мигрантском» кафе «Бай казан»), магазины халяльной еды и исламских аксессуаров, импровизированные образовательные учреждения – съемные квартиры, где мигранты обучают всех желающих арабскому языку¹⁸⁷.

С усилением с конца 1990-х гг. миграционных потоков из Центральной Азии в Томске начинает меняться и предпринимательский ландшафт. Трудовые мигранты совершают попытки организации бизнеса на территории города. Для кого-то из них эти попытки становятся провальными, а кто-то смог успешно встроиться в экономику города и создать «мигрантскую» инфраструктуру, направленную на удовлетворение запросов разных категорий горожан. Например, выходцы из Узбекистана смогли организовать в Томске одну из наиболее крупных сетей цветочных магазинов «Азалия». Основателем бизнеса стал трудовой мигрант

---

¹⁸⁵ Мигрант-сервис. [Б.м.], 2024. URL: <https://migrant-tomsk.ru/> (дата обращения: 11.05.2024).

¹⁸⁶ Сметанин Ф.А. Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 180.

¹⁸⁷ Там же. С. 181.

из Узбекистана, переехавший в Томск в конце 1990-х гг. В данный момент «Азалию» можно назвать семейной компанией, в которой управление передается по наследству, при этом в деятельности самой организации заняты совершенно разные категории горожан, включая трудовых мигрантов. Цветочная фирма представлена ларьками по всему городу, помимо этого, «Азалия» является активным поставщиком в государственных контрактах, предоставляя свои услуги, например, Администрации Города Томска.

Другим видом успешного «мигрантского» бизнеса, имеющего свою продолжительную историю на территории Томска, могут служить кафе «восточной» или «восточной-европейской» кухни. На территории города расположено несколько десятков заведений эконом-класса, созданных узбеками из Кыргызстана («Ош», «Чинара», «Сорбон» и др.), а также таджиками («Душанбе», «Араш», «Баракат», «Мир» и др.). Данные элементы «мигрантской» инфраструктуры с самого начала создавались как те, которые направлены на удовлетворение запросов самого широкого круга горожан. В данный момент времени автор не берется говорить о том, кто же является **основными** посетителями кафе «восточной» кухни в Томске, т.к. опыт полевой работы показывает то, что это могут быть представители совершенно разных социальных, профессиональных, этнических и других групп. Однако с уверенностью можно сказать, что генезис данных элементов «мигрантской» инфраструктуры не позволяет нам говорить, что такие кафе созданы трудовыми этническими мигрантами для трудовых этнических мигрантов.

В 1990-х гг. в Томске сложилась уникальная ситуация (продолжающаяся до сих пор), связанная с имамами, которые служат в двух городских мечетях, построенных в начале XX в. («Красной» и «Белой», названных так по цвету стен). В «Белой» мечети позицию духовного главы занимает приезжий из Кыргызстана, в «Красной» – выходец из Таджикистана. При этом имамы находятся в затяжном конфликте – мечети принадлежат разным муфтиятам, что актуализирует

политическую борьбу за разного рода ресурсы¹⁸⁸. По мнению томского исследователя Ф.А. Сметанина, данная ситуация влияет и на характер взаимодействия имамов с прихожанами-мигрантами, которым духовные лидеры помогают с поиском жилья, работы, а также способствуют урегулированию каких-либо споров с властными структурами или работодателями¹⁸⁹. Надо сказать, что при личном взаимодействии автора с трудовыми мигрантами из Центральной Азии в ходе полевой работы, мечеть (как и имамы) в их ответах слабо актуализировалась. Все сводилось к эпизодическим посещениям религиозных учреждений в мусульманские праздники.

Вопросы, связанные с поиском жилья или работы, обычно мигранты решали через «светские» социальные сети, обращаясь к своим землякам, родственникам или приятелям, которые имели большой социальный капитал на территории Томска.

Таким образом, вышесказанное подтверждает, что общероссийский миграционный контекст на протяжении конца XX – начала XXI вв. характерен и для города, выбранного в данном исследовании в качестве основного места сбора эмпирических данных и их анализа. Для Томска также характерен неравномерный, скачкообразный, включая выбранные для полевой работы 2018-2020 гг., рост трудовой транснациональной миграции, основными представителями которой являются выходцы из стран Центральной Азии. Появление в городе трудовых мигрантов из Центральной Азии повлекло за собой и формирование «мигрантских» мест, которые маркировались таковыми местными жителями или самими мигрантами, однако, на практике являлись местами взаимодействия между разными группами горожан, включая как местное, так и пришлое население.

---

¹⁸⁸ Опарин Д.А. Религиозный авторитет и этика повседневности в мусульманской миграционной среде // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 12(1). С. 88.

¹⁸⁹ Сметанин Ф.А. Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2022. № 2(57). С. 180.

2.2 Вход в «мигрантское» поле

Важным механизмом входа в «мигрантское» поле в рамках диссертационного исследования являлось анкетирование. Оно позволило совершить наиболее безопасный вход в поле для всех участников исследования. Через анкеты определялись потенциально «лояльные» собеседники, готовые к обмену контактами и дальнейшему долгосрочному взаимодействию.

Помимо этого, выбор анкеты в качестве «пилотного» инструмента обусловлен проблематикой поля «мигрантской» инфраструктуры в городском и пригородном пространстве. Опыт исследований в Москве показал, что «мигрантская» инфраструктура крайне дисперсно распространена в городском массиве, о каких-либо местах концентрации мигрантов мы говорить не можем. Предполагалось, что ситуация в Томске будет весьма напоминать столичную. В связи с этим, на поиск потенциальных инфраструктурных элементов через работу посредством (изначально) метода интервью или наблюдения ушло значительное время. Анкетирование в таком случае упрощало и поиск возможных мест в городском и пригородном пространстве, которые используют и/или создают трудовые мигранты из Центральной Азии. Стоит также отметить, что для антрополога анкета не является основным профессиональным инструментом, поэтому сам анкетный опрос велся порой с отвлечениями/уходами от основной проблематики вопроса, участнику исследования давалась возможность широкого повествования. Это в будущем позволило заняться корректировкой гайда интервью, т.к. уже на этапе анкетирования можно было выделить ряд важных для мигранта тем, которые потом могли быть детально обсуждены с участниками исследования.

Несмотря на это, информация, полученная в ходе анкетного опроса, как выяснилось, весьма тесно коррелирует с информацией, полученной в ходе работы посредством классических антропологических методов – интервью и наблюдения. Этот раздел служит отправной точкой перед погружением в конкретные кейсы, демонстрирующие практики социально-экономической интеграции трудовых мигрантов из Центральной Азии в Томске. Раздел создает определенный контекст, позволяющий включиться в миграционную проблематику в Томске вообще.

Помимо этого, представленная ниже информация подсказывает нам и транснациональный характер миграции, и корни интеграционных практик, которые осуществляют мигранты, занимая, например, ту или иную профессиональную нишу.

Анкетный опрос трудовых транснациональных мигрантов из Центральной Азии (Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) был проведен летом 2018 г. Для его проведения и последующей работы с использованием качественной методологии Томск был разделен на три вернакулярных¹⁹⁰ района, имеющих разные социально-экономические и географические характеристики: «Иркутчи» (*Рисунок В. 1*), «Центр» (*Рисунок В. 2*), «Черем» (*Рисунок В. 3*).

Вернакулярный район «Иркутский» или «Иркутчи» в качестве ключевой доминанты обладает проходящей через всю локацию улицей Иркутский тракт, территориально объединяющей несколько «спальных» микрорайонов (2-й микрорайон, 3-й микрорайон, «Жилмассив», микрорайоны «Солнечный» и «Подсолнухи»), появившихся здесь во второй половине XX столетия. Из-за удаленности от центра города район обладает разнообразием жилья эконом-класса. Важными инфраструктурными локальностями в «Иркутчах» на входе в исследование для нас представлялись два расположенных здесь рынка – «Октябрьский» и «Лазовский», как потенциально притягивающие «мигрантское» население. Помимо этого, район насыщен инфраструктурными точками, на первый взгляд потенциально кажущимися «этническими» или «мигрантскими» в силу их коммерческого позиционирования или визуального наличия в таких местах этнически узнаваемых мигрантов; это: 1) заведения общественного питания, преподносящие себя клиентам как кафе «восточной» кухни; 2) сервисы мелкосрочного ремонта автомобилей; 3) автомобильные мойки и др.

«Центр» обрамлен видимыми границами: с одной стороны по правому берегу р. Томь до улицы Дальне-Ключевская, с другой – по Комсомольскому проспекту

---

¹⁹⁰ Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. [Б.м.], 2019. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05.php> (дата обращения: 20.09.2019); Калуцков Н.В. О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная этнография. 2013. Т. 2. № 1. С. 3-9.

до пересечения с улицей Елизаровых (район Железнодорожного вокзала Томск-1 и городского автовокзала), пересекающейся с улицей Нахимова. Данный вернакулярный район занимает весьма обширную территорию, включающую наличие разной инфраструктуры (торговая, обслуживающая, транспортная). «Центр» занимает обширную территорию, вытянутую вдоль центральной улицы города (проспект Ленина) и граничит с менее благоприятными с точки зрения условий жизни частями города («Черемошники»). В связи с этим жители города, проживающие в приграничной зоне, склонны сдвигать границу города далее к улицам Подгорной, Бердской, тем самым абстрагируясь от негативно маркированного восприятия городской территории.

Вернакулярный район «Черемошники», в отличие от вышеописанных двух, имеет довольно большой объем деревянной застройки, стоимость аренды жилых помещений в таких домах является низкой (*при этом зачастую арендатор лишается, например, центрального водоотведения и др.*), что является привлекательным для трудовых транснациональных мигрантов. С южной стороны район ограничен улицей Дальне-Ключевской, переходящей в проспект Мира. С западной стороны естественной границей служит р. Томь, на востоке район ограничен Каштачной горой (соединение проспекта Мира и улицы Смирнова). Условной северной оконечностью «Черемошников» является улица ЛПК 2-й поселок.

Посредством анкет всего было опрошено 300 мигрантов по 100 человек в каждом вернакулярном районе; выборка респондентов осуществлялась на основе пропорционального распределения мигрантов, проживающих в Томске, по стране исхода (Таблица Г. 1.) Число мужчин составило 222 (74%), а женщин – 78 (26%). На момент анкетного опроса (2018 г.) наибольшее количество мигрантов прибыло в Томск с 2011 по 2015 г. (115 чел.) и проживало на территории города уже в течение 3-7 лет. С 2006 по 2010 г. количество приезжих было в полтора раза меньше – 75 человек. В период с 2016 по 2018 г. количество приезжих в рамках анкетного опроса было равно 65 человек (*Рисунок В. 7*).

Результаты опроса демонстрируют преобладание трансграничного характера трудовой миграции в Томск. Около 75% опрошенных возвращаются на родину: из них 64% возвращаются домой один раз в год или в несколько лет; почти 11% отправляются домой на несколько месяцев (*чаще это летние месяцы, что связано с отсутствием работы в городе, а также, например, проведением различных торжественных мероприятий на родине, специально запланированных на этот период времени*). Среди 24% опрошенных, выбравших вариант «Другое», только 12% ни разу не возвращались домой, 2% выезжают домой, но редко. Наиболее тесные связи с родиной наблюдаются у мигрантов из Кыргызстана, 79% из которых периодически возвращаются в страну исхода.

Согласно данным анкетного опроса, большинство пребывающих на территории Томска трудовых транснациональных мигрантов заняты в сфере обслуживания (51%) и в сфере торговли (25%). Наиболее распространенными трудовыми нишами выступают позиция продавца (21%) и позиция повара (13%), заметно меньше трудовых мигрантов работают грузчиками (7%), водителями (5%) и официантами (2,6%). Несмотря на присутствие крупных строек на территории города и пригорода, в строительстве занято лишь 9,6% приезжих. Кроме того, среди участников исследования около 4% имеют собственный бизнес (*преимущественно в сфере торговли и в сфере общественного питания*) (Рисунок В. 8).

Среди конкретных мест работы мигрантов в Томске доминируют торговые предприятия: магазины, торговые лавки, супермаркеты, торговые центры и др. (в совокупности – 30%). В данных местах мигранты занимают позицию не только продавца, но и администратора, уборщика, грузчика, кладовщика и др. В сфере обслуживания первые пункты занимают кафе, столовые, рестораны, бары (в совокупности – 22%). Чаще всего, как отмечают сами трудовые мигранты, меню таких заведений в основном представлено блюдами «восточной» кухни. Приезжие в кафе, столовых, ресторанах, барах представлены в основном поварами и кухонными работниками разного профиля (помощники повара, заготовщики, разнорабочие и др.)

Менее популярными местами работы среди трудовых мигрантов являются позиции на промышленных предприятиях (10%), в складских помещениях (9%) и на строительных объектах (8%). Если все же мигрант задействован в какой-либо отрасли из указанных выше, то конкретные места работы, как правило, сводятся к пилорамам, фабрикам (различные мебельные фабрики, «Межениновская птицефабрика», швейные предприятия), производственным цехам. Около 4% опрошенных не привязаны к конкретному месту работы, регулярно меняют работодателя. Чаще всего среди них встречаются разнорабочие, грузчики и самозанятые таксисты. Кроме того, около 5% опрошенных мигрантов работают в частном секторе, либо на частных лиц. Наиболее распространенными профессиями здесь являются строители, занимающиеся ремонтными работами, няни, а также мигранты, занятые в бизнесе своих родственников/друзей/земляков. (Рисунок В. 9).

Следует отметить, что длительность трудовой деятельности мигрантов в Томске отличается относительной устойчивостью. Наибольшая доля респондентов работает в одном месте от 1 года до 5 лет (41%). Выбор трудовой стратегии в пользу миграции обусловлен в основном низким финансовым благосостоянием семьи. Почти все опрошенные мобильны в плане изменения сферы занятости как в Томске, так и в перспективе в другом городе России или мира. Это все указывает на то, что доминирует транснациональный характер мобильностей трудовых мигрантов из Центральной Азии; практики принятия решений ситуативны, спонтанны, отражают двунаправленный (или больше) процесс мысли и действий мигранта по отношению к миграции. Доминируют и воображаемые мобильности, способствующие к оценке своих карьерных перспектив, на первый взгляд, с весьма нестабильных позиций, однако, это прямая характеристика трансмигранта. Помимо этого, актуализирует транснациональный характер миграции (*а в совокупности с этим и характер интеграционных практик*) и семейная ситуация, при которой зачастую молодые мужчины-мигранты вынуждены отталкиваться при принятии решений относительно карьерных устремлений и своего местонахождения от жены и ребенка/детей.

Мигранты, проживающие в Томске, согласно данным анкетного опроса, относительно в равной мере меняют свои карьерные стратегии и практики: 41% опрошенных сменили место работы в течение пятилетнего периода; при этом в таком же процентном соотношении находятся и те, кто поменял место работы в рамках годового периода (41%). Смена места работы не всегда влечет за собой совершаемую мобильность в пределах города. Среди опрошенных около 40% мигрантов, сменивших работу, оставались привязаны в рамках своей трудовой деятельности к району предыдущего места работы. В то же время 42% опрошенных при смене места работы, находили ее в другом районе города. Кроме того, результаты демонстрируют, что у 10,5% опрошенных уже имелся опыт трудовой деятельности на территории РФ до прибытия в Томск (Таблица 3).

Таблица 3 – Распределение респондентов по месту работы и вернакулярному району Томска¹⁹¹

Место работы	Количество, человек	%, от ответивших
В этом районе	86	39,3
В другом районе Томска	92	42,0
В другом населенном пункте Томской области	3	1,4
В другом городе России	23	10,5
Другое	15	6,8

Режим работы трудовых мигрантов, как правило, длителен. Можно говорить о том, что в принципе основным видом деятельности приезжих в Томске является работа, что ставит определенные ограничения на другие возможные активности, связанные со свободным времяпрепровождением (*что вновь играет немаловажную роль при осмыслении интеграции мигрантов в контексте транснационализма; интеграционные практики сводятся в таком случае к*

¹⁹¹ Таблица составлена по результатам анкетного опроса граждан Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в Томске в рамках осуществления исследовательского гранта РНФ № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц»

практикам взаимодействия с различными акторами, участвующими в интеграции, на рабочем месте). Абсолютное большинство мигрантов работает больше 10 часов в сутки (80%). Из них 10–12 часов в день работают 48,5%, а более 12 часов – 32%. Согласно ответам респондентов, чаще это дневная работа (Таблица 4). Наиболее продолжительный рабочий день (более 10 часов) составляет у тех, кто работает в сфере торговли (21%), общественного питания (14%), промышленности (9,4%) и строительства (7%).

Таблица 4 – Продолжительность рабочего дня трудовых мигрантов в Томске¹⁹²

Продолжительность рабочего дня, часов в сутки	Количество ответивших, человек	%, от ответивших
Меньше 8 часов	7	2,4
8–9 часов	41	14
10–12 часов	141	48,5
Больше 12 часов	93	32
Ненормированный график	9	3

Место работы мигрантов и место их проживания чаще находятся друг от друга в шаговой доступности, т.к. около 45% трудовых мигрантов ходят на работу пешком, 52% из них на то, чтобы добраться до работы, требуется менее 10 минут. Мигранты, приезжающие на работу на собственном автомобиле или на автомобиле владельца той организации, в которой они задействованы (*это довольно распространенная практика*) тратят на дорогу от 5 до 10 минут, что также может свидетельствовать о достаточно близком расположении места проживания и места работы. Более 20 минут на работу добираются 26% респондентов, из них у 14% уходит на дорогу 30–40 минут, и всего у 4% около часа.

¹⁹² Таблица составлена по результатам анкетного опроса граждан Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в Томске в рамках осуществления исследовательского гранта РНФ № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц»

В целом же, наиболее популярным способом повседневных перемещений по городу для мигрантов является наземный транспорт – 68%, из которых 45% пользуются услугами общественного транспорта, 21% передвигаются на личном автомобиле, и около 2% – на такси. Пешеходами же среди мигрантов являются 32% опрошенных.

Для большинства мигрантов, участвовавших в исследовании в Томске, основной формой жилья является квартира (90%). Почти в равном и незначительном соотношении для приезжих жильем служат комнаты в общежитиях (4%), а также частные дома (6%). Чаще респонденты проживали в помещениях, имеющих две комнаты (41%). Однокомнатные жилые помещения также актуальны для трудовых мигрантов, но в меньшей мере, нежели двухкомнатные (33%). Есть и те, кто проживает в квартирах/домах, имеющих три комнаты и больше (15%). Ряд участников исследования (11%) не дали ответ на вопрос о количестве комнат в том месте, где они проживают. Скорее всего, это обусловлено тем, что этот вопрос для кого-то являлся весьма «интимным», в ответе на который было отказано (*предположение подтвердило себя уже в процессе сбора эмпирических данных посредством проведения качественных исследовательских интервью с трудовыми мигрантами*).

Среднее количество соседей трудового мигранта, как правило, 1–2 человека (54%), реже – 3–4 человека (26%). Зачастую вместе с мигрантами в квартире или доме проживают их дети – 1–2 ребенка (26%), 3 и больше, но до 8 детей (5%), 58% анкетированных живут без детей, 11% отказались ответить. Основными соседями мигрантов являются их родственники (76%), помимо родственников, соседом может быть человек, с которым опрашиваемый был знаком до приезда в Россию (19%), а также тот, с кем знакомство произошло уже здесь (14%). Большинство мигрантов делит свою комнату еще с одним человеком (43%). Однако немало и тех, кто в своей комнате проживает один (24%). Часть опрашиваемых соседствуют в комнате с 2–3 людьми (28%). С четырьмя людьми и более живут лишь 5% анкетированных. Примерно в равном количестве мигранты могут делить свою комнату с детьми (21%), братьями и сестрами (20%). Чаще основным соседом по

комнате будет муж или жена (45%), в остальных случаях это могут быть другие родственники или знакомые. 72% анкетированных ведут совместное хозяйство с соседями по квартире, остальные предпочитают заниматься своей экономикой в одиночку.

Наиболее распространенное время, которое мигранты проживают в квартире/доме/общежитии на момент опроса от 1 года до 3 лет (около 42%), другие ответы значительно варьируются от нескольких дней до десятков лет. В конкретном вернакулярном районе значительная часть участников исследования проживает также от 1 года до 3 лет (24%), другие ответы значительно варьируются от нескольких дней до десятков лет.

На вопрос о том, где жили мигранты в Томске до нынешнего места жительства, 32% ответили, что жили в этом вернакулярном районе, но в другой квартире, 35% – в другом районе города, 33% всегда жили в этом месте, а около 1% проживали в пригороде Томска. Из тех, кто переехал на новое место жительства 31% сделали это по причине смены работы, у 25% сменились семейные обстоятельства, а у 2% не сложились отношения с соседями, 42% выбрали ответ «другое», среди которого наиболее распространенными являются следующие версии: *«купил квартиру/дом»*, *«нашли более комфортные условия»*, *«нашли квартиру подешевле»*, *«хозяин продал квартиру»*, *«истек договор аренды»*.

На входе в поле одно из предположений сводилось к тому, что потенциально какой-либо из рынков Томска может являться точкой притяжения мигрантов, как клиентов торговых площадей. Этнически видимое меньшинство рынков в лице продавцов и обслуживающего персонала, а также дешевизна товаров могли быть катализатором к совершению покупок мигрантами в рамках рынков. Анкетный опрос, однако, показал, что рынки как точки по продаже продуктов, так и точки по продаже одежды, не пользуются колоссальной популярностью в среде трудовых мигрантов. Приезжие рынкам предпочитают в контексте продуктов питания супермаркеты шаговой доступности с разнообразием товара и наличием системы скидок, представленные крупными региональными ритейлерами («Ярче», «Абрикос», «Мария-Ра», «Пятерочка» и др.) (Рисунок 10). Помимо этого,

ритейлеры затмевают и «магазинчики около дома». В ответах также были актуализированы и крупные сети, представленные небольшим количеством магазинов («Лента», «Фуд-Сити»), но при этом расположенные близко к месту работы или проживания мигранта.

Приобретение одежды мигранты связывают со свободным времяпрепровождением в крупных торгово-развлекательных комплексах (в случае Томска – «Изумрудный город», «Город», «Смайл Сити», «БУМ»). Таким образом, рынок чаще исчезает в качестве доминанты при подготовке своего гардероба приезжими. Помимо анкетного опроса, такое положение дел подтверждают интервью с участвующим наблюдением. Поход в торговый центр носит символическое значение, он играет роль некоторой искусственной границы между пространством, откуда прибыл мигрант (*чаще это сельская местность или небольшие города*), и куда он прибыл (*крупный сибирский город с развитой инфраструктурой*). Присутствие трудового мигранта в торгово-развлекательном центре с последующим видеозвонком или пересылкой фотографий на родину знаменует социальную вертикальную мобильность.

Одним из мест отдыха в рамках ответов на анкетные вопросы мигранты выделяли торгово-развлекательный центр «Изумрудный город» (5,7%). Другим излюбленным местом для свободного времяпрепровождения является «Лагерный сад» (*парковая зона*) Томска (3,3%). Однако, как было замечено выше в этом разделе диссертационного исследования, трудовые мигранты достаточно долго заняты трудовым процессом. В свободное от работы время приезжие предпочитают быть дома и заниматься накопившимися бытовыми делами (65,5%), помимо нахождения дома, мигранты также встречаются в гостях у своих родственников или земляков (25,5%).

В отличие от Москвы, где присутствуют так называемые «киргизские клиники»¹⁹³ (*медицинские учреждения, созданные гражданами РФ – выходцами из Кыргызстана, где цены на обслуживание немного ниже; при этом вписанные в*

---

¹⁹³ Demintseva E. 'Kyrgyz Clinics' in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants // Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness. 2018. Vol. 37. № 5. P. 401–411.

российскую систему здравоохранения и в транснациональные сети), в Томске схожих заведений не удалось обнаружить, ни при проведении анкетного опроса, ни при проведении интервью. Однако автором данной диссертации в ходе наблюдения был обнаружен стоматологический кабинет, который по аналогии с «кыргызскими клиниками» предоставлял услуги по ценам немногим ниже рыночных, а хозяином этого кабинета был гражданин РФ – выходец из Узбекистана, обладающий хорошим знанием родного языка, что позволяло ему с легкостью взаимодействовать с клиентами-мигрантами. Стоит отметить, что этот кабинет не являлся исключительно «мигрантским» местом. Большинство клиентов – местные жители, а среди приезжих доминировали те, кто был знаком с владельцем кабинета (фактор социальных связей мигрантов). Скорее, это были не трудовые мигранты, а «элитные» мигранты Томска, занимающие высокооплачиваемые должности. Сейчас момент кабинет не функционирует, его экономическая рентабельность оказалось низкой (*со слов участницы исследования, которая занимала позицию администратора в вышеупомянутом кабинете*).

Большинство опрошенных мигрантов в случае болезни обращаются в ближайшую муниципальную поликлинику (50,6%), четверть мигрантов обращается в частные клиники, а 11,7% респондентов в силу занятости и нежелания при болезни никуда не обращаются.

Среди 300 опрошенных трудовых мигрантов (как мужчин, так и женщин) больше половины (59,3%) состоят в официальном браке, что составило 178 человек. При этом среди женщин, осуществляющих трудовую деятельность в г. Томске больше разведенных и вдовствующих, в сравнении с мужской половиной (*Рисунок В. 11*).

Анкетный опрос также касался детей мигрантов с целью поиска возможных городских локальностей в виде «мигрантских» классов, школ, детских садов. Отсутствие у значительного числа мигрантов опыта вступления в брак коррелирует с наличием/отсутствием детей. 38,3% респондентов не имеют детей. Из общего числа опрошенных 16% имеют одного ребенка, наличие двух детей в семье трудового мигранта составило 25,3%.

28% респондентов приехали в Россию в качестве трудовых мигрантов без детей, что чаще связано с затруднительным финансовым положением, отсутствием ухода и присмотра за детьми, порой ограниченными жилищными условиями. Исследование также показало, что существует прямая корреляция присутствия или отсутствия детей мигрантов в городе в связи с парной или одиночной миграцией. Как правило, у мигрирующей пары дети рождались на территории Томска. У некоторых из респондентов имеются дети – представители второго поколения мигрантов, получившие образование в России и родившиеся здесь или переехавшие в раннем детском возрасте вслед за родителями. Взрослые дети мигрантов являются студентами томских или других российских вузов и ссузов, а также работниками, задействованными в самых разнообразных трудовых нишах страны и мира.

Дети школьного возраста чаще посещают школы, расположенные в тех вернакулярных районах, в которых живут. Дошкольники почти не посещают детских садов. Сами мигранты объясняют это зачастую бюрократическими сложностями. В таком случае «няньками», как правило, выступают старшие дети.

Анкетный опрос, как «проба» поля, как отчасти «инструмент» «мягкого» знакомства с полем был достаточно успешен. Такой формат работы позволил выявить и типизировать основные элементы городской инфраструктуры, по крайней мере, используемой мигрантами. Мигрантам предпочтительна инфраструктура эконом-класса (магазины, кафе, больницы, парикмахерские и др.), используемая ими наравне с местными.

Результаты опроса продемонстрировали то, что мигранты проживают во всех трёх выделенных вернакулярных районах. Определено, что «благополучность», «престижность» или «проблемность» районов совершенно не имеет прямой корреляции между наличием или отсутствием в них мигрантов. Инфраструктура, которая используется мигрантами вкраплена в общий городской массив и дисперсно распространена по всему вернакулярному району.

Анкетный опрос продемонстрировал транснациональный характер миграции представителей Центральной Азии. Явно прослеживается то, что

исследовательское осмысление миграции должно происходить из анализа семьи, как транснациональной концептуальной единицы. Семья диктует вектор мобильностей как свершившихся, так и возможных; семья влияет на карьерные стратегии и практики; семья априори поддерживает транснациональный статус миграции. Это в свою очередь влияет на интеграционные практики, осуществляемые трудовыми транснациональными мигрантами из Центральной Азии. Миграция не есть конечный результат, маршрут постоянно перестраивается, что заставляет перестать видеть социально-экономическую интеграцию как набор заранее актуальных, предписанных практик, подходящих для каждого мигранта. Уникальность комбинаций социальных ситуаций (и обретения социальных статусов), с которыми сталкивается трудовой мигрант, порождает и изначально уникальный набор интеграционных действий по отношению ко всему принимающему обществу, в которое включены не только местные жители, но и, к примеру, приезжие, мигрирующие ранее. Постепенно интеграционные практики либо типизируются и рутинизируются, либо остаются в статусе уникальной, т.к. определенное «включение» было важным и необходимым только в «штучном экземпляре».

Создаваемая мигрантами городская инфраструктура чаще представлена «этническими» кафе (сети «Ош», «Баракат», а также какие-то местечковые заведения, растворенные в вернакулярном районе). Помимо этого, трансмигранты, как правило, заняты в сфере обслуживания экономкласса: мелкооптовая торговля (чаще овощами и фруктами, а также специями, мясом и др.), продажа цветов, отделочные работы и др. Создаваемая мигрантами инфраструктура экономкласса направлена на удовлетворение потребностей всех жителей города. Отсутствуют видимые инфраструктурные элементы для «своих».

Помимо этого, анкетный опрос позволил обзавестись участниками исследования в среде трудовых мигрантов из Центральной Азии, с которыми в дальнейшем велась работа посредством качественных исследовательских методов. Такие мигранты выступили в качестве отдельных «кейсов», результаты исследования которых будут представлены ниже.

2.3 Городская инфраструктура, создаваемая и/или используемая мигрантами

После создания определенного контекста «мигрантского» поля необходимо проанализировать взаимодействие трудовых мигрантов с городской и пригородной инфраструктурой с позиций социально-экономической интеграции. Моя полевая работа была сосредоточена во многом вокруг исследования жилья и соседства трудовых мигрантов, а также вокруг определения роли «этнической» кухни Томска (на примере сети кафе «Ош»), как элемента городской инфраструктуры, созданного и используемого трудовыми мигрантами из Центральной Азии.

Названные кейсы выбраны автором сознательно. Во-первых, исследование вышеупомянутых точек городской инфраструктуры определено задачами диссертационного исследования. На мой взгляд, определение возможных «принципов» и логики расселения мигрантов в городе вряд ли получится произвести без понимания того, где, как и с кем живут мигранты. Во-вторых, сеть кафе, наиболее популярных среди трудовых мигрантов в Томске, является ярким примером инфраструктуры города в контексте социально-экономической интеграции трудовых мигрантов из Центральной Азии.

При проведении полевой работы использовался комплекс различных качественных методов. Помимо «классических» антропологических методов, таких как наблюдение и интервью, частично использовались результаты метода фокус-группы¹⁹⁴, а также придуманный мной «гибридный» мобильный исследовательский инструмент, суть которого заключается в «прогулке» по жилью мигранта с параллельной беседой и рассказом о внутреннем пространстве жилья.

Метод наблюдения позволил определить основные формы домохозяйств трудовых мигрантов и насыщенно описать места проживания приезжих. Использование метода полупроформализованного интервью (*качественного исследовательского интервью*) позволило уточнить либо опровергнуть

---

¹⁹⁴ Три фокус-группы проводились летом 2022 г. в качестве основного метода исследования мигрантов второго поколения в Томске (по заказу НИУ ВШЭ г. Москва). Основные участники фокус-групп – мигранты второго поколения. Эмпирические данные, полученные после проведения фокус-групп и используемые в рамках диссертации, взяты исключительно с целью демонстрации отличий между жилищными стратегиями мигрантов первого и мигрантов второго поколения. Основным эмпирическим объектом данной работы являются трудовые мигранты из Центральной Азии (мигранты первого поколения).

предварительные выводы исследования, сделанные после наблюдения, а также открыть новые точки и места наблюдения. Полученные в ходе проведения фокус-групп результаты позволили выявить разницу между жилищными стратегиями и практиками (*с привязкой к типу домохозяйства и форме соседства*) трудовых мигрантов первого и второго поколения, социально и культурно адаптировавшимися к российским реалиям с детского возраста. Использование «изобретенного» автором «гибридного» мобильного исследовательского метода (прогулка по жилью) дало возможность увидеть и описать жилье трудового мигранта изнутри.

При анализе эмпирического материала использовался магистральный для диссертационного исследования «концептуальный коридор» – транснационализм. Транснациональный подход в научном осмыслении жилья мигрантов не является новаторской перспективой. Например, П. Боканьи, изучая эквадорскую миграцию в Италию, показал, что «дом мигранта состоит из опыта и смыслов, т.е. это непрерывный процесс пересборки дома посредством воображения»¹⁹⁵ (*дом «здесь» – в стране приема, нужен прежде всего для дома «там» – в стране исхода*). А М. Фатхи¹⁹⁶, используя теоретическую модель «городского дома» (*urban home*), писал, что образовательные мигранты и беженцы, проживающие в ирландском городе Крок, встраиваются в город-дом в ходе тесного личного взаимодействия с принимающей стороной. По утверждению М. Фатхи, в рамках такого взаимодействия должно возникнуть пространство заботы (*space of care*). И именно это пространство позволяет трансмигранту обрести чувство доверия, безопасности, и, собственно, чувство дома. Ключевым выводом, к которому пришел М. Бутчер¹⁹⁷, анализируя с позиций транснационализма пространство дома высококвалифицированных специалистов из Австралии в Сингапуре, является корреляция дома и уюта. Мобильные субъекты, воспринимая дом, как, прежде

---

¹⁹⁵ Boccagni P. What's in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration // *Housing, Theory and Society*. 2014. Vol. 31. № 3. P. 277–293.

¹⁹⁶ Fathi M. Ni Laoire C. Urban Home: Young Male Migrants Constructing Home in the City // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021. № 49(2). P. 1–9.

¹⁹⁷ Butcher M. From “Fish Out of Water” to “Fitting In”: The Challenge of Re-placing Home in a Mobile World // *Population, Place and Space*. 2010. № 16. P. 23–36.

всего, физическое пространство, оценивают новое жилище с позиций культурного соответствия и уюта. Культурно отличимый дом в стране приема зачастую вызывает чувство дискомфорта и неуверенности. П. Хонданью-Сотело¹⁹⁸ в качестве воображаемого дома трансмигранта выделяет общественные сады Лос-Анджелеса. Такой дом становится интеграционным инструментом по отношению к приезжим. В садах транснациональные мигранты из Латинской Америки как бы воссоздают свою родину (место «домашней сборки»): готовят, отдыхают, лечат больных, воспитывают детей и др. Основоположница мобильного исследовательского метода *go along* М. Кузенбах¹⁹⁹ исследовала передвижные дома латиноамериканских мигрантов во Флориде. Ученый утверждает, что европейский и американский взгляд на свое жилище тесно связан с социальным статусом живущего. Имея дом с лужайкой перед ним, ты вписываешься в социальный мейнстрим, демонстрируешь свою принадлежность к среднему классу. Соответственно, потеря дома ведет к потере социального статуса. Владение передвижным домом разрушает сложившееся европейское или американское восприятие дома. Латиноамериканцы в интервью М. Кузенбах демонстрировали то, что владение мобильным домом есть символ роста социальной мобильности и личного успеха.

В контексте отечественной миграциологии важным является исследование О. Бредниковой и О. Ткач²⁰⁰. Коллеги, работая с трансмигрантками, проживающими в Санкт-Петербурге, пришли к выводу, что «...дом мигранта в силу частой смены трудовых карьер нестабилен и не укоренен, этот дом лаконичен и аскетичен – минимально обустроен, т.к. скорее всего в ближайшее время потребуется новый переезд. Чуть ли не единственным фактором, способствующим обустройству жилья мигранток, является наличие детей. Приватная жизнь в таком доме весьма проницаема и просматриваема. Главным критерием выбора того или

---

¹⁹⁸ Hondagneu-Sotelo P. At Home in Inner-city Immigrant Community Gardens // Journal of Housing and the Built Environment. 2017. № 32. P. 13–28.

¹⁹⁹ Kusenbach M. “Look at My House!” Home and Mobile Home Ownership among Latino/a Immigrants in Florida // Journal of Housing and the Built Environment. 2017. № 32. P. 29–47.

²⁰⁰ Бредникова О., Кайзер М. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 133–146.

иногo пространства в качестве дома О. Бредникова и О. Ткач выделяют дешевизну и близость к месту работы»²⁰¹. Траснациональную перспективу видения мигрантского дома выбирает и С.Н. Абашин²⁰², который обращается к дому мигранта, находящегося в стране исхода. Исследователь предполагает, что актуализирующийся мигрантский нарратив, связанный со строительством дома на родине, на самом деле, есть способ перевода экономического капитала в социальный. ««Мигрантский дом» по большому счету дом-обязательство – люди вкладываются в строительство дома на родине, постоянно говорят об этом, постоянно планируют вернуться для того, чтобы закрепиться в доме «там», но вновь и вновь возвращаются в «дом» здесь»²⁰³. А.Л. Рочева²⁰⁴, анализируя интервью с трудовыми мигрантами из Узбекистана и Кыргызстана пытается выделить и определить «карьеру квартиросъемщика» (связь смены жилищных условий и этапов жизненного цикла). Исследователю удается выделить три наиболее распространенных позиции квартиросъемщика: 1) рядовой жилец с арендой койко-места в общей квартире, 2) арендатор комнаты, «хозяин» – ответственный квартиросъемщик, отвечающий за заселение/выселение, распределение обязанностей в квартире по отношению к другим мигрантам.

В рамках моего диссертационного исследования удалось выяснить, что чаще всего трудовые мигранты, проживающие в г. Томске, в качестве своего «дома» арендуют квартиры, но есть и те, кто проживают в частных домах и общежитиях, хотя их доля значительно ниже²⁰⁵. Такая ситуация вызвана тем, что, во-первых, в Томске крайне мало производств истроек, вокруг которых могут быть возведены мигрантские трудовые общежития или бытовки, во-вторых, мигранты в городе проживают дисперсно, заняты в основном в сфере услуг. Предприятия данной

---

²⁰¹ Садырин А.А. От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 154–155.

²⁰² Абашин С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab. Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.

²⁰³ Садырин А.А. От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 155.

²⁰⁴ Рочева А.Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 2. С. 31–50.

²⁰⁵ Садырин А. А. Формы жилья и соседства трудовых мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска и Иркутска) // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 182–194.

сферы также рассредоточены в городском пространстве, что не позволяет говорить нам о наличии мест концентрации трудовых мигрантов в городском массиве:

«В.: сейчас ты в каком месте Томска живешь?»

О.: сейчас на Иркутском, рядом с работой, удобно добираться»²⁰⁶

Жилье мигрантов выявлено во всех исследуемых вернакулярных районах Томска. Выбор района проживания определяется рядом разнообразных факторов. Как правило, в современных условиях «первая» миграция человека в незнакомый город – действие достаточно подготовленное. Трудовой мигрант отправляется в то место, где есть либо представители его семьи, либо земляки, либо проверенный работодатель, дающий гарантии безопасности в самом широком смысле, а также оказывающий помощь, к примеру, в оформлении документов или прохождении медицинских осмотров для легализации статуса мигранта и др. В связи с этим, многие молодые люди, приехавшие в Томск впервые, делят жилье с родственниками или земляками:

«Сейчас мигранты не едут как раньше в город, где нет родственников и знакомых»²⁰⁷.

«Просто, когда мы приехали, мы сразу жили на Каштаке. Там у меня, во-первых, родственники живут, в районе авторынка, потому что больше какое-то «свое»»²⁰⁸.

«В.: а почему именно на Каштаке квартира?»

О.: ну, там же наш хозяин квартира снимает, до этого тоже работники там жили.

В.: а ты деньги какие-то за квартиру отдаешь ему?»

О.: нет.

В.: а где продукты покупаешь? может быть, на рынки ходишь? здесь рядом «Октябрьский рынок».

О.: нет, не хожу; наш хозяин, если что-нибудь понадобится мне, днем покупает.

²⁰⁶ Участник исследования Бехруз. // Полевой материал автора.

²⁰⁷ Участник исследования Сардор. // Полевой материал автора.

²⁰⁸ Участница исследования Назгуль. // Полевой материал автора.

В.: т.е. он вам может и из еды что-то купить?

О.: да, одежду сами покупаем.

В.: т.е. хозяин во всем помогает?

О.: да, помогает, если еще какой-то возможность у него будет нам помочь, он нас...по документам или еще что-то, он нам помогает всегда.

В.: а в больницу не обращались?

О.: нет.

В.: но он поможет?

О.: да, поможет...»²⁰⁹.

После того, как трудовой мигрант становится финансово более независим, жилищные стратегии меняются. Совместное проживание с родственниками или земляками становится неактуальным. Почти каждый участник исследования при диалоге выражал надежду на то, что в относительно короткие сроки у него получится стать самостоятельным и независимым по отношению к своим на тот момент соседям. В значительной мере на смену жилищных установок влияют и семейные стратегии трансмигрантов. Со временем наличие семьи становится катализатором для опять-таки актуализации поиска путей к жилищной независимости:

«В.: Знаете, меня интересует вопрос такой, прежде всего как исследователя. Люди сюда приезжают и по-разному снимают жилье. По-разному живут. Вот у вас какая история?

О.: У нас нормальное жилье. Мы с семьей в трехкомнатной живем. Договор, как полагается.

В: А семья – это кто?

О.: Мама, сын, я, муж, 4 человека. То есть все нормально, у каждого имеется своя комната. То есть, условия есть.

В: А как другие люди, вы знаете, живут?

О.: По-разному, некоторые, многие, живут с родственниками в одной комнате, некоторые вот себе позволяют условия. Мой муж сначала жил с

---

²⁰⁹ Участник исследования Амир. // Полевой материал автора.

родственниками, с нами уже переехал и стали вместе жить. Я вообще не была там. Я вот как приехала в благоустроенные дома, снимаем квартиру»²¹⁰.

В значительной мере на выбор жилья мигрантом влияет стоимость арендной платы. Как правило, после обретения некоей финансовой независимости, описанной выше и переезда от родственников и земляков, трудовые мигранты начинают свой путь с аренды крайне дешевого жилья (*постепенно «двигаясь» к вариантам лучше*). В связи с этим, в Томске актуальными становятся комнаты или квартиры в деревянных домах. Однако это не говорит о том, что такие дома будут являться единственной точкой притяжения. Многое зависит и от расположенной рядом с жильем инфраструктурой. Исследование показало, что большинство трудовых мигрантов стараются селиться рядом с работой. В последующем социально включаясь в городской контекст, приезжие, как правило, останавливаются в том вернакулярном районе, который являлся для них первым. Например, многие стараются снять жилье рядом со школой заранее, не дожидаясь, когда дети вырастут до школьного возраста:

«О.: Да, много мы снимали, я не помню точно. А в этом районе я жила где-то пять лет, тут рядом. Потом хозяин умер, потом жена, и потом у сестры осталась квартира, но что-то она не очень была. Я переехала в четырнадцатый дом, рядом.

В.: Уже решили в этом районе оставаться?

О.: Да, я привыкла, и школа рядом. И вот отсюда я уже второй год живу.

В.: Вот здесь второй год живете? А здесь купили или съемная?

О.: Нет, пока нет, съемная»²¹¹

Пригороды Томска от городского пространства отличаются незначительно, в то же время они имеют ряд крупных строек, где задействованы и трудовые мигранты. Мигранты в этих локальностях чаще проживают в тех объектах, которые строят. Собственным жильем на территории Томска обладают в основном мигранты второго поколения, помимо этого, на наличие жилья в собственности

²¹⁰ Участница исследования Надира. // Полевой материал автора.

²¹¹ Участница исследования Алия. // Полевой материал автора.

влияет цель пребывания (кратковременная/долговременная). Помимо этого, желание стать собственником жилья делает актуальным практику получения российского гражданства женщинами-трудовыми мигрантками. Это связано с последующей возможностью получения материнского капитала для внесения средств на покупку жилья.

Результаты фокус-групп показали, что разница между мигрантами первого и второго поколений не сводится лишь к разнице в форме собственности жилья. Карьерные устремления мигрантов второго поколения чаще коррелируют с формами жилья и соседства. Большинство участников фокус-групп нацелены на легальный рынок труда (или уже задействованы в нем), открывающий им доступ к ипотечному кредитованию. Это в свою очередь обуславливает и выбор определенной специальности перед началом получения профессионального образования.

Другая группа мигрантов второго поколения, наоборот, имеет точки соприкосновения в карьерных и трудовых целях с трудовыми трансмигрантами. Множественность мира мигранта в призме транснационализма обуславливает наличие в воображении приезжих нескольких траекторий мобильности. В ходе полевой работы не было найдено ни одного трудового мигранта, заявляющего о том, что конечной точкой его миграционного пути является Россия, Томск. Каждый из участников исследования крайне мобильный субъект. Этот признак присущ и мигрантам второго поколения, среди которых есть те, кто в своем воображении, к примеру, на этапе выбора образовательной стратегии или уже в ходе получения образования, мыслит себя членом другого общества. В ответах участников исследования в качестве места дальнейшего проживания упоминались страны Западной Европы, Арабского мира и Азии. Соответственно, планируемые карьерные стратегии напрямую коррелируют с будущим «домом». Легализоваться в Западной Европе сложнее, нежели сделать это в другом месте, в связи с этим, участники исследования на этапе планирования своей воображаемой жизни проговаривают чаще нелегальные стратегии трудовой деятельности (по крайней мере, на первом этапе). Арабские страны и Азия зачастую в силу доминирования в

них ислама, по мнению участников фокус-групп, наиболее благосклонны к мигрантам, что позволяет на этапе планирования трудовой деятельности воображать ее легальной и выбирать соответствующее образование или приобретать соответствующий опыт работы в России. Таким образом, воображаемый дом трансмигранта достаточно серьезно влияет на его повседневные практики (чаще образовательные или трудовые) в месте исхода.

Важным шагом в исследовании было также изучение соседства. Чаще всего соседями мигранта выступают коллеги-земляки или просто земляки, реже родственники. Трудовой мигрант всегда едет к кому-то, это обусловлено рациональностью (выгодно делить быт со знакомыми), доверием (ранее установленные социальные связи не позволят меня обмануть), а также общим пространством (мигранты взаимодействуют в пределах жилья с теми, с кем пересекаются в физическом пространстве). В связи с этим, «мигрантский дом» зачастую дом не-родственников. При этом этничность в основном не играет никакой роли. В моей полевой практике был актуализирован сюжет одним из участников исследования, связанный с тем, как в результате отсутствия родственников или знакомых в Москве, мигрант столкнулся с неправомерными действиями по отношению к нему сразу после прилета в столицу. Таксист (*изначально представившийся земляком и говорящей на одном языке с мигрантом*), довозивший участника исследования до места проживания, внезапно свернул с дороги, остановил автомобиль и обокрал мигранта под угрозой физической расправы. В своем рассказе участник исследования крайне эмоционально подчеркивал тот факт, что без личного знания человека, без социальных сетей, этничность не имеет совершенно никакого значения, когда против тебя совершается преступление.

Стоит отметить, что в Томске автором были места совместного концентрированного проживания мигрантов (*однако это не говорит о потенциальной угрозе*). Этими местами оказались два хостела, принимающие исключительно риезжих. Владельцами данного бизнеса являются граждане России, представители видимого большинства. Хостелы предназначены для размещения в

них групп трудовых мигрантов, плохо владеющих русским языком, работающих в одном месте (чаще стройка), добирающихся до работы одним способом (чаще в одном транспорте), имеющих одного руководителя-прораба. Администратором хостела назначают человека, владеющего языком приезжих. Прежде всего это делается для упрощения понимания и принятия принципов общежития мигрантов в новом «доме». Карьерные стратегии группы трансмигрантов, проживающей таким образом, чаще сводятся к «маятниковой» миграции – это очень похоже на вахтовый метод работы, основной целью которого является заработок денег без желания закрепиться в регионе, где осуществляется трудовая деятельность.

Основываясь на результатах моих наблюдений непосредственно в жилье мигрантов, можно заключить, что «мигрантский дом», как правило, дом временный, что касается жилья не только мигрантов-мужчин, живущих вместе. Такой вывод отчасти распространяется и на мигрантов, живущих с семьями. Именно в жилье последних мне удалось побывать. Результатом стало то, что и сами информанты и их жилье говорят нам о том, что мигрант крайне мобильный субъект, который не имеет долгосрочных перспектив, в связи с этим, жилье пустое, аскетичное, ждущее, когда его покинут; пожалуй, это не относится лишь к детской материальности жилья или материальности старшего поколения, где комфорт организуется матерью/дочкой/снохой и мигрирует вместе с семьей из квартиры в квартиру.

«Мигрантский дом» «здесь» (в стране приема) часто существует для дома «там» (в стране исхода). Подвергается символическому осмыслению и ценностной оценке дом именно «там», в таком случае большинство трудовых стратегий, а вместе с ними миграций между домами «здесь» будет совершаться для строительства дома «там». Этот пункт серьезно соприкасается с предшествующим, поскольку нередко актуализирует эту «временность» по отношению к жилью мигранта в Томске. Исходя из этого, большинство трудовых практик и карьер мигрантов в связке с их жильем в стране приема направлены на увеличение своего финансового капитала для строительства дома «там». Практически каждый из информантов показывал на телефоне фотографии постоянно строящегося дома на родине, с упоением говоря о том, что карьера в Томске во многом направлена на

удовлетворение потребностей в стройке дома в стране исхода. Такой «парадокс» вполне вписывается в логику транснационализма, свидетельствуя о том, что в том числе трудовые практики и карьеры мигрантов также транснациональны. И эти практики не имеют никакого социального символического смысла в России, т.к. главный источник гордости находится «там». В связи с этим, трудовые мигранты зачастую осуществляют именно горизонтальные профессиональные траектории, в которых не столько важен социальный престиж работы, сколько сумма, получаемая в конце месяца.

Помимо этого, в самой «жилищной карьере» мигранта можно выделить несколько сменяемых друг друга траекторий. Так, из анализа интервью стало ясно, что зачастую мигрант, живущий в субарендной квартире, может сам стать арендодателем, статус арендодателя или наличие собственного жилья, которое человек способен сдавать, дает ряд широких полномочий, в связи с этим человек становится в некотором смысле вербовщиком и проводником для вновь приезжающих.

Проведенная автором полевая работа демонстрирует отсутствие закрытых мигрантских анклавов или гетто в Томске. Логика выбора жилья во многом схожа с логикой местного населения: низкая, как правило, стоимость арендной платы, близость к месту работы, наличие и доступность важной городской инфраструктуры (школы, магазины, остановки общественного транспорта и др.). Места работы трудовых транснациональных мигрантов из Центральной Азии в Томске и пригородах разнообразны, дисперсно растворены в городском массиве, в связи с этим, места жительства мигрантов также территориально не сопряжены друг с другом, не образуют замкнутых городских локальностей.

Как было заявлено в начале главы, помимо кейса с жильем трудовых мигрантов, здесь будут представлены результаты полевой работы, заключающиеся в анализе роли в социально-экономической интеграции популярной среди мигрантов сети кафе «Ош» в Томске, как элемента «мигрантской» инфраструктуры созданной и используемой мигрантами.

Заведения «восточной» кухни в Томске принято называть «узбечками». «Узбечки» – собирательное название для всех кафе восточной кухни в городе. Сеть кафе восточной кухни «Ош» пока единственная в городе и, как показало исследование, пользующаяся популярностью у жителей. Исследование проводилось с применением метода включенного наблюдения в течение двух месяцев. Фиксировались следующие характеристики: расположение заведения, меню, стоимость блюд, график работы, национальный состав персонала, халяльность, интерьер, посещаемость и категории посетителей, проводятся ли корпоративные мероприятия, в том числе мигрантами. Результаты наблюдений отражались в полевых заметках. Были проведены глубинные интервью с «хозяйкой» одного кафе из семьи основателей «Ош» и с русским партнером, на имя которого оформлена сеть кафе. Интервью проводились и с персоналом заведений (повара, мойщики посуды, администраторы, официанты). Отслеживались и анализировались отзывы посетителей в интернете.

В контексте «этнического» предпринимательства крайне интересна история возникновения сети кафе. Она раскрывает тот факт, что трудовые мигранты, создающие социально-экономическую инфраструктуру в городе, не имеют изначальных установок использовать фактор этничности, как инструмента достижения экономического успеха с ориентацией бизнеса для «своих».

Всего в Томске 7 кафе сети «Ош», расположенных в разных районах города (*Рисунок В. 12*). Первое кафе («точка») было создано в 2004 г. и располагалось в вагончике. Его открыли два человека – молодой предприниматель-томич и мигрант из г. Ош М. (дядя Миша, так его привычно называло окружение). Трудовой мигрант, закончивший престижный университет в Оше с красным дипломом, был вынужден искать работу в России. Сначала он «ашималаничал», т.е. привозил из Кыргызстана разный товар, тогда многие этим занимались, в основном это было постельное белье, велюровые халаты и проч. Эта торговля шла плохо. Попробовал открыть чебуречную и вот тут-то и пересеклись пути молодого предпринимателя-томича и мигранта-узбека из Кыргызстана. Сначала не было никакой уверенности, что дело пойдет. Первое кафе было организовано в ржавом вагончике, но уже под названием

«Ош». Со стороны местного предпринимателя толчком к созданию «кухни» послужил банковский кризис 2004 г.:

«Началось, да. Я занимался еще лесом параллельно... В лесу, там, обанкротился, да... Я приехал. Они говорят: «Давай, кухню поставим». Ну, они мне. Я говорю: «Ну, куда кухню?» Вот, у нас мойка была на Тимакова, там, в тупике. Привез я этот вагончик... Говорю: «Ну, вот, вагончик есть ржавый. Ну, давай». Вот, это сделали его. Пристройку сделали. С этого начали. Как бы, вы говорите, что мы думали о студентах. Там это был... Вот... То есть, кризис, да, получается? И мы не думали... о студентах. Студентов мы будем кормить, либо, ну, понятно дело, студенты, ну, как прост... Вот. Место, место и было. И к этому месту мы... Начали. Все говорили: «Ничего не пойдет... Как бы, тупик, кто к вам пойдет?» Ну, вот. А они же усердные все равно, мусульмане, люди, да? То есть они приехали работать»²¹².

Затем арендовали помещение, а позже полностью выкупили помещение автобазы на территории завода «Сибэлектромотор». Сейчас здесь располагается кафе «Ош» и чайхона «Бай-Казан». Затем одна за другой появились «узбечки» под общим брэндом «Ош» на улице Шишкова, Яковлева, Розы Люксембург, проспекте Ленина и проспекте Кирова (Рисунок В. 12).

Кафе Ош в Томске, в отличие, например, от аналогичных узбекских кафе в Москве и в Санкт-Петербурге, открывались и работают для всех жителей Томска, хотя персонал полностью состоит из узбеков. Исключением можно назвать чайхону «Бай Казан», 80% представителей которой – преимущественно «старые», укоренившиеся уже в Томске мигранты из Центральной Азии. Но вход туда не закрыт любым желающим.

Как показали наблюдение и интервью, основными работниками кафе являются трудовые мигранты из Центральной Азии. Во многом это вызвано логикой самой структуры управления сетью «Ош». Правовыми вопросами занимается предприниматель-томич, члены его семьи задействованы в осуществлении схожих трудовых функций. За рекрутинг, подбор персонала, а

---

²¹² Участник исследования Юрий. // Полевой материал автора.

также за процессы, протекающие непосредственно на кухне, ответственность несет племянник ныне покойного трудового мигранта М. (дяди Миши). В силу этого, как правило, семья или земляки племянника являются основным обслуживающим персоналом кафе. Женщины чаще задействованы в зале, а мужчины на кухне. Новые сотрудники работу в «Ош» находят благодаря двум основным способам: 1) наличие общего для выходцев из Центральной Азии чата в Whatsapp, тематикой которого в том числе является поиск вакансий в Томске; 2) рекомендации бывших или ныне действующих сотрудников «Ош» в качестве места для работы своим приятелям и землякам. Данный общепит (по словам самих участников исследования) является для многих желанным местом работы. Это обусловлено тем, что работодатель берет на себя решение проблем, связанных с легализацией в России и трудоустройством. Кроме того, работникам предоставляется жилье, которое как правило располагается близ самих кафе. Жилье трудовых мигрантов разделено по гендерному принципу: женщины живут в одних квартирах с женщинами, мужчины, соответственно, только с мужчинами. Квартиры обычно двухкомнатные, а число проживающих в них мигрантов равно четырем – по два человека в каждой из комнат. Соседи по комнате – родственники или близкие земляки. Сотрудники сети кафе «Ош» обладают значительными социальными гарантиями, которые предоставляет им работодатель: возможность брать листки нетрудоспособности официально или договариваться в устной форме с руководителем о большем количестве выходных дней в связи с протекающей болезнью; возможность ухода в отпуск с гарантией выплат в этот период; наличие официального выходного дня, заранее отраженного в графике работы; помимо этого, сотрудники «Ош» обладают актуальными трудовыми книжками; работодателем оплачивается сумма за прохождение медицинского осмотра, а также за прохождение обучения в рамках приобретения знаний по санитарному минимуму; самостоятельно иностранным работником оплачивается лишь ежемесячная сумма за получение патента на работу. Работодатель в беседе отмечал, что принцип полной легализации его иностранных сотрудников поддерживается им с самого основания кафе. По его мнению, это позволяет ему не переживать за

возможное нарушение законодательства в этой сфере и полностью сосредоточиться на ведении бизнеса.

Основными посетителями являются самые разные представители горожан. Это обусловлено вышеуказанным изначальным отсутствием позиционирования бизнеса «для своих», доступностью цен для самых разных категорий населения, а также весьма успешным расположением элементов сети кафе. Выбор конкретных мест под организацию новой кухни сами основатели «Ош» объясняют магической «чуйкой» племянника дяди Миши и настаивают на том, что специально не определяли ни одно место в городе, учитывая какие-либо критерии экономической эффективности:

«Кто-то предлагает помещение. Сами, в основном, мы не искали, наверное, даже. Как-то понадалось, так что... Ну, вот есть, предлагают, аренда пустая... приезжаем, Б... У него чуйка. Ну, куда не делай, у него чуйка есть. Вот, здесь да, здесь давай будем. Мы даже в Молчаново на рыба[лку]... на охоту ездили. Он мясник, как бы, он по натуре своей. То есть в Узбекистане он... Ну, вот, с мясом он начинал, то есть он... И, вот, идет стадо барашков... Ну, метров 200-250. Он, говорит, вот тот, говорит, баран наш. То есть, ну, никто там... Все, вот, как бы, наш. И все... Вот... Ну, как-то, не знаю. Тут да, место. Здесь берем, либо не берем, как бы да. То есть в принципе мы... Не было у нас точки, чтобы мы... Ну, закрылись и, как бы, сказали – не получилось, да. Мы либо продавали, и люди сейчас до сих пор работают, да»²¹³.

При этом локализация элементов сети кафе «Ош» выглядит крайне удачной и привлекающей разнообразных клиентов. Рисунки, представленные ниже, демонстрируют наличие важных городских инфраструктурных объектов близ кафе. Томск в силу статуса «студенческой столицы Сибири» является точкой притяжения студентов, в том числе учебных мигрантов из Центральной Азии²¹⁴, которых привлекает возможность перекусить в заведении эконом-класса, близко расположенном к учебным корпусам. Так, кафе «Ош» на улице Тимакова и

²¹³ Участник исследования Юрий. // Полевой материал автора.

²¹⁴ Садырин А.А. Учебный мигрант из Казахстана: правда или вымысел? (случай г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2(40). С. 127–131.

проспекте Ленина, 1 вкраплены в «кампусную среду» Томского политехнического университета (ТПУ) (Рисунок В. 13, Рисунок В. 14).

Это подтверждается и данными из полевого дневника: *«В обеденное время в будний день в кафе очень много посетителей, преимущественно, студенты. В течение часа на кассе длинная очередь из посетителей, многие берут еду на вынос. Из-за большого наплыва посетителей наблюдается нехватка столов, многим приходилось подсаживаться к незнакомым людям. Мигрантов среди посетителей кафе не наблюдалось, за исключением иностранных студентов. Среди работников – на кухне 2 человека, мужчина средних лет (в прошлое посещение работал на кассе), и молодой человек (оба узбеки). На кассе – женщина средних лет (в прошлое посещение помогала разобраться кассиру с кассовым аппаратом). Среди официантов – 2 молодые девушки»²¹⁵.*

Запись из полевого дневника, описывающая кафе «Ош» на проспекте Ленина, 1, (представленная выше) может быть транслирована почти на каждый будний день в данном кафе, за исключением выходных и каникулярного времени.

Другие элементы сети также вкраплены в общий городской массив, а близлежащие постройки являются либо офисными зданиями, сотрудники которых охотно посещают «Ош», либо крупных государственных учреждений и т.п. (Рисунок В. 15).

Материалы полевого дневника подтверждают эту ситуацию: *«За время моего присутствия среди посетителей не было ни одного мигранта. Публика была представлена в основном людьми с близлежащих офисов. Я понял это по наличию на столах ключей, пропусков и поведению, которое говорило о том, что человек регулярно ходит в это заведение. 2 официантки и 1 кассир – узбечки. Несколько человек приходили для того, чтобы взять заказ с собой – «на вынос» (2 шашлыка и 6 картошек фри), что позволило мне выдвинуть предположение о том, что эта пища будет отнесена в офис. Все посетители выглядели опрятно, с персоналом вели себя спокойно. Рядом со мной сидели два полицейских, решивших перекусить. За столиками были слышны разговоры о работе. Кухня представлена*

---

²¹⁵ Запись из полевого дневника автора. // Полевой материал автора.

«традиционными» для Ошек блюдами, которые пользуются спросом: мясо по-тайски; мясо по-казахски; манты; шашлык; курники и др. Заказ блюда и выдача заказа также организованы «традиционно» по типу: «два маленьких по-казахски» (крик в сторону кухни) далее продвигаемся на кассу, где, как правило, задают дополнительный вопрос: «что у Вас еще было» (из заказа), затем производится расчет и выдача заказа в порядке живой очереди»²¹⁶.

И только одно из заведений сети показалось чуть более «мигрантоориентированным» (по косвенным признакам), хотя владельцы бизнеса в интервью не подтвердили данное предположение. Кафе на улице Яковлева (*Рисунок 16*), располагается вдоль загруженной автомобильной дороги, соединяющей между собой три административных района города. При этом пешая доступность к этой «узбечке» крайне неудобная, рядом нет значимых городских локальностей, сообщества которых могли бы быть клиентами данного заведения. Однако свой путь по этой улице часто выбирают таксисты, которые совершают поездки из одного района в другой. Часть трудовых мигрантов активно задействована в сфере пассажирских перевозок. Как показало наблюдение, зачастую именно таксисты-трудовые мигранты становятся посетителями данного заведения, особенно в вечернее и ночное время (*это единственный элемент сети кафе, работающий круглосуточно*), когда магазины и большинство заведений эконом-класса в сфере общественного питания закрываются.

Еще одним косвенным признаком, указывающим на чуть большее присутствие в этом кафе мигрантов, является продажа курта/куртапа/курута – специфического сухого кисломолочного продукта, излюбленной пищи многих выходцев из Центральной Азии (*Рисунок В. 17*).

Однако все это не говорит о проявлении некоей замкнутости этого места или его закрытости. Скорее, на фоне остальных кафе из сети «Ош» эта чуть более выделяется видимым присутствием мигрантов. Среди посетителей все также доминирует «местное» население, представленное, например, теми же таксистами, но из числа «местных» или студентами Томского государственного архитектурно-

---

²¹⁶ Запись из полевого дневника автора. // Полевой материал автора.

строительного университета, чьи общежития расположены в относительной близости с «Ош».

Демонстрируют это положение также материалы полевого дневника: *«Повара и обслуживающий персонал (на раздаче, официантки, повара) – узбеки, причем не только из Ошской области, но и из Узбекистана. Повар – молодой парень, хорошо говорит по-русски, женщина на раздаче тоже отлично знает русский язык, кухонные работники знают русский хуже). После 14:00, когда мы пришли, уже не было некоторых блюд, например, шурпы, потом быстро закончилось мясо по-казахски и др. Посетители очень быстро менялись, видимо, по причине обеденного перерыва. В вечернее время посещаемость по-прежнему активная, посетители преимущественно «русские», одиночные или по одному-двое чел. Была только одна компания в 6 чел. Удалось переговорить с двумя мигрантами. Один сезонный, узбек, другой - киргиз, живет в Томске с 6 лет, его привез дядя, который теперь уже уехал на родину, а племянник остался, полностью адаптировался, но очень любит восточную кухню, поэтому «Ошку» посещает часто, преимущественно на Яковлева, кухня нравится и обслуживание»²¹⁷.*

Другим, «выбивающимся из привычного восприятия» кафе «Ош», является чайхана «Бай казан», входящая в структуру сети. Наблюдение показало, что это место днем является обычной «узбечкой» с ранее вышеописанными атрибутами, например, в виде основных посетителей из числа «местных» (*работники находящиеся рядом автомобильных мастерских*). Однако вечером или в праздничные дни это заведение выступает в роли места встреч «старых» мигрантов. В силу своего внутреннего убранства (два этажа, фонтан внутри заведения, клетки с поющими птицами, резные украшения залов кафе, молельная комната, расположенная на втором этаже заведения, специальный зал для мероприятий, в том числе встреч лидеров местных национально-культурных автономий) «Бай казан» стал некоторой попыткой создания элитарной «этнической кухни», которая повлекла за собой приток статусных мусульман («старых» мигрантов) Томска,

---

²¹⁷ Запись из полевого дневника автора. // Полевой материал автора.

маркирующих это пространство, как пространство элиты, однако, это пространство не отделено «стеклянной стеной» от местных, зачастую проводящих там время.

Таким образом, сеть кафе «Ош», безусловно, является элементом городской инфраструктуры, созданной мигрантами, однако, изначально и сейчас эти этнические «кафе не для своих». Сеть кафе «Ош», прежде всего, «мигрантский» бизнес, считающийся «народным» (*закусочные эконом-класса без «этнической окраски»*) местом в городе. Само кафе и сообщества внутри не интегрируют мигрантов в классическом – административном понимании этого феномена; при этом они являются основополагающей ступенью при выстраивании социальных сетей мигрантов, которые важны при реализации социально-экономических интеграционных практик. Анализ отзывов в интернете, а также интервью, показывает, что «восточная кухня», скорее, создает положительный образ приезжего в глазах местного сообщества. Элементы сети «Ош» не скрыты от глаз местного сообщества, не являются частью «анклава» или «кластера».

Важным результатом анализа исследовательских кейсов является обнаружение значимости «мигрантских» сетей (земляческих, родственных и т.д.). Ситуативные социально-экономические интеграционные практики во многом сопряжены с данными сетями. Как правило, в условиях современной миграции приезжие оказываются в Томске благодаря своим землякам или родственникам, которые имеют в стране приема определенный социальный капитал. Поэтому само место миграции зачастую определяется не последующей экономической выгодой, а присутствием в нем знакомых людей. Длительность пребывания трудового мигранта и сопутствующие социально-экономические интеграционные практики (например, поиск работы или жилья, формы соседства) также обусловлены формированием (скорым или медленным) и наличием (широким или узким) социальных «мигрантских» сетей. Помимо этого, «мигрантские» сети выступают в роли своеобразного инструмента для мигрантов-хедхантеров, особенно в сфере обслуживания. Как было показано на примере сети кафе «Ош», социальные сети приезжих в Томске являются важным каналом привлечения новых сотрудников (ситуация с жильем весьма схожа).

Этничность в пределах социальных сетей мигрантов не играет значимой роли. «Этнический» бизнес в прямом смысле таковым не является, т.к. в условиях организации «мигрантской кухни» (*и не только кухни, кухня лишь пример, который может транслироваться на другие социально-экономические проявления*) все завязано на социальных связях, социальном окружении. Вслед за О. Бредниковой и О. Паченковым²¹⁸ можно заключить, что этничность, так же, как и мигрантскость выступает только *одной* из многочисленных характеристик социальных связей бизнесменов, основанных на 1) легкости (простоте, беспроблемности), 2) рациональности (выгоде), 3) доверии, 4) давлении извне (вытеснении), 5) социальном пространстве.

---

²¹⁸ Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002 Т. 3. №2. С. 74–81.

2.4 Пригородная инфраструктура, создаваемая и/или используемая мигрантами

Как было отмечено выше, пригородное пространство Томска в моем исследовании включает наиболее крупные и близкие к городу локальности Томского района (д. Кисловка (включая мкр. Северный парк), д. Черная речка, с. Тахтамышево, с. Кафтанчиково, п. Зональная станция (включая мкр. Южные ворота), пос. Светлый). Административно эти локальности входят в наиболее крупные муниципальные образования (Заречное сельское поселение – 10 414 человек на 2022 г.²¹⁹, Зональненское сельское поселение – 13 368 человек на 2022 г.²²⁰), напрямую прилегающих к Томску. Такой выбор был обусловлен: а) важной для мигрантов близостью к городской инфраструктуре; б) крупными стройками в этих районах, которые предположительно могли стать местом притяжения трудовых транснациональных мигрантов; в) смешанной застройкой муниципальных образований, где многоквартирные высотки соседствуют с коттеджами и садоводческими участками.

Исключением из выше представленной логики стал пос. Светлый (часть городского округа Томск), его исследовательская привлекательность обусловлена расположением поселка. В некотором смысле это своеобразный хаб, из которого открывается транспортный доступ к трем крупным промышленным объектам Томской области: Томская производственная компания «Сава» (*Рисунок В. 4*), «Межениновская птицефабрика» (*Рисунок В. 5*), Свинокомплекс «Томский» (*Рисунок В. 6*).

Результаты проведенного в городе исследования позволили установить наличие на данных объектах трудовых мигрантов, а в силу наличия высотной многоквартирной застройки пос. Светлого, а также относительной дешевизны жилья логично было предположить присутствие здесь приезжих.

---

²¹⁹ Заречное сельское поселение // Официальный сайт Администрации Томского района. Томск, 2022. URL: <https://www.tradm.ru/o-rayone/administrativno-territorialnaya-kharakteristika/zarechnoe/> (дата обращения: 03.02.2023).

²²⁰ Зональненское сельское поселение // Официальный сайт Администрации Томского района. Томск, 2022. URL: <https://www.tradm.ru/o-rayone/administrativno-territorialnaya-kharakteristika/zonalnenskoe/> (дата обращения: 03.02.2023)

В Томске сложилась уникальная ситуация с пригородной территорией, которая изначально была одноэтажной и оставалась таковой до недавних пор. Поручение, данное президентом РФ губернатору Томской области в феврале 2019 г. о необходимости установления границ исторического поселения Томска с целью обеспечения охраны объектов культурного наследия города ²²¹, не реализовано до сих пор. Данная ситуация весьма сильно осложнила жизнь крупнейшим томским застройщикам («Томская домостроительная компания» и «Специализированный застройщик Карьеруправление»), поскольку при отсутствии границы исторического поселения многоэтажная застройка внутри города запрещена.

В связи с этим томские девелоперы вынуждены были практически полностью уйти из города и переместиться в его пригороды – Томский район, представленный в исследовании двумя сельскими поселениями, – Зональненским и Заречным. В пределах первой пригородной территории возникает и стремительно разрастается микрорайон эконом-класса «Южный ворота» (29 жилых домов на 6400 квартир), застройщиком которого является «Томская домостроительная компания». Заречное сельское поселение, находящееся на левом берегу Томи, становится сферой интересов «Карьеруправления», здесь ведется строительство не менее грандиозного микрорайона эконом-класса «Северный парк».

Традиционная застройка пригородной территории выбранной части Томского района, представленная одноэтажными строениями в нынешних реалиях, становится противопоставлением многоэтажной жилой застройке. Заселение новой пригородной территории в Томске отличается от классического спрала²²² (англ. *sprawl*). Для возникновения спрала характерны следующие факторы: 1) классическая автомобильная субурбанизация; 2) низкая плотность населения; 3) рыночный характер оборота земли; 4) отсутствие выраженных внутренних центров.

---

²²¹ В томской области создана рабочая группа по сохранению деревянных объектов культурного наследия // «Томский обзор». Томск, 2005–2023. URL: <https://obzor.city/news/665136---v-tomskoj-oblasti-sozdana-rabochaja-gruppa-po-sohraneniju-derevjannyh-obektov-kulturnogo-nasledija> (дата обращения: 24.01.2023).

²²² Дохов Р.А., Сеницын Н.А. Спрал в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 2. С. 191–206.

При этом и классическим пригородом обновленную территорию назвать вряд ли возможно. Томский район, как пригород города, в силу ряда специфических факторов имеет некоторые, скорее, переходные черты от города к пригороду. Жители современного томского пригорода, представленного многоэтажной застройкой *вынуждены* покупать новое жилье в этих локальностях, т.к., во-первых, новое жилье в городе отсутствует, во-вторых, современные программы льготного ипотечного кредитования устроены так, что процентная ставка будет ниже при условии покупки квартиры в новом доме. В силу того, что жилье в обозначенных в исследовании пригородных зонах является жильем эконом-класса, ипотечное кредитование и его условия актуальны для новоселов.

Таким образом, актуальные пригородные пространства Томска в данном исследовании представлены уникальной комбинацией современного вполне себе городского микрорайона и одноэтажной застройкой, состоящей из коттеджей и дачных участков. Современные пригородчане разделились на две крупные категории: 1) старожилы, основным местом проживания которых является частное домовладение; 2) хозяева или арендаторы квартир двух крупных микрорайонов, расположенных на пригородной территории – за пределами административных границ Томска.

В связи с вышесказанным, присутствие мигрантов в пригородной зоне города может рассматриваться с двух позиций. Первая связана со взаимодействием и интеграционными практиками со старожильческим пригородным населением, вторая – с встраиванием во вновь возникший микрорайон и созданием в нем собственной инфраструктуры. Именно такая логика стала актуальной в ходе проведения полевого исследования.

Использование метода наблюдения позволило определить наличие в двух недавно возникших пригородных микрорайонах наличие «мигрантской» инфраструктуры, схожей с городской. Основной массив «мигрантских» мест представлен точками по продаже овощей и фруктов (*Рисунок В. 18, Рисунок В. 19*). В микрорайоне «Южные ворота» существует 3 действующих ларька по продаже овощей и фруктов, все они принадлежат разным предпринимателям – выходцам из

Узбекистана и Кыргызстана. В ходе взаимодействия с местными жителями удалось выяснить, что одно помещение, в котором продавали овощи и фрукты, было подожжено и сгорело в 2020 г. Местные связали это с нарастанием конкуренции между торговцами, после чего, какой-то недобросовестный предприниматель решил таким образом устранить возникшую проблему. Проведенные исследовательские беседы с владельцами ларьков дали основание полагать, что часть задействованных в деятельности пригородной инфраструктуры трудовых мигрантов лишь расширили свой городской бизнес на новые территории. Проживают при этом мигранты и в самом Томске, как и сотрудники их магазинов, которые обычно представлены земляками. Добираются до работы сотрудники совместно с директором ларька. В микрорайоне «Северный парк» конкуренция в этой сфере торговли практически отсутствует. Бизнес разделен между выходцами из Узбекистана и Азербайджана.

Помимо пригородных локальностей, связанных с продажей овощей и фруктов, «мигрантская» инфраструктура в двух обозначенных пригородных зонах представлена, также «мясными лавками» (*Рисунок В. 20*).

Торговля при этом не является доминирующей сферой деятельности трудовых мигрантов в пригородах Томска. По мнению местных жителей, основная часть трудовых мигрантов из Центральной Азии занята в строительстве новых домов. Это сезонные трудовые мигранты, которые обычно проживают в том месте, которое строится. После окончания строительства трудовой мигрант, как правило, уезжает в страну исхода (*Рисунок В. 21, Рисунок В. 22*). Однако есть и те, кто после завершения строительства обслуживает уже наполненный жильцами комплекс домов. Весь микрорайон «Северный парк» обслуживает управляющая компания, основными сотрудниками которой являются выходцы из Узбекистана. Они выполняют тяжелую физическую работу, связанную с уборкой придомовой территории и самих многоквартирных домов (уборщики, дворники). Схема поиска данной работы довольно «традиционная». Ответ из интервью с представителем управляющей компании на мой вопрос, каким образом они находят работников:

«... у них свое «сарафанное радио». Я вот так думаю... Вот ее здесь не обижают, ей здесь деньги платят, ей здесь все объяснили. Т.е. мы же их оформляем, все у нас как положено... и девчонки сами видят, что их не обижают никто. Они сами: «А Вы возьмете?» У нас новый микрорайон заселяется сейчас, а они: «Возьмите мою сестру, возьмите мою родственницу», возьмите того, того. Им же тоже нужно снимать жилье»²²³.

Со временем место работы становится точкой организации жизни трудового мигранта. Рядом с работой арендуют жилье, дети посещают ближайшие детские сады и школы, происходит переезд из города в пригородную зону. Это обусловлено удаленностью микрорайона от самого пригорода, трудовые мигранты не готовы тратить продолжительное количество времени на дорогу до места работы и обратно. Кроме того, для женщин-мигранток, которые совершили миграцию вместе с семьей или обзавелись детьми в миграции, важен физический контроль над ребенком, который возможен лишь при ситуации близости работы и дома.

Такая схема определяет включение мигранта в качестве жильца в пригородное пространство. Однако роль пригородчанина-иностранца ограничена. Видимость мигрантов в микрорайоне связана с временем суток. В утреннее и в дневное время этот пригород превращается в «пространство мигрантов». Они становятся видимыми в силу специфики их трудовой деятельности – в то время, пока основные пригородчане выезжают за пределы своего «дома» в город – на работу, свою работу в пригороде осуществляют мигранты. Пригородное пространство в вечернее и ночное время вновь возвращается «в руки» «местных» жителей. Такая ситуация влияет на интеграционные практики приезжих. Основными лицами, с кем контактируют мигранты в течение дня становятся их коллеги, которые также являются гражданами иностранных государств, и пенсионеры. Пенсионеры становятся главными «приятелями» для мигрантов в принимающем обществе. Между мигрантами и пожилыми жителями пригородов часто складывается своеобразная система дарообмена. Иностранцы помогают пенсионерам с уходом за их клумбами, походами в магазины, приготовлением

---

²²³ Участник исследования Ирина. // Полевые материалы автора.

пищи, уборкой и попросту покрывают возникающий у этой категории пригородчан дефицит «живого» общения. В обмен они получают «местного» жителя-проводника, который порой отстаивает интересы мигранта в некоторых спорных ситуациях, помимо этого, пенсионеры могут выступать в качестве нянечек или учителей для детей мигрантов:

«...их бабушки... Ну они видят, что они здесь убирают, ходят постоянно, здесь же микрорайон. Бабульки, наоборот, кто-то: «Ой, да у нас там Ольгуз работает, живет, она поможет мне цветочки полить... С бабушками они никогда не ругаются. Ничего. Они уже знают, где что.»²²⁴

В рамках данной управляющей компании мигранты порой работают семьями. Женщина как правило выполняет роль уборщицы, мужчина – дворник или строитель на до сих пор строящихся объектах в пределах разрастающейся городской периферии. Это влияет на организацию жизни детей мигрантов младшего возраста (не посещающих детские сады или начальную школу, например, в период болезни). Трудовые мигранты организуют подобие «частных» детских садов в квартирах, где сами проживают, роль нянечки и воспитателя в таком случае выполняет та женщина, у которой в этот день «выходной».

«Мигрантское» присутствие в пределах одноэтажной застройки отличается от того, что представлено выше. В интервью с пригородчанами было определено, что основными точками в рамках взаимодействия «местных» и приезжих выступают две основные сферы: 1) строительство и обслуживание частных домовладений; 2) различного рода подсобные работы. Однако, стоит отметить то, что постоянными или многочисленными эти точки взаимодействия назвать нельзя. Пригородчане отмечают, что за последние годы индивидуальная мигрантская активность серьезно снизилась по отношению к возможным трудовым практикам в контексте строительства или подсобных работ. «Местные» связывают это с пандемией коронавируса, кризисами и, соответственно, оттоком «рабочих рук» из одноэтажной пригородной зоны. В целом актуализация «мигрантского» дискурса в данной среде пригородчан, как правило, не находила отклика в силу

---

²²⁴ Участник исследования Ирина. // Полевые материалы автора.

доминирующего видимого присутствия трудовых транснациональных мигрантов, включенных в пригородные локальности.

Таким образом, по отношению к пригородам в рамках Зональненского и Заречного сельских поселений Томской области можно заключить, что 1) создаваемая мигрантами инфраструктура, прежде всего, направлена на удовлетворение потребностей «местного» пригородного населения; 2) совершенно не наблюдается закономерности в создании и использовании инфраструктуры применительно к этнической принадлежности трудовых мигрантов; 3) большинство мигрантов не проживает в пригородах, для них это, скорее, место работы, которое удалено от места проживания (в отличие от большинства городских кейсов); 4) явно отсутствует собственная «закрытая» «мигрантская» инфраструктура; 5) по мнению пригородчан, пандемия и сопутствующие кризисы существенно повлияли на присутствие в этих местах мигрантов.

Еще одной важной и отличной от предыдущих кейсов пригородной локальностью выступил поселок Светлый, который изначально застраивался многоэтажками. Разросшийся частный сектор вокруг поселка Светлого является следствием, а не логичным началом развития российской пригородной территории. Несмотря на то, что в 2004 г. Светлый вошел в состав городского округа Томск, являясь продолжением административного Октябрьского района, для жителей города Светлый является пригородной территорией. Этот тезис подтверждается проведенными интервью с жителями поселка, считающими себя, прежде всего, пригородчанами. Объясняется это во многом существованием довольно продолжительной истории Светлого в качестве пригорода, входящего в Томский район Томской области (вошел в состав Томска 12 ноября 2004 г.), а также близостью к деревням и поселкам, давно являющимися частью Томского района (Копылово, Кузовлево, Рассвет и др.).

Как было обозначено выше, Светлый выступает в роли инфраструктурной точки, из которой можно беспрепятственно попасть на три весьма важных предприятия Томской области: Томская производственная компания «Сава» (Рисунок В. 4), «Межениновская птицефабрика» (Рисунок В. 5), Свинокомплекс «Томский»

(Рисунок В. 6). В результате исследования удалось выяснить, что часть трудовых мигрантов из Центральной Азии задействованы в работе вышеупомянутых производственных объектов. В связи с этим, в отличие от Зональненского и Заречного сельских поселений мигранты активно арендуют или покупают жилье на территории поселка Светлый. Особенно привлекательной для них является низкая стоимость (по отношению к Томску) аренды или покупки жилья. В связи с этим, «мигрантская» инфраструктура в поселке Светлом представлена чуть шире и разнообразнее. В Светлом, помимо ряда ларьков по продаже овощей и фруктов (Рисунок В. 23), присутствует, например, магазин одежды, являющийся одним из элементов крупной сети, созданной мигрантами из Таджикистана (Рисунок В. 24).

Видимость мигрантов в поселке Светлом заметнее в силу присутствия мигрантов в пригородном массиве: совместные с детьми прогулки на детских площадках, посещение мест концентрации населения (например, небольшая площадь перед местным Домом культуры, присутствие мигрантов на остановке общественного транспорта и др.) (Рисунок В. 25, Рисунок В. 26). При этом говорить о закрытости «мигрантского» сообщества или о создании в поселке Светлом подобия мест анклавизированного проживания мигрантов не приходится возможности, т.к. мигранты дисперсно распространены по всей пригородной территории, что подтверждают интервью, проведенные с местными жителями.

Таким образом, можно сказать, что в Светлом присутствует «мигрантская» инфраструктура, в основном представленная несколькими предприятиями малого бизнеса, ориентированными на удовлетворение продовольственных и вещевых потребностей населения. Каких-либо общественных площадок, которые можно определить как места сбора мигрантов, не замечено, единственное «этническое» кафе с недавних пор работает только на вынос.

Наблюдения за мигрантами показывают, что большая их часть занята не в поселке и расположенных рядом с ним предприятиях, а в Томске. Трудовые мигранты представляют что-то наподобие маятниковой миграции, что позволяет убедиться в верной, на мой взгляд, характеристике посёлка Светлый, как пригорода Томска. Соответственно, «мигрантская» инфраструктура Томска в значительной

степени восполняет отсутствие каких-либо необходимых объектов в самом Светлом.

В посёлке проживают также «старые» мигранты, достаточно плотно включенные в местную жизнь. Они имеют российское гражданство, жильё, стабильный заработок, личный автотранспорт, считают это место своим домом. «Местные» жители не воспринимают их как чуждый элемент, считают «нашими».

Пригородная «мигрантская» инфраструктура слабо отличается от городской. Это связано со спецификой томских пригородов, актуализированных в исследовании. Они, скорее, являются продолжением разрастающейся городской периферии. Рабочих мест в самих пригородах немного. Помимо вышеуказанных элементов «мигрантской» инфраструктуры (*которые чаще являются местом работы для самих же мигрантов*), рынок труда обычно представлен двумя-тремя сетевыми продуктовыми магазинами, двумя-тремя небольшими кафе и магазинами разливных напитков. Это влияет на сам ритм жизни пригородчан, включая «мигрантское» сообщество, их жизненный уклад имеет маятниковый характер – утром на работу в город, вечером с работы в пригород. Выходные население пригородов Томска зачастую проводит «в городе», выезжая за покупками и развлекаясь в торгово-развлекательных комплексах. Таким образом, организация и ритм жизни в пригородах больше напоминают спальные районы.

Главной причиной переезда в пригород является наличие там нового жилья эконом-класса. В силу почти полного отсутствия городской застройки в Томске, выбор остается невелик. В связи с этим, часто новыми пригородчанами становятся молодые семьи из города. Это обуславливает характер взаимодействия местных и приезжих, а также формы освоения пригородного пространства трудовыми мигрантами. Первая модель взаимодействия предполагает, что мигрант сам становится жителем пригорода, т.к. в силу низкой арендной стоимости жилья он делает выбор в пользу данной локации. При этом трудовую деятельность он осуществляет в городе. В таком случае он становится полноправным типичным пригородчанином Томска, наравне со всеми использующими инфраструктуру разрастающейся городской периферии. Вторая модель демонстрирует то, что

мигрант задействован на строительных площадках до сих пор расстраивающихся пригородных территорий. В таком случае чаще приезжие проживают на территории строек, либо в квартирах, в которых осуществляют строительные работы, либо в хостелах в Томске. Это проживание и быт совместные, организованные, контроль за которыми осуществляет прораб или администратор хостела. Взаимодействие как с горожанами, так и с пригородчанами в таком случае минимально. О. Бредникова называет такой «сценарий» миграции сценарием гастарбайтера²²⁵. Главная цель мигранта – заработок. Его социальные сети слабы, утилитарны. Гастарбайтер не совершает попыток активного включения в принимающее общество, городское пространство в силу отсутствия времени на досуговые практики им почти не осваивается. Миграция видится конечным процессом (*заработал на что-то для покупки на родине и уехал домой*), отсюда слабость социально-экономических (и культурных) интеграционных практик. И, наконец, третья модель хоть и узка, но имеет место быть. В ее рамках мигрант-горожанин отправляется на работу в пригород, если является обладателем рабочего места на этой территории. Чаще мигранты-продавцы в пригородах сами являются организаторами этого бизнеса или приближенными к организатору членами земляческих или родственных социальных сетей. Стратегия мигранта-бизнесмена зачастую сводится к расширению своего бизнеса в пределах выбранной им для ведения «своего» дела пригорода. Взаимодействие с принимающим обществом активное в рамках торгово-экономических сделок. Для мигранта-бизнесмена важна любая информация, позволяющая наладить взаимоотношения с ценными покупателями или, например, выбрать какое-либо свободное место, подходящее для аренды или покупки с целью дальнейшего расширения бизнеса.

---

²²⁵ Бредникова О. «Живу постоянно оглядываясь»: doing everyday transnationalism // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность : [сборник]. М., 2020. С. 71–105.

Заключение

Результаты проведенного в рамках диссертации анализа позволяют сформулировать выводы, которые в значительной мере коррелирует с другими исследованиями, проводившимися в постсоветских городах России с использованием схожих методов и подходов. Данное исследование в своих результатах вписывается в общий аналитический контекст по отношению к «мигрантской» инфраструктуре в постсоветской России. Формирование таких городских локальностей стало следствием приобретения нашим государством нового статуса «иммиграционной» страны. Историческая трансформация миграционных процессов создала почву для выделения трудовых мигрантов в качестве самостоятельного социокультурного субъекта в рамках постсоветского российского города. Приезжие трансформируют город, однако, не делают этого с позиций создания этнически однородных городских и пригородных локальностей. Наше государство в этом плане значительно отличается от западных моделей пользования городом иностранцами. Однако в общественном дискурсе этническая видимость трудовых мигрантов из Центральной Азии создает ряд мифов, связанных с якобы наличием целых закрытых и опасных от глаз посторонних этнических кварталов или районов в российских городах. Кроме того, приезжие как правило ассоциируются с теми, кто прибыл в нашу страну исключительно с одной целью – остаться здесь навсегда и отнять работу «местного» населения. За «этническим» предпринимательством скрывается исключительно стратегия закрытого бизнеса для своих, позволяющего каким-то образом нажать на представителях принимающего общества. Все это логически ведет к единственно возможной модели социально-экономической интеграции трудовых мигрантов – исключительное нежелание «включаться» в жизнь и культуру того места, где оказался приезжий. Однако отход от эссенциалистской оптики позволяет современному исследователю миграции видеть за яркой вывеской «этническое» множество других обоснований тех или иных решений приезжих в контексте их социально-экономического взаимодействия с принимающей городской и пригородной средой. Проведенное исследование суть демонстрация

альтернативного видения социально-экономического включения трудового мигранта в современное городское и пригородное пространство России.

Модель расселения иностранных рабочих из Центральной Азии в Томске и его пригородах дисперсная, концентрированное проживание мигрантов в пределах какого-либо из районов или микрорайонов не прослеживается. Это укладывается в объяснительную рамку транснационализма и гетеролокализма. Транснациональный подход говорит нам о том, что конечной точки в маршруте мигранта не бывает, а сама миграция всегда многовекторная. Данный тезис прямо противоречит самой мысли о возможном пути анклавизации и геттоизации российских городов и их пригородов. Гетеролокализм явился логичным следствием миграционных трансформаций, с которыми столкнулся мир с наступлением эпохи глобализации. Доминировавшая ранее ассимиляционная теория потеряла свою актуальность, а вслед за ней и мысль об этнически однородной пространственной модели расселения мигрантов в городе. К тому же, так называемые «цифровые помощники» (интернет, мобильная связь, телевидение, смартфоны и другие гаджеты) дали людям возможность быть в контексте своего этнического сообщества, но не прямо, а опосредованно. Основными принципами выбора жилья в миграции для приезжего из Центральной Азии являются схожие со всеми современными горожанами принципы: 1) близость к месту работы; 2) доступность социальной инфраструктуры для детей и самих мигрантов (детские сады, школы, медицинские учреждения); 3) экономическая доступность аренды или покупки жилья.

Отсутствие этнически концентрированных районов по отношению к мигрантам определяет и социально-экономические интеграционные практики приезжих в контексте взаимодействия с городской или районной инфраструктурой. Мигранты наравне с «местными» посещают те же, находящиеся неподалеку от дома, магазины, больницы, парикмахерские, что и томичи. Это в основном инфраструктура эконом-класса. Такая инфраструктура выполняет роль ключевых точек организации повседневной мобильности (маршрутов «дом-работа» и «работа-дом»), но не является основой для структурирования вне рабочего времени

и маршрутов. Не является она и дискриминирующим признаком по отношению к мигрантам, поскольку коренные жители Томска используют указанную инфраструктуру наряду с мигрантами.

Городские и пригородные инфраструктурные объекты, маркирующиеся местными жителями как «мигрантские», таковыми не являются. В большинстве случаев это то, что совместно создается и совместно используется горожанами и мигрантами. Наиболее выраженным примером являются объекты обслуживания, связанные с присутствием мигрантов: заведения общепита, открытые и закрытые рынки, предприятия мелкорозничной торговли, автомастерские и др. Все они создаются мигрантами при участии горожан и ориентированы преимущественно на местных жителей. Закрытые локальности и объекты инфраструктуры, создаваемых мигрантами и для мигрантов отсутствуют. Более того, свидетельства об их существовании в поле автором диссертации обнаружены не были. В свою очередь это позволяет предполагать отсутствие очевидных признаков пространственной сегрегации города по признаку «горожане/мигранты».

Важным результатом предпринятого в диссертации анализа выбранных кейсов является обнаружение значимости «мигрантских» сетей (земляческих, родственных и т.д.). Ситуативные социально-экономические интеграционные практики во многом сопряжены с данными сетями. Как правило, в условиях современной миграции приезжие оказываются в Томске благодаря своим землякам или родственникам, которые имеют в стране приема определенный социальный капитал. В этой связи само место миграции зачастую определяется не последующей экономической выгодой, а присутствием в нем знакомых людей. Длительность пребывания трудового мигранта и сопутствующие социально-экономические интеграционные практики (например, поиск работы или жилья, формы соседства) также обусловлены формированием (скорым или медленным) и также наличием (широким или узким) социальных сетей, «мигрантских» сетей. Помимо этого, «мигрантские» сети выступают в роли своеобразного инструмента для мигрантов-хедхантеров, особенно в сфере обслуживания. Как было показано

на примере сети кафе «Ош», социальные сети приезжих являются важным каналом привлечения новых сотрудников (ситуация с жильем весьма схожа).

Этничность в пределах социальных сетей мигрантов не играет значимой роли. «Этнический» бизнес в прямом смысле таковым не является, т.к. в условиях организации предпринимательской деятельности все основано на социальных связях, социальном окружении. Этничность, так же, как и мигрантскость выступает только одной из многочисленных характеристик социальных связей бизнесменов, основанных на 1) легкости (простоте, беспроблемности), 2) рациональности (выгоде), 3) доверии, 4) давлении извне (вытеснении), 5) социальном пространстве (социально и экономически выгодном окружении мигрантов).

Практики взаимодействия с пригородной инфраструктурой в контексте социально-экономической интеграции трудовых мигрантов весьма схожи с городской инфраструктурой. В данном исследовании это обусловлено тем, что в качестве основных пригородных локальностей выбраны не классические (в академическом смысле) пригородные зоны, а, скорее, разрастающаяся городская периферия. Однако особенность муниципальной политики в области городской застройки формально позволяет называть выбранные территории в качестве пригородных.

В томских пригородах прослеживаются четыре основных модели социально-экономического взаимодействия трудовых мигрантов с окружающей их средой. Для первой модели свойственен сюжет, связанный с переездом самого мигранта в пригород и обретением нового социального статуса – «пригородчанина». Переезд обусловлен, прежде всего, экономической рациональностью, связанной с арендой низкого по стоимости жилья. При этом трудовая деятельность осуществляется приезжим в городе. В таком случае он становится полноправным типичным пригородчанином Томска, наравне со всеми использующим инфраструктура разрастающейся городской периферии.

Вторая модель, вновь связана с переездом трудовых мигрантов в пригород, однако, и место работы в этом случае также будет находиться в рамках пригородной зоны. Таким образом, основная причина переезда в пригород уже не

связана сутоубо с экономической рациональностью, в дело вмешивается близость к работе. Кейс с управляющей компанией, описанный автором выше, дает право говорить нам о появлении в рамках данной модели особого взаимодействия трудовых мигрантов с одной из категорий пригородчан – пенсионеров. Социальная интеграция приезжих усиливается посредством прямых взаимодействий с «местными».

Третья модель связана с деятельностью трудовых мигрантов на строительных площадках до сих пор расстраивающихся пригородных территорий. Эта модель рождает весьма «упрощенные» практики взаимодействия с пригородной инфраструктурой – приезжие чаще проживают на территории строек, в квартирах, в которых осуществляют строительные работы, в хостелах города, которые предоставляет работодатель. Взаимодействие как с горожанами, так и с пригородчанами в таком случае минимально. Такой миграционный сценарий обозначается как сценарий гастарбайтера. Главная цель мигранта – заработок. Его социальные сети слабы, утилитарны. Гастарбайтер не совершает попыток активного включения в принимающее общество, городское пространство в силу отсутствия времени на досуговые практики им почти не осваивается. Миграция видится конечным процессом (*заработал на что-то для покупки на родине и уехал домой*), отсюда слабость социально-экономических (и культурных) интеграционных практик.

В рамках четвертой модели мигрант-горожанин отправляется на работу в пригород, если является обладателем рабочего места на этой территории. Чаще мигранты-продавцы в пригородах сами являются организаторами этого бизнеса или приближенными к организатору членами земляческих или родственных социальных сетей. Стратегия мигранта-бизнесмена часто сводится к расширению своего бизнеса в пределах выбранного им для ведения «своего» дела пригорода. Такая модель взаимодействия подразумевает расширение информационных потоков в русле гирцевского базара в Марокко. Поэтому мигрант-бизнесмен постоянно пытается наладить взаимоотношения со своими клиентами, т.к. через

них можно выведать ценную информацию, позволяющую в будущем расширить степень экономического влияния в пригороде.

Рассмотренная в диссертации тема имеет большой потенциал и для последующей разработки. Предметом дальнейшего анализа может послужить: влияние пандемии COVID-19 и внешнеполитических кризисов России на создание и/или использование трудовыми мигрантами из Центральной Азии городской инфраструктуры в сибирском городе; создание и использование трудовыми мигрантами инфраструктуры в городах Дальнего Востока. Заслуживает специального исследования расширение карты «мигрантской» инфраструктуры в городах России, а также возможная смена фокуса с социально-экономической интеграции на культурную и т.д.

Список использованных источников и литературы

Официально-документальные издания

1. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Гарант.Ру: Информационный портал. – М., 2024. – URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 01.03.2024).
2. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Гарант.Ру: Информационный портал. – М., 2024. – URL: https://base.garant.ru/72092260/#block_4 (дата обращения: 01.03.2024).

Источники

1. В томской области создана рабочая группа по сохранению деревянных объектов культурного наследия : «Томский обзор». – Томск, 2023. – URL: <https://obzor.city/news/665136---v-tomskoj-oblasti-sozdana-rabochaja-gruppa-po-sohraneniju-derevjannyh-obektov-kulturnogo-nasledija> (дата обращения: 24.01.2023)
2. Заречное сельское поселение // Официальный сайт Администрации Томского района. – Томск. – 2022, URL: <https://www.tradm.ru/o-rayone/administrativno-territorialnaya-kharakteristika/zarechnoe/> (дата обращения: 03.02.2023).
3. Зональненское сельское поселение // Официальный сайт Администрации Томского района. – Томск, 2022. – URL: <https://www.tradm.ru/o-rayone/administrativno-territorialnaya-kharakteristika/zonalnenskoe/> (дата обращения: 03.02.2023).

4. Кадровый голод и локальная безработица: что ждет рынок труда в 2023 г. // Ведомости. – М., 1999–2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/18/959434-kadrovii-golod-i-lokalnaya-bezrobotitsa> (дата обращения: 14.05.2024).
5. Мигрант-сервис. – [Б.м.], 2024. – URL: <https://migrant-tomsk.ru/> (дата обращения: 11.05.2024).
6. Общество с ограниченной ответственностью «Миграция и гражданство». – [Б.м.], 2024. – URL: <http://mmc.tom.ru/> (дата обращения: 11.05.2024).
7. Проект РНФ № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» / Российский научный фонд. – URL: https://rscf.ru/prjcard_int?18-18-00293 (дата обращения: 20.10.2020).
8. Статистика. Официальная статистика. Население. Миграция : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. – [Б. м.]. – 2024. – URL: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/37439> (дата обращения: 01.03.2024)
9. Число трудовых мигрантов в Томской области снизилось в 3 раза // vtomske.ru. – [Б. м.], 2024. – URL: <https://news.vtomske.ru/news/180193-chislo-trudovyh-migrantov-v-tomskoi-oblasti-snizilos-v-3-raza> (дата обращения: 10.05.2024).
- 10.«Principles of Professional Responsibility», adopted by the Council of the American Anthropological Association, 1971. – [S. 1], 2019. – URL: <https://www.americananthro.org/ParticipateAndAdvocate/Content.aspx?ItemNumber=1656> (дата обращения: 15.06.2020).

Интервью

11. Запись из полевого дневника автора : [полевой дневник автора]. – Томск, 2020–2021. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
12. Участник исследования Азиз : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.

13. Участник исследования Алия : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
14. Участник исследования Амир : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
15. Участник исследования Бехруз : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
16. Участник исследования Ирина : [интервью]. – Томск, 2023. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
17. Участник исследования Надира : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
18. Участник исследования Назгуль : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
19. Участник исследования Сардор : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
20. Участник исследования Шодмон : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.
21. Участник исследования Юрий : [интервью]. – Томск, 2019. – USB-flash-накопитель. – Личный архив автора.

Литература

22. Абашин С. Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab. Imperio*. – 2015. – № 3. – С. 125–165.
23. Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, лояльные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. – 2012. – № 4. – С. 2–12.
24. Абашин С. Н. Форум: Этические проблемы полевых исследования // *Антропологический форум*. – 2006. – № 5. – С. 10–15.
25. Административно-территориальное деление Томской губернии // Государственный архив Томской области. Путеводитель. – М. : Звенья, 2001. – С. 779–783.

26. Акрамов Ш. Ю. Этнические анклавы и их влияние на сферу социально-трудовых отношений в принимающем обществе / Ш. Ю. Акрамов, Ф. Ш. Акрамов // Труд и социальные отношения. – 2022. – Т. 33. – № 4. – С. 42–51.
27. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках национализма : пер. с англ. / Б. Андерсон : под ред. С. П. Баньковской. – М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
28. Базар и город: люди, пространства, образы / К.В. Григоричев, В.И. Дятлов, Д.О. Тимошкин [и др.]. – Иркутск : Оттиск, 2019. – 287 с.
29. Бедрина Е. Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 451–464.
30. Бедрина Е. Б. Этнические и миграционные анклавы Свердловской области // Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. – С. 139–150.
31. Борисова М. В. Развитие политики социально-экономической и социокультурной интеграции мигрантов в Российской Федерации // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 260–263.
32. Бредникова О. «Живу постоянно оглядываясь»: doing everyday transnationalism // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. О. Бредниковой и С. Абашина. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 71–105.
33. Бредникова О. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 32–47.
34. Бредникова О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» / О. Бредникова, О. Паченков // Диаспоры. – 2001. – № 1. – С. 131–147.

35. Бредникова О. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах / О. Бредникова, О. Ткач // Антропологический форум. – 2015. – № 26. – С. 127–152.
36. Бредникова О. Дом дляномады / О. Бредникова, О. Ткач // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2010. – № 3. – С. 72–95.
37. Бредникова О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов / О. Бредникова, О. Паченков // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. № 2. – С. 74–81.
38. Брызгина Д. Е. Трудовые мигранты из Центральной Азии в сибирском городе: инфраструктура, занятость, повседневность, досуг / Д. Е. Брызгина, С. Д. Джанызакова, И. В. Нам [и др.] // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 31–52.
39. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – СПб. : Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 2005. – 288 с.
40. Варшавер Е. А. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 3 (121). – С. 104–113.
41. Варшавер Е. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? / Е. Варшавер, А. Рочева, Н. Иванова [и др.] // Социологическое обозрение. – 2020. – № 19. – С. 225–253.
42. Вахтин Н. Б. Несколько замечаний об этике полевых исследований на крайнем Севере России // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. – сб. статей. – М. : Стратегия, 2002. – С. 316–328.
43. Введение. Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. – Иркутск : Оттиск, 2013. – С. 6–12.
44. Вендина О. И. Социальное пространство Москвы: особенности и структура / О. И. Вендина, А. Н. Панин, В. С. Тикунов // Известия РАН. Серия географическая. – 2019. – № 6. – С. 3–17.

45. Вендина О. Культурное разнообразие и побочные этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / под ред. Ж. А. Зайончковской. – М., 2009. – С. 45–148.
46. Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – № 3 (71). – С. 52–64.
47. Веселкова Н. В. Пешеходное интервью: структура и жанры / Н. В. Веселкова, М. Н. Вандышев, Е. В. Прямикова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные термины. – 2019. – № 4. – С. 4–21.
48. Виммер А. Методологический национализм и за его пределами: нациостроительство, миграция и общественные науки / А. Виммер, Н. Глик Шиллер // Социология власти. – 2021. – Т. 33. – № 2. – С. 184–231.
49. Вишневецкий А. Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 90–97.
50. Волох В. А. Современная наука о проблемах адаптации и интеграции мигрантов // Социально-трудовые исследования. – 2019. – № 4. – С. 57–64.
51. Воробьева О. Д. Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. – М. : «Экон-Информ», 2016. – 192 с.
52. Воронина Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 63–82.
53. Глава 1. Феномен «новых иммиграционных стран»: российский случай в общеевропейском контексте // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России / В.С. Малахов. – СПб. : Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ», Скифия-принт, 2016. – С. 19–31.

54. Григоричев К. В. «Неназванное не существует»: пригород в дискурсе региональных СМИ / К. В. Григоричев, Ю. Н. Пинигина // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2 (11). – С.282–300.
55. Григоричев К. В. «Таджики» в пригородах Иркутска: сдвиги в адаптивных практиках // Диаспоры. – 2010. – №2. – С. 261–282.
56. Григоричев К. В. «Таджики» и «китайцы» в пригородах Иркутска: свои чужие и чужие свои / К.В. Григоричев // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. трудов XII Междунар. науч.-практич. конф. 26-27 мая 2011 г. – Усть-Каменогорск : «Либриус», 2011. – С.181–189.
57. Григоричев К. В. «Таджики», «нерусские», «гастарбайтеры» и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. – 2012. – №4. – С. 14–31.
58. Григоричев К. В. Консолидация пригородных сообществ в пространстве коллективного текста интернет-форумов / К. В. Григоричев, Ю. Н. Пинигина // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2013. – №4. – С. 292–297.
59. Григоричев К. В. Местные сообщества и местная власть в неинституализированном пространстве: случай пригородов Иркутска // Полития. – 2013. – №1. – С. 143–155.
60. Григоричев К. В. Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. – 2016. – Т. 1. – № 2. – С. 7–23.
61. Григоричев К. В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI века // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2012. – № 2 (9). – С. 44–51.
62. Григоричев К. В. Трансформация экономического поля пригорода Иркутска // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 1. – № 4 (18). – С.51–61.

63. Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения : пер. с фр. / Ж. Делёз, Ф. Гваттари : под ред. В. Кузнецова. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.
64. Деминцева Е. Б. Мигранты из Средней Азии в Москве / Е. Б. Деминцева, В. М. Пешкова // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. – 2014. – № 597–598. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (дата обращения: 23.01.2022).
65. Деминцева Е.Б. Мигранты в постсоветском городе. Введение // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2020. – № 12(1). – С. 10–14.
66. Деминцева Е.Б. Этнические vs социальные границы: дети мигрантов в школах // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 2. – С. 98–113.
67. Денисенко М. Б. Демографические изменения, экономический рост и трудовая миграция в России / М. Б. Денисенко, В. А. Козлов // В кн.: Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши / под общ. ред.: М. Б. Денисенко, В. В. Елизаров. – Вып. 23. – М. : МАКС Пресс, 2014. – С. 298–317.
68. Денисенко М. Б. Переводы гастарбайтеров: на перекрестке между миграцией и экономикой / М. Б. Денисенко, О. А. Хараева // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. – 2008. – № 339–340. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0339/tema01.php> (дата обращения: 03.02.2022).
69. Денисенко М. Б. Причины нереализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации / М. Б. Денисенко, О. С. Чуудиновских // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. – 2017. – № 753–754. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/analit01.php> (дата обращения: 13.02.2023).

70. Денисенко М. Б. Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире / М. Б. Денисенко, В. А. Козлов, А. А. Фаттахова // Демографическое обозрение. – 2015. – Т. 2. – № 3. – С. 5–29.
71. Денисенко М. Б. Трудовая миграции в России в период коронавирусной пандемии / М. Б. Денисенко, В. И. Мукомель // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 84–107.
72. Денисенко М. Б. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России / М. Б. Денисенко, Е. М. Чернина // Вопросы экономики. – 2017. – № 3. – С. 40–57.
73. Джанызакова С. Д. «Предпочитаю работать на себя»: предпринимательство мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 1 (52). – С. 188–195.
74. Джанызакова С. Д. «Учись в Сибири!»: студенты из Кыргызстана в вузах Томска // Востоковедные исследования на Алтае. – 2016. – № 10. – С. 46–52.
75. Дохов Р. А. Спрол в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода / Р. А. Дохов, Н. А. Сеницын // Известия РАН. Серия географическая. – 2020. – Т. 84. – № 2. – С. 191–206.
76. Дятлов В. И. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества / В. И. Дятлов, К. В. Григоричев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 10. – С. 8–19.
77. Дятлов В.И. Миграционные процессы и проблема этнических кластеров в современной России / В.И. Дятлов // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XIX-XXI веках: опыт и перспективы : сб. материалов VI Междунар. науч.–практ. конф., 28–30 ноября 2016 г. – Красноярск : Сиб. Федер. ун-т, 2017. – С. 10–14.

78. Дятлов В.И. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) / В.И. Дятлов, И.В. Нам // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 283–304.
79. Дятлов В. И. Национально-культурные организации в современном сибирском городе: проблема этнического представительства / В. И. Дятлов, И. В. Нам // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12. – № 4–2. – С. 473–491.
80. Дятлов В.И. Постсоветские рынки под открытым небом: новый феномен или продолжение традиции // Сибирские исторические исследования. – 2017. – №1. – С. – 99–118.
81. Дятлов В.И. Россия в предчувствие чайнатаунов // Этнографическое обозрение. – 2008. – №4. – С. 6–16.
82. «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность : сб. ст. / под ред. О. Е. Бредниковой, С. Н. Абашина. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 520 с.
83. Запорожец О.Н. «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: 4М. – 2017. – № 44. – С. 37–72.
84. Захаров С. В. Демография и миграция // Стратегия России. – 2007. – № 1. – С. 33–35.
85. Захаров С. В. Миграция и рождаемость в России / С. В. Захаров, С. В. Сурков // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А. Г. Вишневого. – 2009. – № 399–400. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php> (дата обращения: 03.02.2022).
86. Здравомыслова Е. А. Феминистские рефлексии о полевым исследовании / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2014. – № 6(1). – С. 84–112.
87. Зиновьев В.П. Динамика численности среднеазиатских этносов в Томской области (конец XIX – первые десятилетия XXI в.) // Известия Иркутского

- государственного университета. Серия История. – 2023. – Т. 46. – С. 36–44.
- 88.Ивахнюк И.В. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций // Российский совет по международным делам. – [Б.м.]. – 2024. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/>(дата обращения: 17.05.2024)
89. Кайзер М. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) / М. Кайзер, О. Е. Бредникова // Миграция и национальное государство: сб.ст. – СПб. : ЦНСИ, 2004. – С. 133–146.
- 90.Каландаров Т. С. Брак, секс и развод у таджикских трудовых мигрантов // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 5. – С. 82–91.
- 91.Каландаров Т. С. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России // Acta Slavica Iaponica. – 2017. – Т. 38. – С. 91–119.
- 92.Каландаров Т. С. Социальная справедливость / несправедливость в поэзии таджикских трудовых мигрантов в России / Т. С. Каландаров, Ю. О. Молчанов // Вестник антропологии. – 2021. – № 4. – С. 116–128.
- 93.Каландаров Т. С. Таджикская мигрантская религиозная поэзия // Вестник антропологии. – 2019. – № 4. – С. 169–177.
94. Калуцков Н.В. О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 1. С. 3–9.
95. Капустина Е. Л. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма / Е. Л. Капустина, Е. А. Борисова // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность: сб. ст. под ред. О. Е. Бредниковой, С. Н. Абашина. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – С. 14–29.

96. Карелина Е.А. Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в контексте Концепции государственной миграционной политики // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 223–226.
97. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М. : Наука, 2003. – 486 с.
98. Космарская Н. П. «Расскажите о вашей жизни в этом городе»: исследование отношения москвичей к мигрантам и миграции / Н. П. Космарская, И. С. Савин // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений : сб. науч. статей. – М., 2015-2016. – С. 60–69.
99. Космарская Н. П. Москва – город контактов? Форматы и масштабы взаимодействия москвичей с мигрантами / Н. П. Космарская, В. М. Пешкова, И. С. Савин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 248–271.
100. Космарская Н. П. Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы / Н. П. Космарская, И. С. Савин // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 1. – С. 94–111.
101. Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 3. – С. 62–76.
102. Кошелева Е. Ю. Трансформация учебных практик китайских студентов российского университета / Е. Ю. Кошелева, Ю. А. Кикенина // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 2. – С. 10.
103. Ломакин И. В. Выйти из тени: заметки с Форума полевых интервьюеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 5. – С. 354–360.
104. Макарова О. И. А. Аппадурои: культурные последствия глобализации // Всероссийский журнал научных публикаций. Социологические науки. – 2011. – № 2 (3). – С. 58–63.

105. Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / В.С. Малахов. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 232 с.
106. Малахов В. С. От общества к пространству: исследуя изменения городской среды под влиянием миграций // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т. 18. – № 4. – С. 561–576.
107. Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 200 с.
108. Малахов В.С. Интеграции мигрантов: Концепции и практики. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 272 с.
109. Малахов В.С. Принимая транснационализм всерьез: о методологическом обновлении в миграционных исследованиях // Этнографическое обозрение. – 2022. – № 5. – С. 223–233.
110. Мартынова М.Ю. Мигранты и их интеграция в условиях повседневной жизни большого города // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений : сб. науч. статей. – М., 2015-2016. – С. 31–42.
111. Мартынова М.Ю. Миграции в России: опыт культурной интеграции через повседневные услуги // Вестник российской нации. – 2018. – № 2 (60). – С. 114–127.
112. Миграция в России 2000-2012. Хрестоматия в 3 томах. Т.1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции / А. Г. Вишневский, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян [и др.] ; под ред. Ж. А. Зайончковской. – М.: Спецкнига, 2013.
113. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории: Учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по спец. “История” / Б. Г. Могильницкий. – М. : – Высш.шк., 1989. – 175 с.

114. Мухаметшина Н. С. «Мигрантские» кластеры в социальном пространстве города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 3 (2). – С. 638–642.
115. Мухаметшина Н. С. «Мигрантские кластеры» как специфические социальные практики / Н. С. Мухаметшина, С. П. Кандауров, Н. В. Явкин // Стратегии освоения регионального социума мигрантами из постсоветских государств. – Самара, 2015. – 180 с.
116. Назаршоева С. В. Гражданская война в Республике Таджикистан и ее влияние на миграционные процессы // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – 2019. – №6 (110). – С. 81–86.
117. Нам И. В. «Новые» этнические группы (диаспоры) в Томске // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 5 (37). – С. 33–43.
118. Нам И. В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) / И. В. Нам, Е. М. Карагеоргий, А. И. Ермолова [и др.] // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 166–192.
119. Нам И. В. Мигранты в университетском городе (отношение принимающего общества) // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений : сб. науч. статей. – М., 2015-2016. – С. 263–272.
120. Нам И. В. Мигранты в университетском городе (отношение принимающего общества) / И. В. Нам, А. А. Рассказчикова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – С. 95–100.
121. Нам И. В. Мониторинг переписи в Томской области / И.В. Нам, И.Г. Поправко // Этнологический мониторинг переписи населения. : сб. науч. тр. – М. : Институт экономики Российской академии наук, 2011. – С. 351–371.
122. Нам И. В. Перепись в Томской области: итоги и прогнозы / И. В. Нам, Э. Л. Львова // Этнокультурный облик России: перепись 2002 г. : сб. науч. тр. – М. : Наука, 2007. – С. 426–437.

123. Нам И. В. Трудовая миграция, рынок труда и межэтнические отношения в Томской области / И. В. Нам, И. Г. Поправко // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / ред. Степанов В. В., Тишков В. А. – М. : ИЭА РАН, 2014. – С. 227–274.
124. Нам И. В. Трудовые мигранты в Томской области: проблемы адаптации и отношений с принимающим обществом / И. В. Нам, В. В. Кашпур, И. Г. Поправко // Поликультурное и этнокультурное образование в Томской области: опыт, практики преподавания, перспективы развития : материалы III межрегиональной научно-практической конференции с международным участием Томск, 11–12 апреля 2012 г. – Томск, 2012. – С. 94–106.
125. Нам И.В. Взаимодействие государства и социально-ориентированных некоммерческих организаций в сфере адаптации и интеграции мигрантов / И.В. Нам // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XIX-XXI веках: опыт и перспективы : сб. материалов VI Междунар. науч.–практ. конф., 28–30 ноября 2016 г. – Красноярск : Сиб. Федер. ун-т, 2017. – С. 84–100.
126. Никулин П. Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / П.Ф. Никулин ; под ред. В.П. Зиновьева. Томск: «ТМЛ-Пресс». – 2009, – 384 с.
127. Опарин Д. А. Религиозный авторитет и этика повседневности в мусульманской миграционной среде // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2020. – № 12(1). – С. 81–105.
128. Остапенко Л. В. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. – М. : РУДН, 2007. – 350 с.
129. Пешкова В. М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. – 2015. – № 2. – С. 129-151.

130. Полетаев Д. В. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции // Российский совет по международным делам (РСМД). – [Б.м.], 2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/> (дата обращения 13.03.2023).
131. Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX // Сборник Музея археологии и этнографии. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С. 41–146.
132. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие / О. С. Поршнева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 135 с.
133. Прохорова А. Владимир Малахов. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с. ISBN 978-52440-1174-6 // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2018. – № 10 (1). – С. 121–124.
134. Раздел 5.3 Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / И.В. Нам. – Иркутск : Оттиск, 2013. – С. 492–521.
135. Резаев А. Транснациональные мигранты в пространстве современного города / А. Резаев, А. Степанов, П. Лисицин // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 254–275.
136. Рогозин Д. М. Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2018. – № 16. – С. 26–49.
137. Рочева А. Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. – 2015. – Т. 21. – № 2. – С. 31–50.

138. Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // Народонаселение. – 2023. – № 3. – С. 4–15.
139. Рыбаковский Л. Л. Депопуляция в России: итоги за 1992-2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне / Л.Л. Рыбаковский, О.Л. Рыбаковский // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 2 (51). – С. 16–26.
140. Рыбаковский Л. Л. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 327–337.
141. Рязанцев С. В. Видит ли миграционная политика России человека (антропологическое измерение Российской миграционной политики) // Вестник ТГУ. История. – 2019. – № 59. – С.167–177.
142. Рязанцев С. В. Вклад миграции в демографическое и социально-экономическое развитие России // Наука. Культура. Общество. – 2018. – № 4. – С. 19–27.
143. Рязанцев С. В. Вклад трудовой миграции в российскую смертность / С. В. Рязанцев, А. Е. Иванова // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 13–25.
144. Рязанцев С. В. Внешняя миграционная политика России // Международные процессы. – 2016. – Т. 14. – № 4 (47). – С. 22–29.
145. Рязанцев С. В. Иностранцы трудовые мигранты на российском рынке труда и новые подходы к миграционной политике / С. В. Рязанцев, В. И. Скоробогатова // Экономика и управление: проблемы и решения. – 2015. – № 4. – С. 21–29.
146. Рязанцев С. В. Недокументированная трудовая миграция в российской экономике // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 24–33.
147. Рязанцев С. В. России нужна новая миграционная политика // Международные процессы. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 111–116.

148. Рязанцев С. В. Трудовая миграция и рождаемость в России и Москве: есть ли взаимосвязь? / С. В. Рязанцев, Н. И. Кожевникова, Ш. Ю. Акрамов [и др.] // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2012. – № 6. – С. 63–68.
149. Рязанцев С. В. Трудовые мигранты на российском рынке труда: вклад в экономическое развитие страны / С. В. Рязанцев, В. В. Боженко, Ш. З. Пажневски // Сегодня и завтра российской экономики. – 2015. – № 70. – С. 5–14.
150. Рязанцев С. В. Трудовые мигранты: репродуктивное здоровье и вклад в российскую рождаемость / С. В. Рязанцев, Ш. Ю. Акрамов // Человек и закон. – 2014. – № 3. – С. 42–50.
151. Савельева И. М. История и время: в поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
152. Савин И. С. Практики локальной интеграции разнокультурных сообществ как поле для экспериментов (на примере Москвы) // Вестник антропологии. – 2019. – № 1(45). – С. 54–66.
153. Садырин А. А. «Студенческая посылка» как актант в сети студентов – учебных мигрантов из Казахстана: к вопросу о конструировании сообщества // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 5 (37). – С. 134–137.
154. Садырин А. А. Размышления о точке невозврата: включенное наблюдение как "антиметод" в исследовании мигрантского сообщества // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 183-194.
155. Садырин А. А. Учебный мигрант из Казахстана: правда или вымысел? (случай г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 2 (40). – С. 127–131.
156. Садырин А. А. Формы жилья и соседства трудовых мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска и Иркутска) // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 4. – С. 182–194.

157. Садырин А. А. От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2022. – № 76. – С. 151–156.
158. Ситнянский Г. Ю. Миграция населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее, будущее / Г. Ю. Ситнянский, В. И. Бушков. – М. : ИЭА РАН, 2016. – 340 с.
159. Слезкин Ю. А. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю.А. Слезкин. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 512 с.
160. Сметанин Ф. А. Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 2 (57). – С. 180–189.
161. Сметанин Ф. А. Мусульманские сообщества и диаспоры как фактор интеграции мигрантов (пример Томска) // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 461. – С. 161–165.
162. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. – 2014. – №597–598. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05.php> (дата обращения: 20.09.2019).
163. Степанов В. В. Мониторинг общественного восприятия миграции и конфликтный потенциал миграционных отношений в России // Мониторинг реализации государственной национальной политики в регионах России. – М.–Пермь : ООО «Пермское книжное издательство», 2018. – С. 17–23.
164. Степанов В. В. Межэтнические отношения на рынке труда в Московской области: массовый опрос населения // Московская модель этнической политики / ред. Кульбачевская О. В., Степанов В. В. – М. : ФГНУ «Росинформагротех», 2015. – С. 343–366.
165. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

166. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е. Г. Трубина. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 519 с.
167. Трубина Е. Г. Мобильность и седентаризм в социально-теоретическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2012. – № 2 (103). – С. 22–34.
168. Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: сб. ст. / под ред. В. М. Воронкова и Е. З. Чикадзе. – СПб. : Алетейя, 2009. – 148 с.
169. Ушакин С. А. Этнография себя, или о пользе формализма в антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7. – № 2. – С. 160–172.
170. Филиппова Е. И. Нужна ли этническая парадигма при осмыслении культурного многообразия / Е. И. Филиппова, В. Р. Филиппов // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 1. – С. 181–186.
171. Филиппова Е. И. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности : сб. науч. ст. – М., 2016. – С. 305–321.
172. Функ Д. А. Выход в поле // Anthropological Research Center. – [Б.м.]. – URL:
https://antropiya.com/articles/18/61/?fbclid=IwAR181ZXz2syQ7_rSnxMJWnF4hiYnltEK1Dpgpi7LXpNDZChzjiZIkYVxSqI (дата обращения: 12.02.2020).
173. Функ Д. А. Техника плетения из кожи у телеутов / Д. А. Функ. СПб. : [Б.и.], 1992. – 34 с.
174. Фурс В. Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. – 2003. – Т.3. – № 4. – С. 57-66.
175. Чарнявска Б. Процесс организации: как его изучать и как писать // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 1. – С. 6–23.
176. Шеффель Д. Антропология и этика в Восточной Европе // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 6. – С. 21–28.

177. Школьников В.М. Анатолий Григорьевич Вишневский и его демографическая система // Демографическое обозрение. – 2021. – № 1. – С. 6–15.
178. Эндрюшко А. А. Ситуативные факторы культурной интеграции мигрантов в России (на примере граждан Азербайджана) // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11. – № 10(79). – С. 2847–2854.
179. Этнографическое обозрение. – М. : Наука, 2012. – № 4.
180. Этнографическое обозрение. – М. : Наука, 2017. – № 3.
181. Addie J.-P. Real Existing Regionalism: The Region between Talk, Territory and Technology / J.-P. D. Addie, R. Keil // International Journal of Urban and Regional Research. – 2015. – № 39 (2). – P. 407–417.
182. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. – 248 p.
183. Appadurai A. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective / A. Appadurai. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 348 p.
184. Boccagni P. What's in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration // Housing, Theory and Society. – 2014. – № 31 (3). – P. 277–293.
185. Brettell C. Migration theory: Talking across disciplines / C. Brettell, J. Hollifield – New York and Abingdon : Routledge, – 2023. – 392 p.
186. Butcher M. From “Fish Out of Water” to “Fitting In”: The Challenge of Replacing Home in a Mobile World // Population, Place and Space. – 2010. – № 16. – P. 23–36.
187. Cohn B.S. History and Anthropology: The State of Play // Comparative Studies in Society and History. – Vol. 22. – № 2. – 1980. – P. 198–221.
188. Demintseva E. B. «Kyrgyz Clinics» in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants // Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness. – 2018. – № 37 (5). – P. 401–411.

189. Demintseva E. B. Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2017. – № 43 (15). – P. 2556–2572.
190. Edin P. A. Ethnic enclaves and the economic success of immigrants. Evidence from a natural experiment / P. A. Edin, P. Fredriksson, O. Aslund // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2003. – № 118 (1). – P. 329–357.
191. Faist T. Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // *Arcives Européennes de Sociologie*. 1998. Vol. 39. № 2. P. 210–232.
192. Fathi M. Urban Home: Young Male Migrants Constructing Home in the City / M. Fathi, C. Ni Laoire // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2021. – № 49 (2). – P. 1–9.
193. Fong E. Residential patterns across generations of new immigrant groups / E. Fong, F. Hou // *Sociological Perspectives*. – 2009. – № 52 (3). – P. 409–428.
194. Geertz C. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing // *American Economic Review*. – 1978. – Vol. 68. – № 2. – P. 28–32.
195. Geertz C. *The Interpretation of Cultures* / C. Geertz. – New York: Basic Books, – 1973. – 470 p.
196. Geertz C. *Works and lives: the anthropologist as author* / C. Geertz. – Stanford: Stanford University Press, – 1988. – 157 p.
197. Glick Shiller N. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration / N. Glick Shiller, L. Basch, C. Szanson Blanc // *Annals New York Academy of science*. – 1992. – P. 1–21.
198. Hondagneu-Sotelo P. At Home in Inner-city Immigrant Community Gardens // *Journal of Housing and the Built Environment*. – 2017. – № 32. – P. 13–28.
199. Jackson J. On Ethnographic Sincerity // *Current Anthropology*. – 2010. № 51(2). – P. 279–287.

200. Johnston R. Are there ethnic enclaves/ghettos in English cities? / R. Johnston, J. Forrest, M. Poulsen // *Urban Studies*. – 2002. – № 39 (4). – P. 591–618.
201. Kaplan H. Landscapes of the ethnic economy / H. Kaplan, L. Wei. – New York : Rowman and Littlefield, 2006. – 437 p.
202. Kearney M. From the invisible hand to visible feet: Anthropological studies of migration and development // *Annual Review of Anthropology*. – 1986. – № 15. – P. 331–361.
203. Kirsch G.E. Friendship, Friendliness, and Feminist Fieldwork // *Signs Journal of Women in Culture and Society*. – 2005. – № 30 (4). – P. 2163–2172.
204. Kusenbach M. “Look at My House!” Home and Mobile Home Ownership among Latino/a Immigrants in Florida // *Journal of Housing and the Built Environment*. – 2017. – № 32. – P. 29–47.
205. Kusenbach M. Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool // *Ethnography*. – 2003. – Vol. 4. – № 3. – P. 455–485.
206. Malheiros J. M. Immigration and City Change: The Lisbon Metropolis at the Turn of the Twentieth Century / J. M. Malheiros, F. Vala // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2004. – № 30. – P. 1065–1086.
207. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific: an account of native enterprise and adventure in the archipelagoes of Melanesian New Guinea / B. Malinowski. – London : Routledge, 1922. – 526 p.
208. Massey D. S. Explaining the Paradox of Puerto Rican Segregation / D. S. Massey, B. Bitterman // *Social Forces*. – 1985. – № 64 (2). – P. 307–331.
209. Massey D.S. Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review // *Sociology and Social Research*. – 1985. – № 69. – P. 315–350.
210. McCormick M. Feminist Research Ethics, Informed Consent, and Potential Harms // *The Hilltop Review*. – 2012. – № 6 (1). – P. 23–33.

211. Musterd S. Residential segregation and integration in the Netherlands / S. Musterd, W. Ostendorf // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2009. № 35 (9). – P. 1515–1532.
212. Peach C. Pluralist and assimilationist models of ethnic settlement in London 1991 // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. – 1997. – № 88. – P. 120–134.
213. Price D. Anthropologists as Spies: Collaboration Occurred in the Past, and There's No Professional Bar to It Today // *The Nation*. – [W.p.], 2000. – URL: <https://www.thenation.com/article/archive/anthropologists-spies> (access date: 19.04.2019)
214. Rabinow P. *Reflections on Fieldwork in Morocco* / P. Rabinow. – Berkeley : University of California, 1977. – 164 p.
215. Reed-Danahay D. *Citizenship, Political Engagement, and Belonging: Immigrants in Europe and the United States* / D. Reed-Danahay, C. Brettell. – New Jersey: Rutgers University Press, 2008. – 302 p.
216. Rosenblum M. *Oxford Handbook of the Politics of International Migration* / M. Rosenblum, D. Tichenor. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 659 p.
217. Schönwälder K. Immigrant Settlement Structures in Germany: General Patterns and Urban Levels of Concentration of Major Groups / K. Schönwälder, S. Janina // *Urban Studies*. – 2009. – № 46 (7). – P. 1439–1460.
218. Studer I. Self-employed Turkish speaking women in London – Opportunities and constraints within and beyond the ethnic economy // *International Journal of Innovation and Entrepreneurship*. – 2003. – Vol. 4. – № 3. – P. 185–195.
219. Valenzuela-Garcia H. Revisiting 'ethnic enclave economy': resilient adaptation of small businesses in times of crisis in Spain / H. Valenzuela-Garcia, S. Parella, B. Guell // *International Journal of Anthropology and Ethnology*. – 2017. – № 5. – P. 1–13.
220. Vendina O. Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow // *Eurasian Geography and Economics*. – 2002. – Vol. 43. – № 3. – P. 216–243.

221. Werbner P. The migration process. Capital, gifts and offerings among British Pakistanis / P. Werbner. – New York, – 1990. – 412 p.
222. Yinger J. Closed Doors, Opportunities Lost: The Continuing Costs of Housing Discrimination / J. Yinger. – New York : Russell Sage Foundation, 1995. – 464 p.
223. Zelinsky W. Heterolocalism: An alternative model of the sociospatial behaviour of immigrant ethnic communities / W. Zelinsky, L. Baret // International Journal of Population Geography. – 1998. – № 4. – P. 281–289.
224. Zhou M. Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave / M. Zhou. – Philadelphia : Temple University Press, 1997. – 458 p.
225. Zhou M. Returns on human capital in ethnic enclaves: New York City's Chinatown / M. Zhou, J. R. Logan // American sociological review. – 1985. – № 54 (5). – P. 809–820.
226. The Poetics and Politics of Ethnography / eds. J. Clifford, G. Marcus. Berkeley: University of California. 1986. 305 p.

Приложение А Гайд интервью с трудовыми мигрантами

1. Биография

- 1.1. Расскажите о себе. Откуда Вы родом? Кто по профессии были Ваши родители?
- 1.2. Где Вы учились? Где работали до отъезда в Россию (если не учились в России)?
- 1.3. В каком году Вы переехали в Россию? Кто помог Вам приехать и обосноваться в России?
- 1.4. Расскажите про Ваши первые годы (месяцы) в России? Где Вы работали? Где жили? Кто помогал в первые годы (месяцы)?

2. Работа в России

- 2.1. Расскажите, где Вы сейчас работаете? Чем занимаетесь (конкретные функции)? Как Вы нашли эту работу?
- 2.2. Какой Ваш обычный график? Сколько дней работаете? Сколько часов? Есть ли выходные?
- 2.3. Подрабатываете ли Вы (помимо основной работы)? Где (если да)?
- 2.4. Есть ли в том месте, где Вы работаете, российские сотрудники? Есть ли какая-то разница в отношении к Вам и к ним со стороны начальства? Разница в оплате? В заключении контрактов?
- 2.5. Знаете ли Вы что такое «платформенная занятость»? Работали ли Вы когда-нибудь курьером или таксистом, пользуясь этим сервисом? (расспросить подробно если работал)

3. Жизнь в России

- 3.1. Расскажите, где Вы сейчас живете? Снимаете койко-место в квартире или комнату? Живете ли в общежитии?
- 3.2. Как Вы нашли это жилье?
- 3.3. Живете ли Вы с семьей? Родственниками? Знакомыми? Незнакомыми Вам людьми?

3.4. Расскажите, как проходит Ваш обычный день? Во сколько Вы выходите на работу, как добираетесь? Сколько часов проводите не работе? Что делаете после работы?

3.5. Чем Вы занимаетесь в Ваш выходной? Можете рассказать о двух последних выходных днях?

4. Общение

4.1. Можете ли Вы назвать двух своих ближайших друзей? Откуда они? Чем занимаются в России?

4.2. Как Вы проводите время с друзьями? Куда ходите? (конкретно места, лучше с адресами)

4.3. Можете назвать места в городе, где Вы чаще всего бываете? (в этом вопросе надо записать конкретные адреса – это могут быть магазины, рынки, кафе, парки, дискотеки и тп)

4.4. Можете ли Вы сказать, что в нашем городе есть киргизские (таджикские и тп – в зависимости от происхождения информанта) места? Какие?

4.5. Есть ли у Вас любимые места в городе? Какие (назвать)?

5. Социальная помощь

5.1. Болели ли Вы? Куда обращались?

5.2. Могут ли мигранты лечиться в российской больнице? Были ли у Вас знакомые, которые лечились в России? Где?

5.3. Могут ли дети мигрантов учиться в российской школе? Можете ли Вы рассказать о примерах обучения детей в школе в России у Ваших знакомых (или у Вас, если у информанта есть дети)

5.4. Можете ли Вы рассчитывать на какие-то пособия в России? Есть ли у мигрантов какие-то льготы? Можете рассказать?

Приложение Б Анкета для опроса трудовых мигрантов в вернакулярных районах Томска

Район

Интервьюер отмечает степень знания русского языка респондента:
«знает/плохо знает/не знает»

М Ж возраст _____

перекресток улиц (где живет) _____

1-3. Откуда Вы приехали в Томск?

1. Страна (Один ответ)

1. Кыргызстан
2. Узбекистан
3. Таджикистан

2. Область _____

3. Город/райцентр/село (подчеркнуть нужное)

4. Родной язык:

1. Узбекский
2. Кыргызский
3. Таджикский

5. Какое у Вас гражданство? (один ответ)

1. РФ
2. Кыргызстан
3. Узбекистан
4. Таджикистан
5. Другое (например, двойное гражданство, лицо без гражданства) _____

6. Ваше семейное положение (выбрать все подходящие ответы):*

1. Женат/замужем
2. Вдовец/вдова
3. Разведен(а)
4. Никогда не состоял(а) в браке
5. Гражданский брак (сожительство)
6. Другое _____

7. Какое у Вас образование?

1. Начальное
2. Среднее
3. Среднее специальное /профессиональное
4. Высшее
5. Другое _____

8. Кем Вы работаете? _____

9. Где Вы работаете? (например, магазин, офис, склад) _____

10. Сколько времени Вы работаете на этом месте? _____

11. Кем Вы еще работали в Томске (если работали в другом месте)? _____

12. Где работали до этого? (выбрать все подходящие ответы)*

1. В этом районе
2. В другом районе Томска
3. В другом населенном пункте Томской области
4. В другом городе России
5. Другое _____

13. В каком году Вы первый раз приехали в Томск? _____ год

14. Как часто Вы ездите к себе на родину? (один ответ)

1. Раз в год или раз в несколько лет в отпуск
2. Уезжаю на зиму (лето)
3. Уезжаю на несколько лет, а потом возвращаюсь в Россию
4. Другое _____

15. Как вы добираетесь до Томска?

1. Автомобиль
2. Автобус
3. Поезд
4. Самолет
5. Частные перевозки
6. Другое _____

16. Чем Вы занимались до первого приезда в Россию? (один ответ)

1. Учился
2. Работал; кем и где _____
3. Помогал родителям, занимался домом, огородом, домашним хозяйством
4. Другое _____

17. Во сколько обычно начинается Ваш рабочий день?

18. Во сколько обычно заканчивается Ваш рабочий день?

* - вопросы, в которых возможны несколько вариантов ответа

19. В каком режиме Вы работаете? (один ответ)
1. 2 выходных в неделю
  2. 1 выходной в неделю
  3. Посменно:
  4. Ненормированный график, по вызову
  5. Работают каждый день, без выходных
  6. Другое _____
20. Сколько времени Вам нужно добираться до работы?
_____ минут
21. Как вы добираетесь до работы? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Пешком
  2. Наземный общественный транспорт (троллейбус, трамвай, автобус, маршрутка)
  3. Велосипед
  4. Машина
  5. Другое _____
22. А в остальное время, вне работы, как Вы передвигаетесь по городу чаще всего? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Пешком
  2. Наземный общественный транспорт
  3. Машина
  4. Другое _____
23. Где вы живете? (один ответ)
1. Квартира
  2. Общежитие – ПЕРЕХОД К ВОПРОСУ 26
  3. Другое _____ – ПЕРЕХОД К ВОПРОСУ 26
24. Сколько комнат в квартире? _____
25. Сколько человек живет вместе с Вами в квартире?
_____ взрослых
_____ детей
26. Кто живет в квартире кроме Вас? (выбрать все подходящие ответы)*
1. В основном родственники
  2. Люди, с кем Вы были знакомы до приезда в Россию
  3. Люди, с кем Вы познакомились уже здесь
  4. Другое _____
27. Сколько человек живет вместе с Вами в комнате?
_____ взрослых
_____ детей
28. С кем Вы живете в этой комнате? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Муж/Жена
  2. Дети
  3. Брат/сестра
  4. Родители
  5. Другие родственники, кто именно _____
  6. Люди, с кем Вы были знакомы до приезда в Россию
  7. Люди, с кем Вы познакомились уже здесь
29. Вы ведете с кем-нибудь общее хозяйство (покупаете продукты, готовите вместе)? (один ответ)
1. Нет, веду хозяйство в одиночку
  2. Да, (сколько взрослых) _____
30. Сколько времени Вы живете в Томске в этом месте (в этой квартире, доме)? _____
31. Сколько времени Вы живете в Томске в этом районе? _____
32. Какие у Вас отношения с соседями по дому? (один ответ)
1. Знаю некоторых по именам, могу попросить о чем-то если нужно
  2. Знаю некоторых в лицо, здороваемся
  3. Не вижу соседей
  4. Соседи относятся агрессивно, плохо, жалуются
  5. Другое _____
33. Если до этого жили в Томске в других местах – укажите, где? (выбрать все подходящие ответы)*
1. В этом районе
  2. В другом районе
  3. В другой части города
  4. В пригороде (например, Тимирязево, Элита, Кисловка, Кузовлево, Светлый, Лоскутово, Богашево, Предтеченск, др.)
  5. Всегда жил тут – ПЕРЕХОД К ВОПРОСУ 35
34. Сколько времени Вы жили в предыдущем месте в Томске?
_____

35. Почему поменяли место жительства? (один ответ)
1. Поменял работу и переехал жить ближе к работе
  2. Изменились семейные обстоятельства (приехали/уехали родственники, родился ребенок)
  3. Не сложились отношения с соседями в прежней квартире
  4. Другое _____
36. Где Вы чаще всего покупаете продукты? (один ответ)
1. Рынок, какой _____
  2. Магазин, какой _____
  3. Другое _____
37. Где Вы чаще всего покупаете одежду? (один ответ)
1. Рынок, какой _____
  2. Торговый центр, какой _____
  3. Другое _____
38. Назовите те улицы в Томске, которые Вы хорошо знаете? _____
 _____
 _____
 _____
39. Где в Томске живут Ваши друзья, родственники? (выбрать все подходящие ответы)*
1. В этом же районе Томска
  2. В другом районе Томска (указать в каком) _____
  3. В пригороде (например, Тимирязево, Эушта, Кисловка, Кузовлево, Светлый, Доскутово, Богашево, Предтеченск, др)
  4. Другое _____
40. Где Вы с ними встречаетесь? (выбрать все подходящие ответы)*
1. У меня дома
  2. У них дома
  3. В кафе, в каком _____
  4. Другое _____
41. Расскажите про своих ближайших друзей, с кем вы больше всего общаетесь сейчас в Томске (см. табл. № 1)
1. Нет друзей в Томске
42. Где Вы проводите время после работы? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Дома
  2. В гостях
  3. Встречаюсь с друзьями, где _____
  4. Другое _____
43. Как Вы проводите выходные дни? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Занимаюсь бытовыми делами дома
  2. Хожу в гости
  3. Ко мне приходят гостей
  4. Гуляю по городу, где _____
  5. Хожу в торговые центры, какие _____
  6. Хожу в кафе, какие _____
  7. Хожу в мечеть, какую _____
  8. Другое _____
  9. Нет выходных
44. Как часто Вы ходите в мечеть? (один ответ)
1. Каждый день, в какую мечеть _____
  2. Каждую неделю, в какую мечеть _____
  3. По праздникам, в какую мечеть _____
  4. Не хожу
  5. Другое _____
45. Посещаете ли Вы мероприятия, организуемые национальными организациями? (один ответ)
1. Регулярно (назвать, какие) _____
  2. Иногда (назвать, какие) _____
  3. Никогда
  4. Другое _____
46. Посещаете ли Вы в выходные дни городские культурные мероприятия, городские праздники (День города, Фестиваль “Дружба народов”, Фестиваль “Эко-Этно”, Ночь музеев, Новый Год и т.д.)? (один ответ)
1. Да, посещаю (назвать, какие) _____
  2. Да, был один или два раза (назвать, какие) _____
  3. Нет, не хожу – ПЕРЕХОД К ВОПРОСУ 48
47. На каком празднике Вы были в последний раз?
 _____
48. Откуда узнаете про городские праздники? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Друзья, знакомые
  2. Афиши и реклама на улицах
  3. Интернет

4. Другое _____
49. А) Пользуетесь ли Вы социальными сетями?
- Да (указать какими) _____
- Нет – ПЕРЕХОД К ВОПРОСУ 50
- Б) С какой целью пользуетесь социальными сетями и/или мессенджерами? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Поиск работы и поиск жилья
  2. Новости
  3. Развлечение
  4. Общение с семьей, родственниками, проживающими в родной стране
  5. Другое _____
50. Назовите сайты, из которых Вы берете информацию о городе?
- _____
51. Назовите сайты, которые помогают Вам найти информацию о Ваших соотечественниках?
- _____
52. Какими мессенджерами Вы обычно пользуетесь? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Viber
  2. WhatsApp
  3. Telegram
  4. WeChat
  5. Другой _____
53. Где в Томске Вы себя чувствуете в безопасности? (один ответ)
1. В квартире, где живу
  2. Во дворе дома, где живу
  3. В районе, где живу
  4. Везде в Томске
  5. Нигде в Томске
  6. Другое _____
54. Есть ли в городе организации, которые оказывают помощь мигрантам? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Национальные организации
  2. Мечети
  3. Частные организации
  4. Другое _____
55. Куда Вы обращаетесь в случае болезни? (выбрать все подходящие ответы)*
1. Ближайшая поликлиника
  2. Частная клиника
  3. Знакомый врач
  4. Никуда не обращаюсь
  5. Другое _____
56. С которым из утверждений Вы согласны? (один ответ)
1. Я уверен, что у меня всё в порядке с документами
  2. Я думаю, что у меня не всё в порядке с документами
  3. Другое _____
57. Сколько у вас детей? _____
58. Если у Вас есть дети, то в какую (ой) школу/детский сад они ходят? _____
59. Сколько из них живут в Томске? _____
60. Расскажите про детей, которые живут в Томске (см. табл. № 2)

Приложение В Иллюстрации

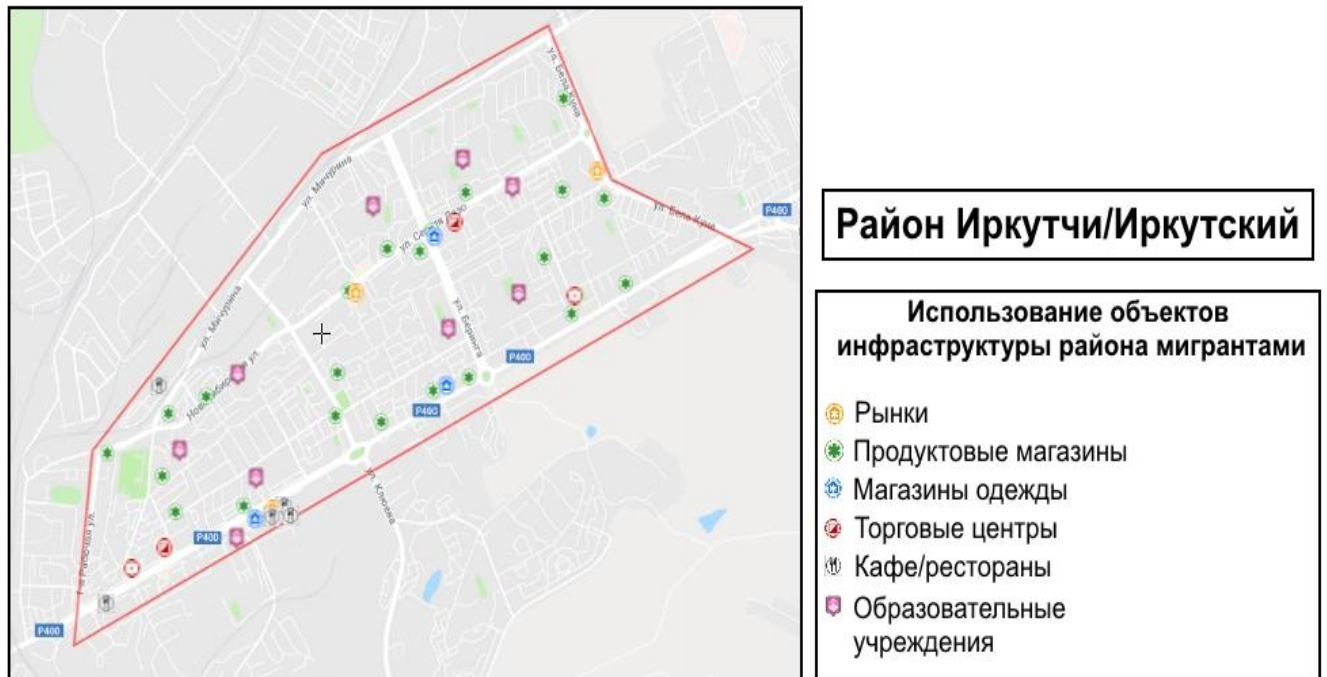
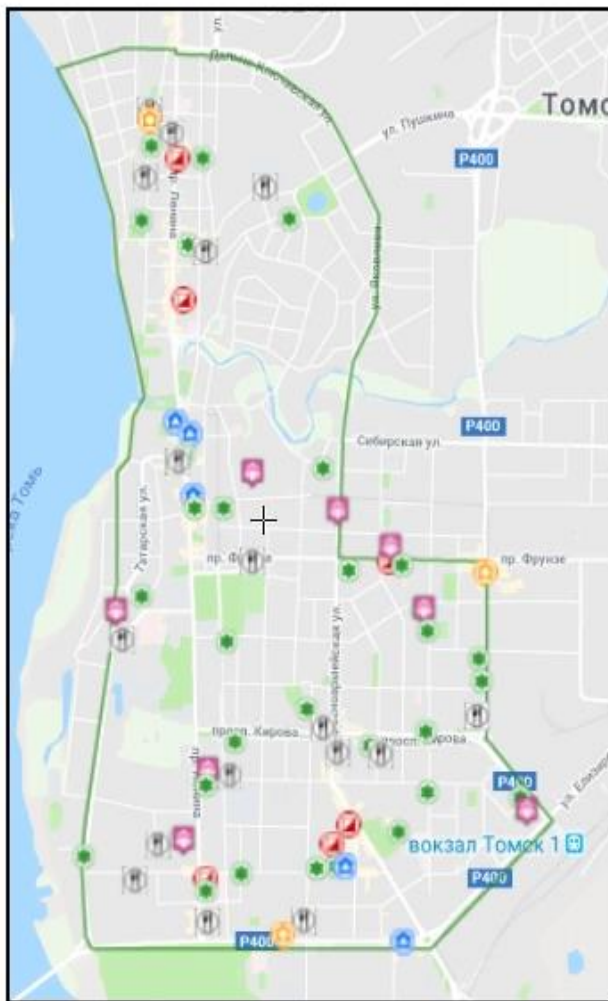

Рисунок В. 1 – Карта вернакулярного района «Иркутчи»

Район Центр

Использование объектов инфраструктуры района мигрантами

- Рынки
- Продуктовые магазины
- Магазины одежды
- Торговые центры
- Кафе/рестораны
- Образовательные учреждения

Рисунок В. 2 – Карта вернакулярного района «Центр»

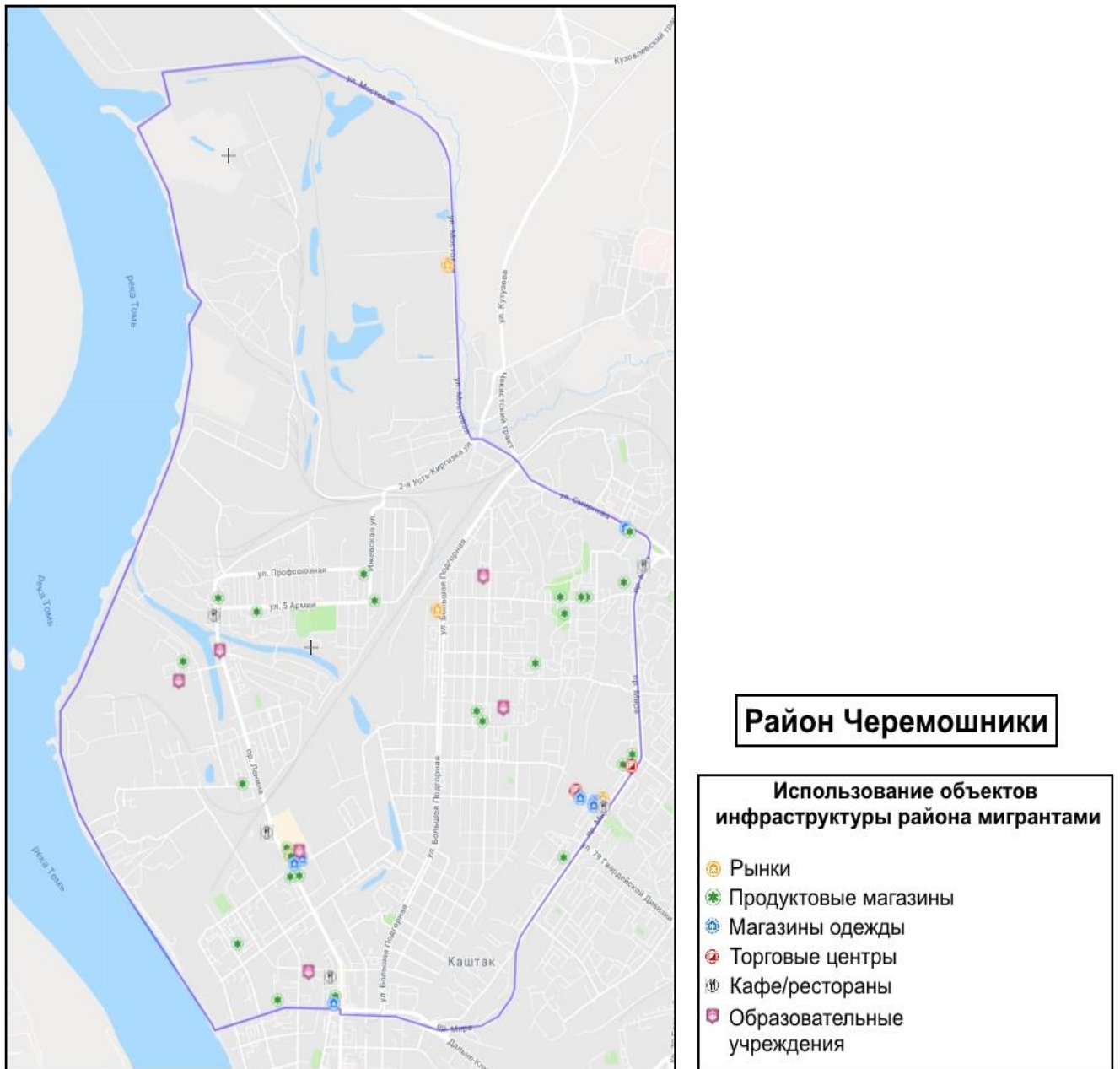

Рисунок В. 3 – Карта вернакулярного района «Черем»

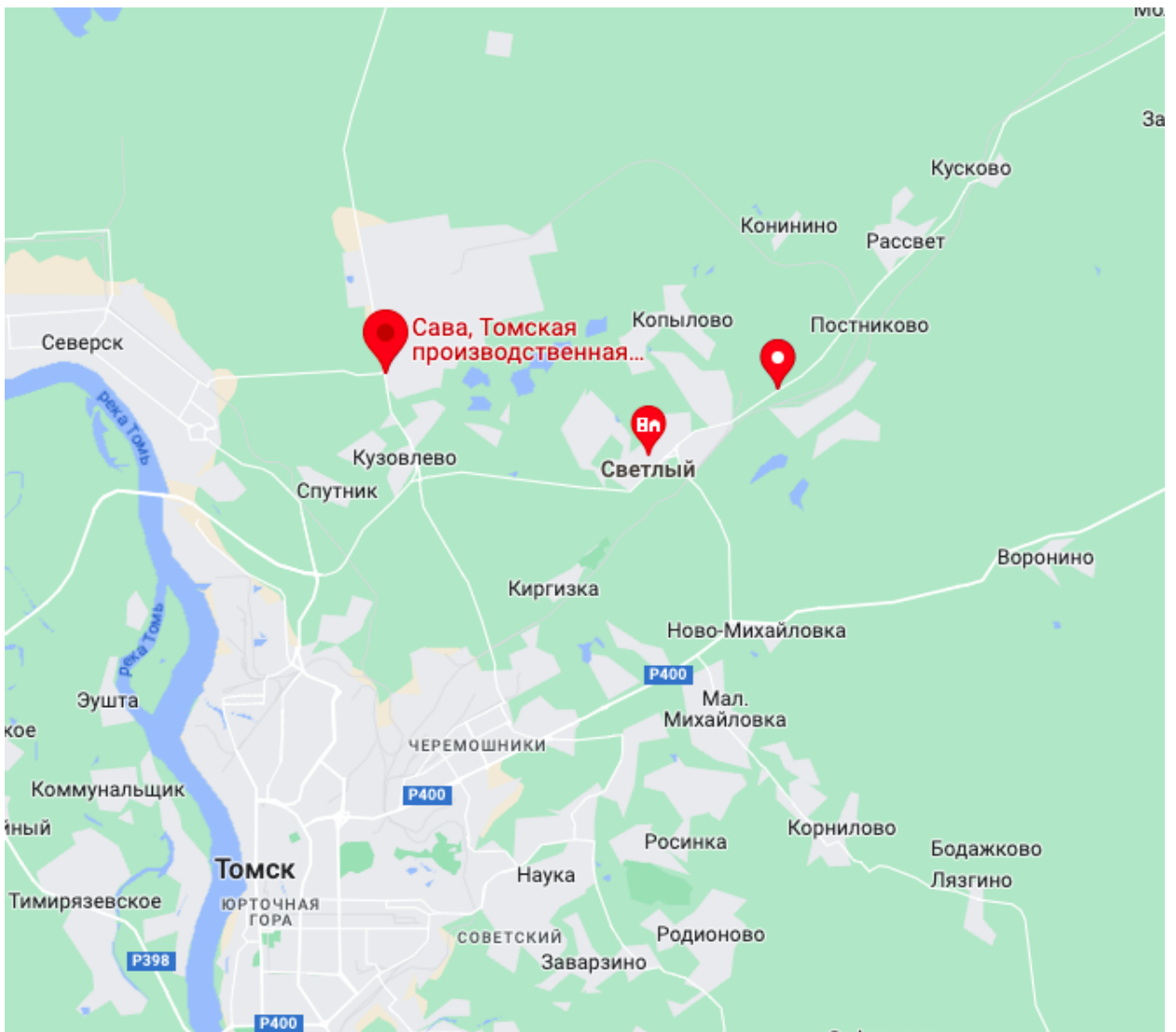

Рисунок В. 4 – скриншот карты части Томского района Томской области

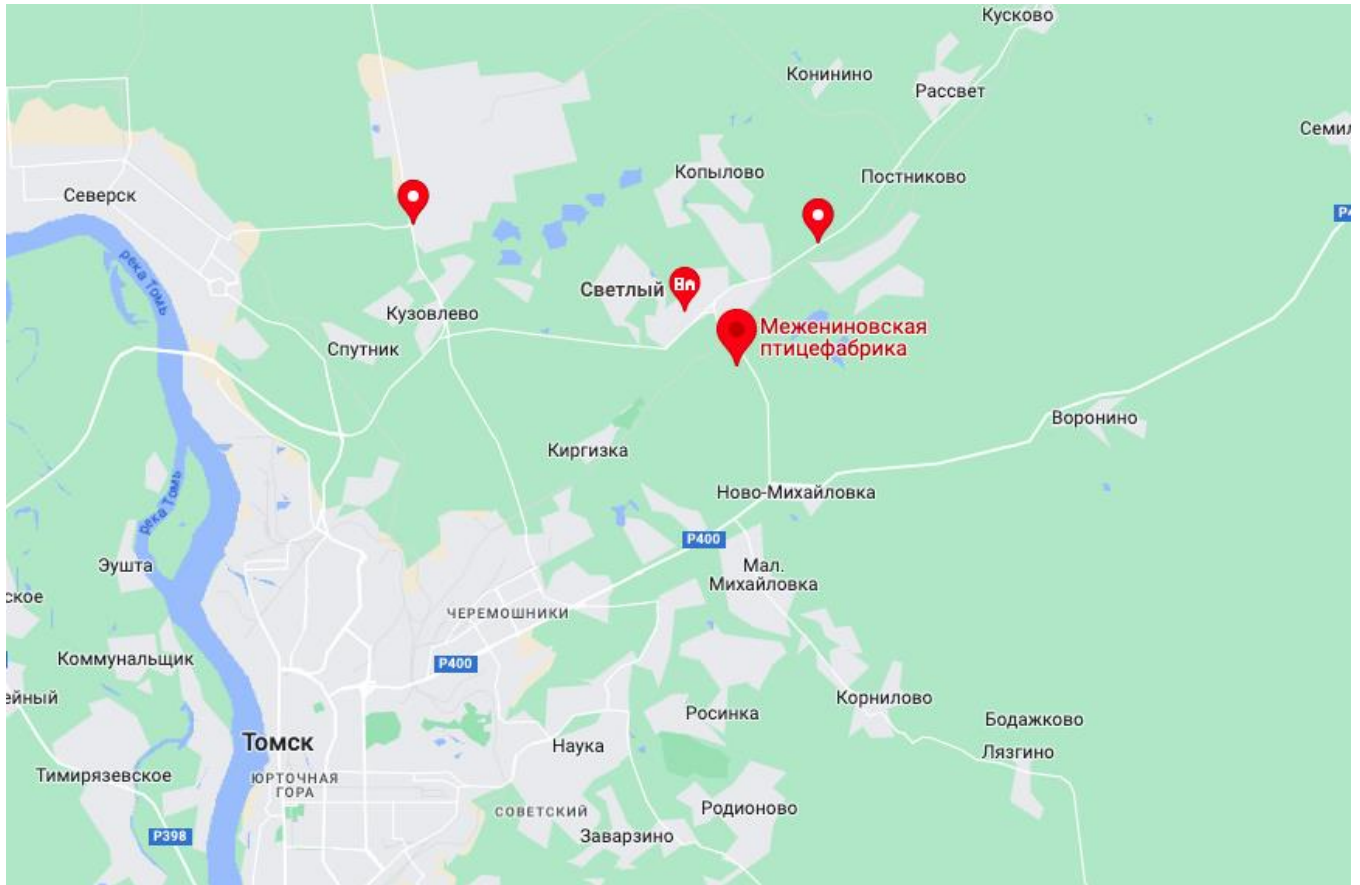

Рисунок В. 5 – скриншот карты части Томского района Томской области

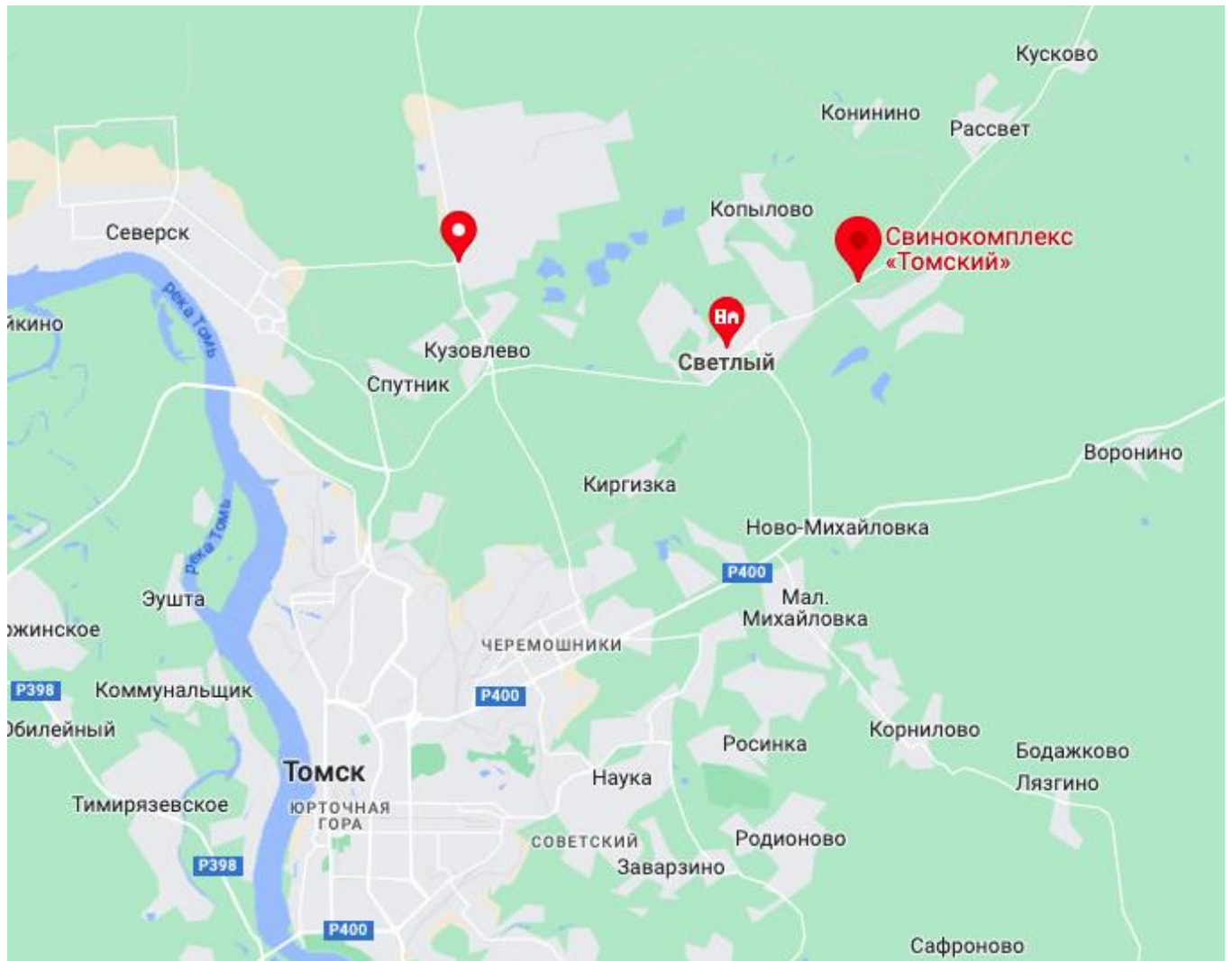

Рисунок В. 6 – скриншот карты части Томского района Томской области

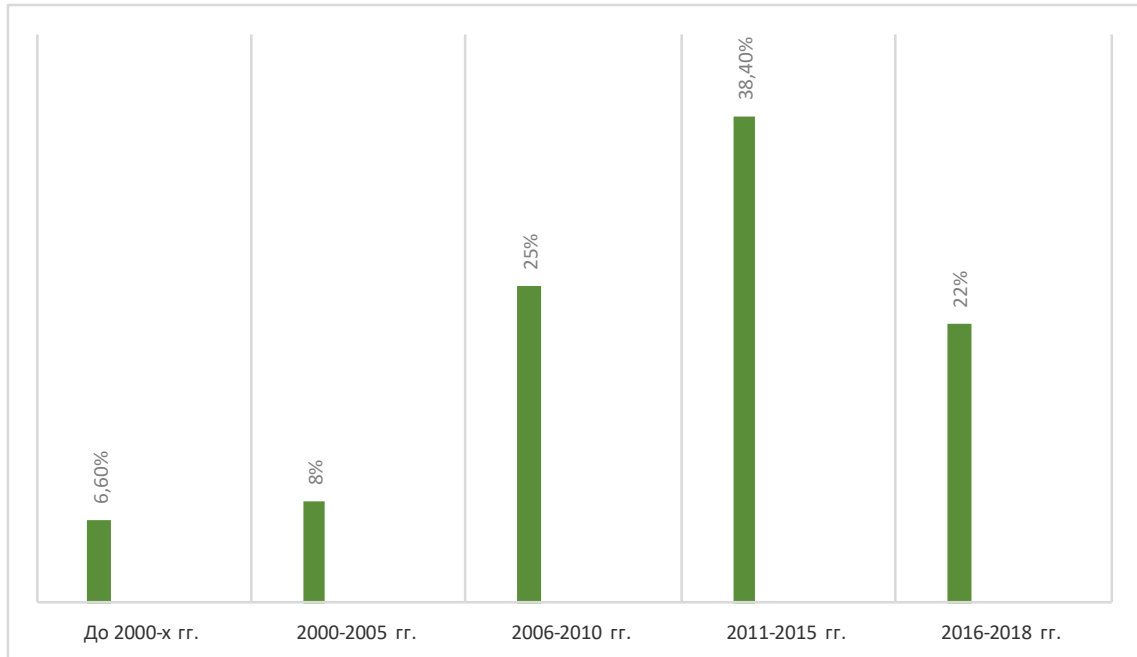

Рисунок В. 7 – распределение респондентов по времени приезда в Томск

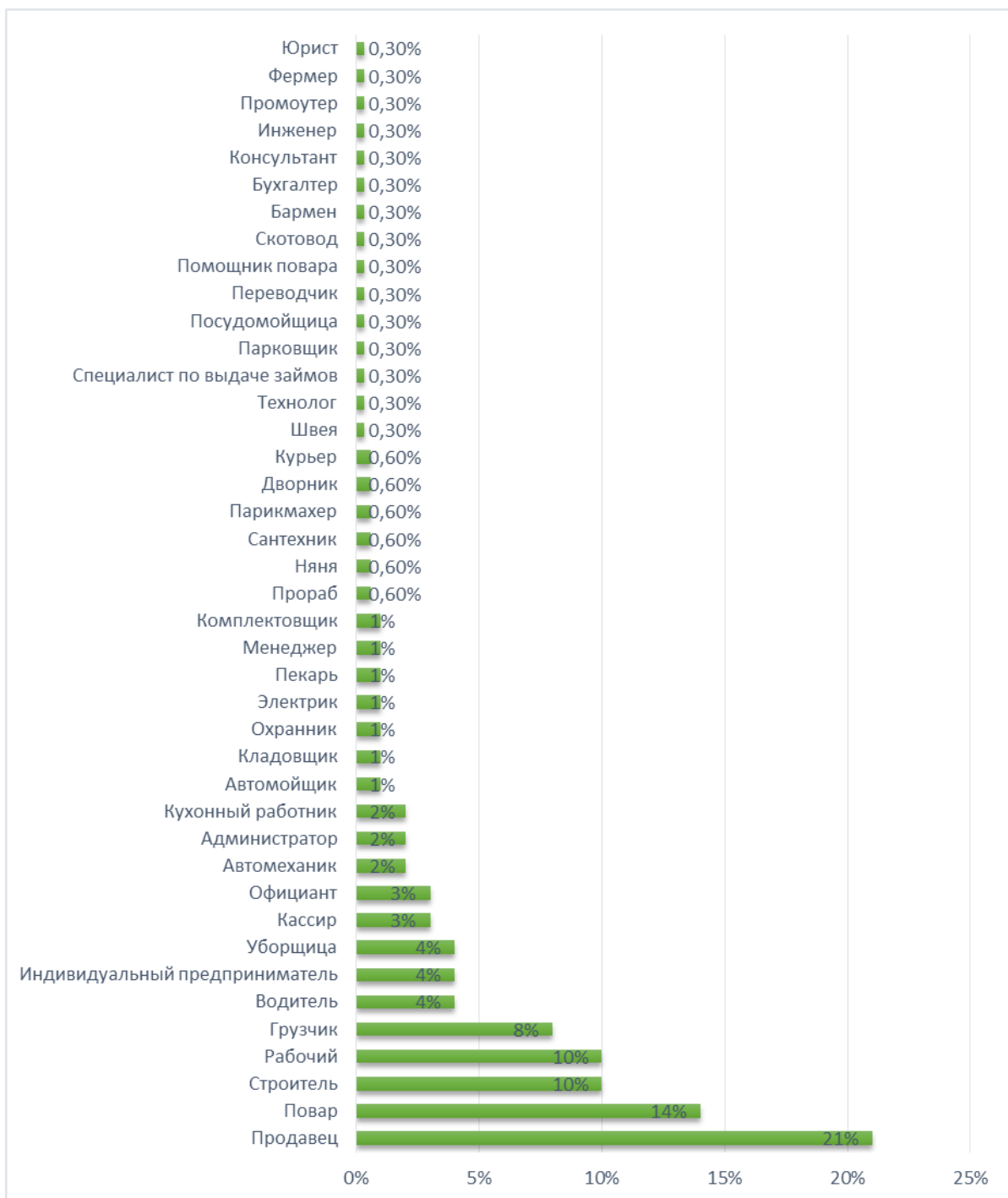

Рисунок В. 8 – распределение респондентов по степени занятости в определенной трудовой нише Томска

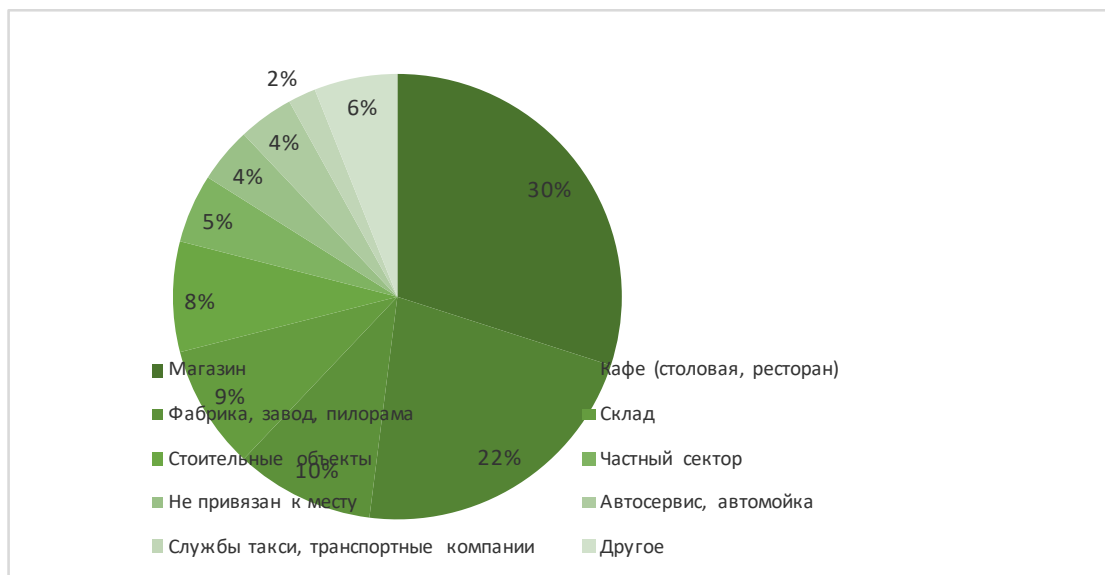

Рисунок В. 9 – места работы трудовых мигрантов в Томске

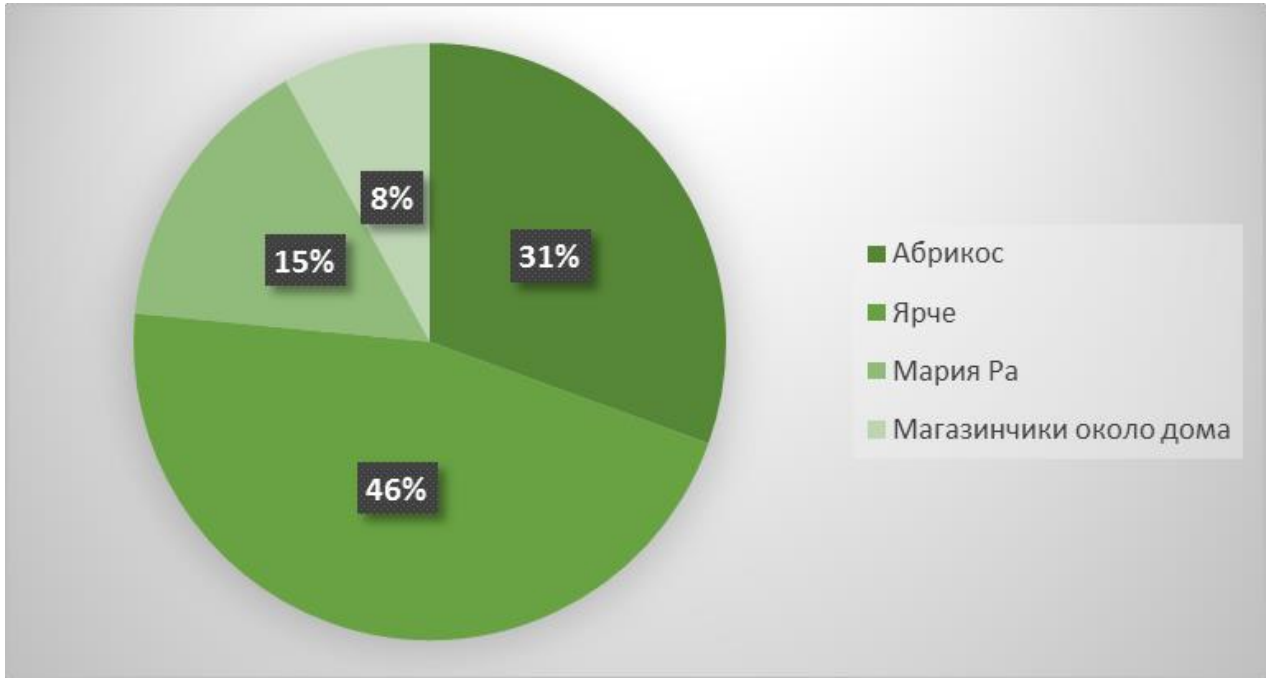

Рисунок В. 10 – распространенные места покупки продуктов мигрантами в Томске

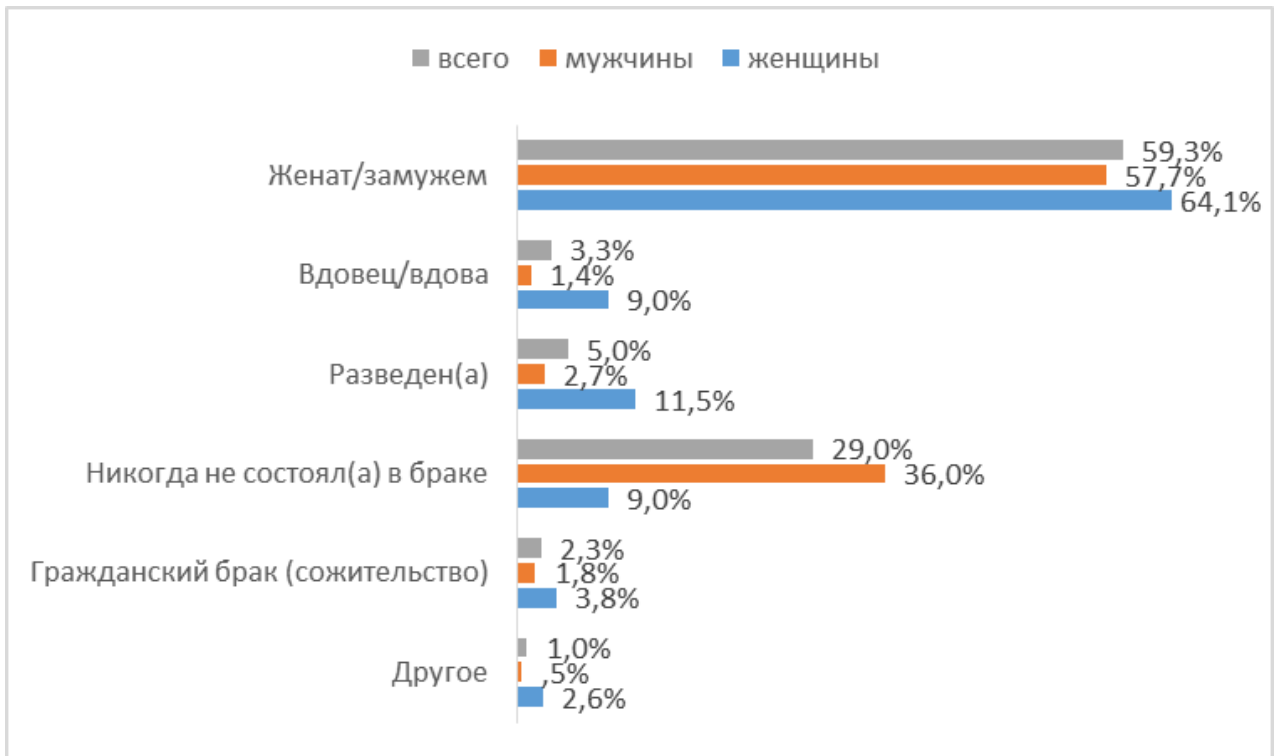

Рисунок В. 11 – семейное положение мигрантов Томска

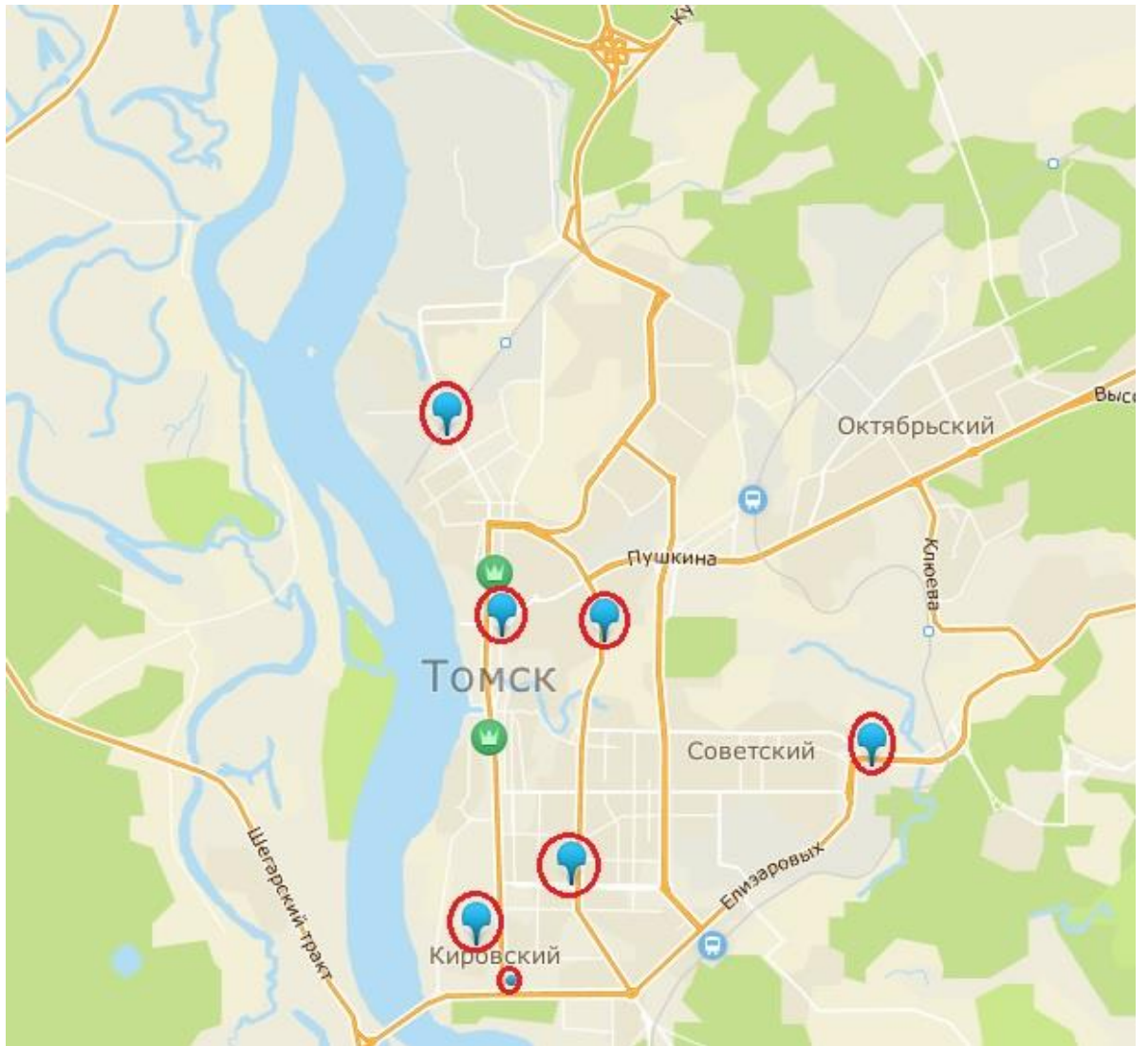

Рисунок В. 12 – скриншот карты с обозначением «точек» сети кафе «Ош»

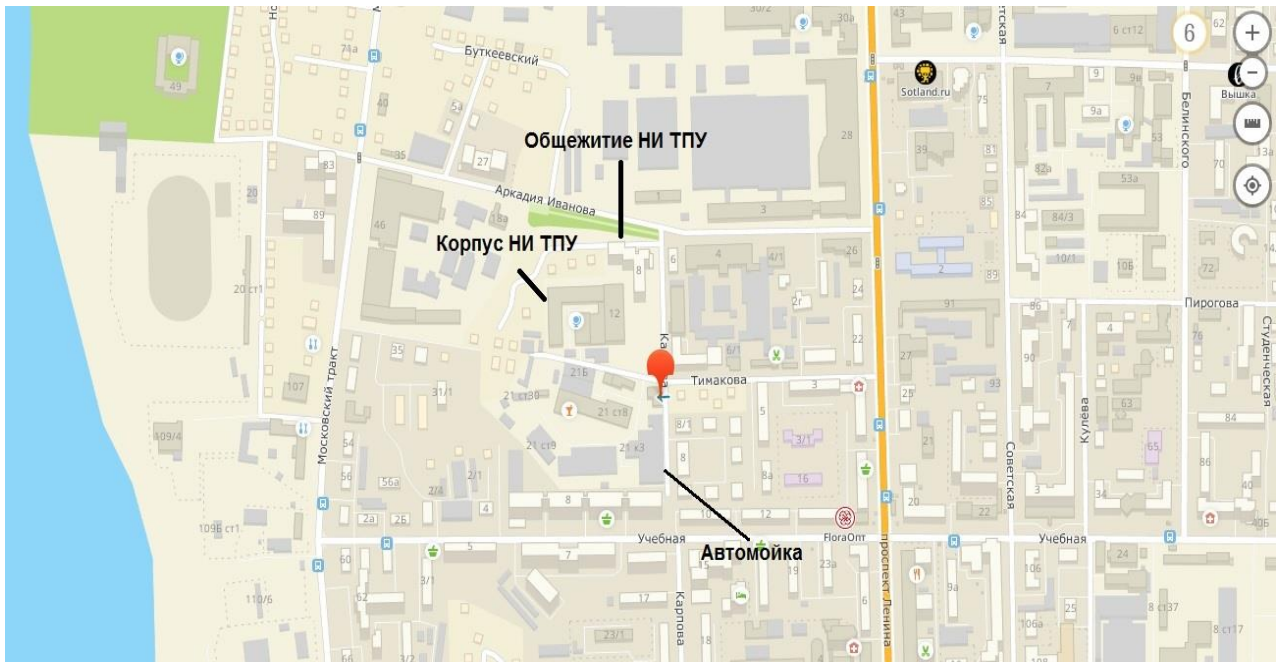

Рисунок В. 13 – скриншот карты с обозначением кафе «Ош» и соседствующих элементов инфраструктуры ТПУ

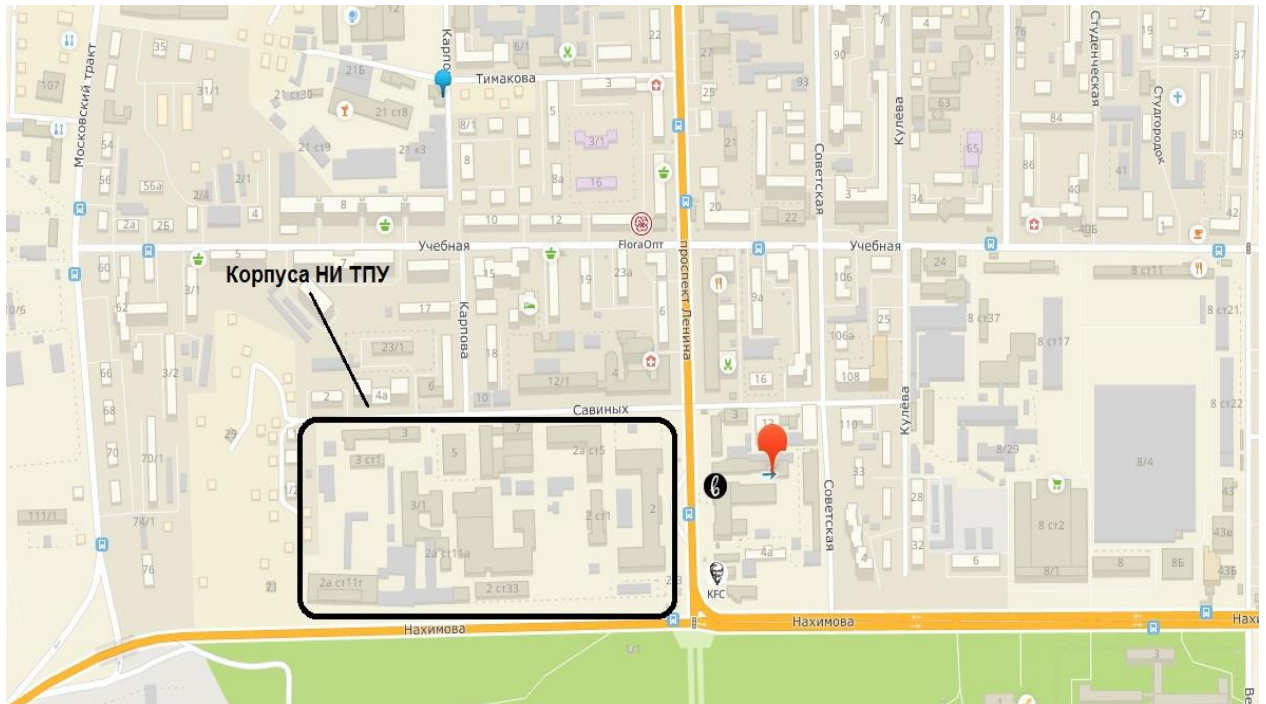

Рисунок В. 14 – скриншот карты с обозначением кафе «Ош» и соседствующих элементов инфраструктуры ТПУ

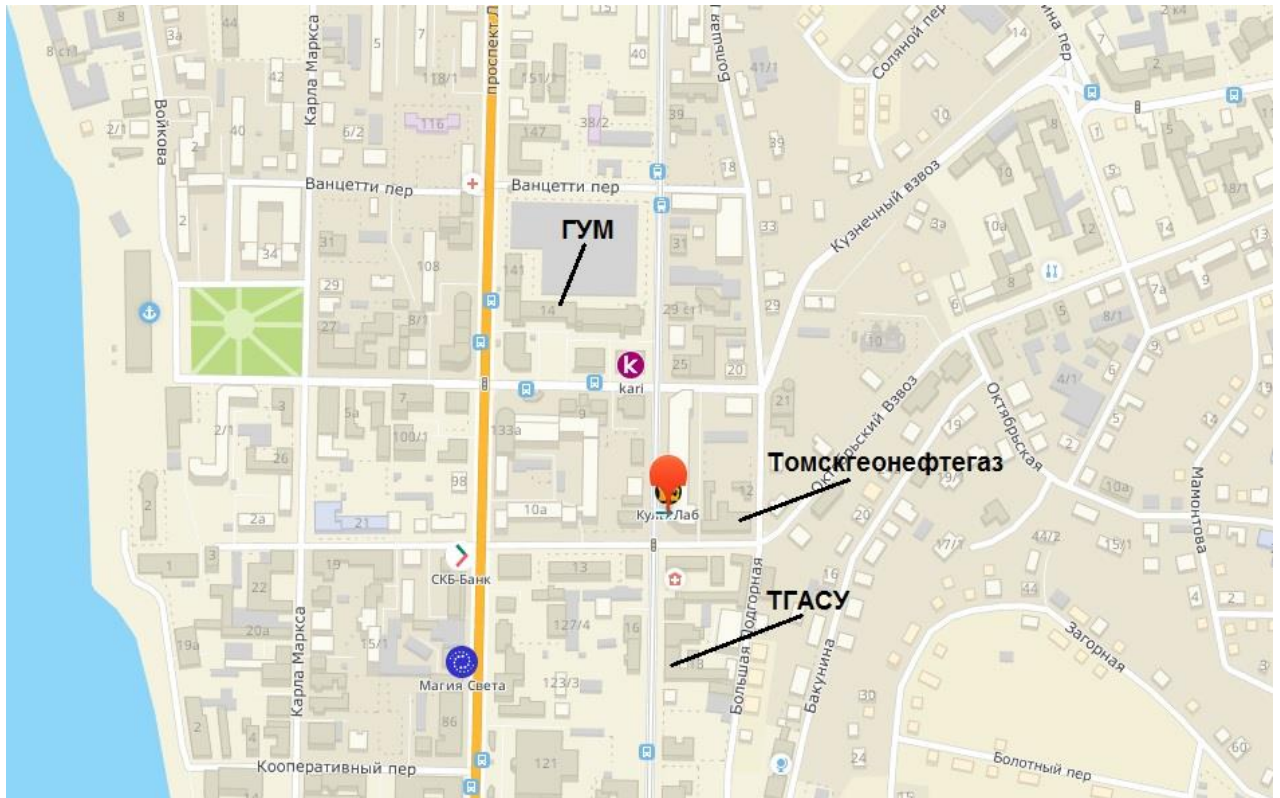

Рисунок В. 15 – скриншот карты с обозначением кафе «Ош» и соседствующих элементов городской инфраструктуры

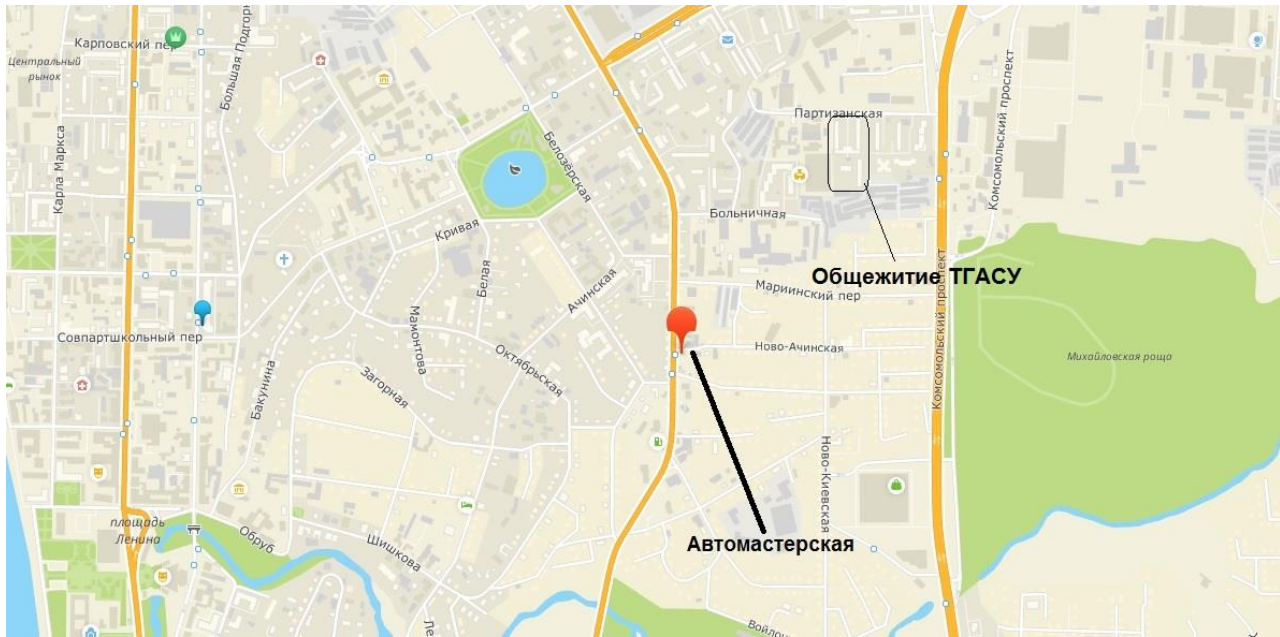

Рисунок В. 16 – скриншот карты с обозначением кафе «Ош» и соседствующих элементов городской инфраструктуры

Рисунок В. 17 – фото прилавка кафе «Ош» на улице Яковлева (Томск)

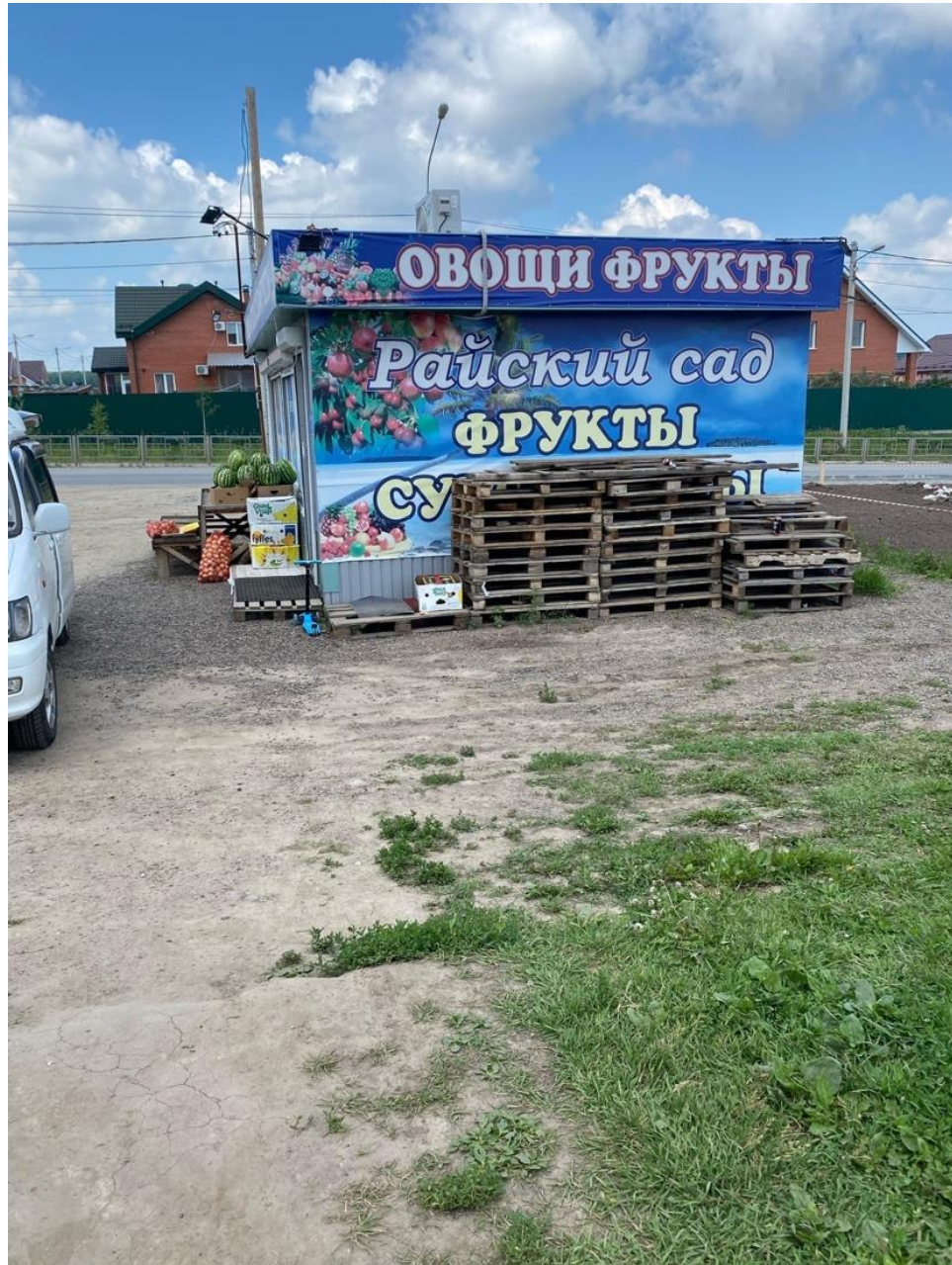

Рисунок В. 18 – фото ларька по продаже овощей и фруктов в Зональном сельском поселении

Рисунок В. 19 – фото ларька по продаже овощей и фруктов в Заречном сельском поселении

Рисунок В. 20 – фото ларька по продаже мясной продукции в Зональном сельском поселении

Рисунок В. 21 – фото строительного процесса в Зональненском сельском поселении

Рисунок В. 22 – фото строительного процесса в Заречном сельском поселении

Рисунок В. 23 – фото «мигрантских» продуктовых ларьков в пос. Светлый

Рисунок В. 24 – фото одного из магазинов сети «Планета одежды и обуви», созданной трудовыми мигрантами из Таджикистана

Рисунок В. 25 – фото прогулки матери-мигрантки из Узбекистана с ребенком по центральной улице пос. Светлый

Рисунок В. 26 – автобус «Межениновской птицефабрики» собирает рабочих с остановки

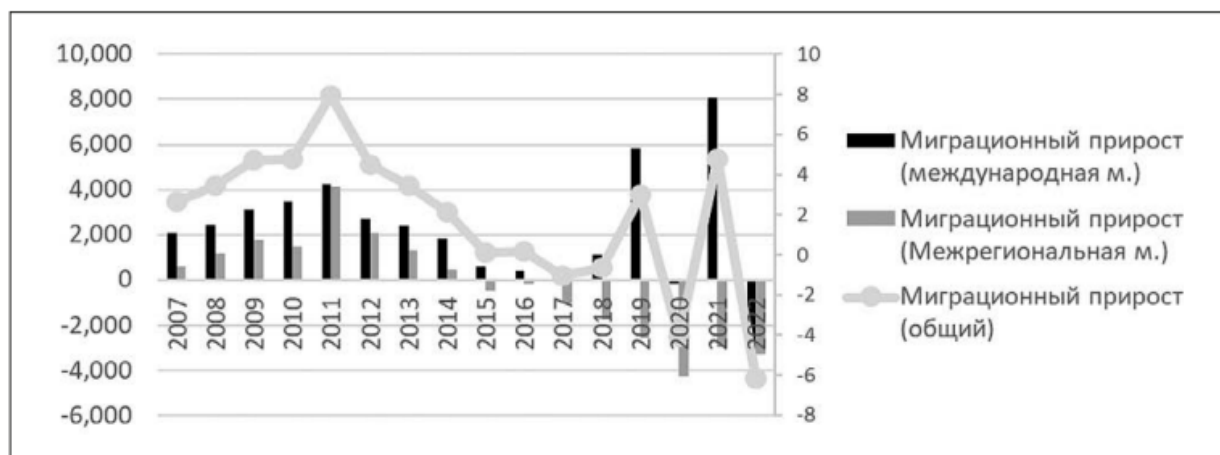

Рисунок В. 27 – Диаграмма, демонстрирующая международную и межрегиональную миграцию в Томской области в 2007-2022 гг., промилле, чел.

Приложение Г ТаблицыТаблица Г. 1 – Распределение респондентов по стране происхождения²²⁶

Страна происхождения	Число, чел.	Доля, %
Кыргызстан	76	25
Узбекистан	179	60
Таджикистан	300	100

---

²²⁶ Таблица составлена по результатам анкетного опроса граждан Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в Томске в рамках осуществления исследовательского гранта РНФ № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц»